

Г.Ю. Любарский

МОРФОЛОГИЯ ИСТОРИИ

МОСКВА 2000

Георгий Любарский

**Морфология истории.
Сравнительный метод и
историческое развитие**

«Товарищество научных изданий КМК»

2000

Любарский Г. Ю.

Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие / Г. Ю. Любарский — «Товарищество научных изданий КМК», 2000

ISBN 978-5-87317-079-7

Книга иллюстрирует применение незаслуженно забытого сравнительного метода в глобальных и частных исторических исследованиях. Сложное взаимодействие исторических процессов всемирного характера, таких, как вестернизация, с особенностями отдельных обществ, определяет конкретную морфологию истории – те формы развития обществ, которые мы наблюдаем. В результате морфологического изучения истории обнаруживается, что психологические особенности людей меняются от эпохи к эпохе. Следствием этих душевных изменений оказываются многие социальные, политические, экономические процессы, и именно с ними связана периодизация истории человечества. В связи с закономерным изменением характеров участвующих в историческом процессе людей, цивилизаций изменяется и устройство общества на каждом историческом этапе. В книге рассматривается взаимодействие частей современного общества: культуры, государства, экономики. Морфологический подход к истории позволяет исследовать несостоявшиеся варианты истории, характеризовать те исторические возможности и развилки, которые имели место в прошлом и ожидают нас в будущем. Книга адресована историкам, философам, социологам, культурологам, политологам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-87317-079-7

© Любарский Г. Ю., 2000
© Товарищество научных изданий
КМК, 2000

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	28
Глава III	58
Глава IV	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Г.Ю. Любарский

Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие

Предисловие

Эта книга родилась из интереса к живому пониманию истории, и написана она не как научная работа. И причина этого не только в том, что в ней не рассматриваются непосредственные первоисточники, что является показателем профессионализма в историческом труде. Нагружать книгу справочным библиографическим аппаратом оказалось бессмысленным, поскольку не способствовало большей понятности изложения и не делало само изложение менее спорным. Так же трудно сказать, что в книге нового. Почти все мысли, в ней высказанные, уже высказывались многими другими людьми, – и в то же время нельзя сказать, что они тривиальны. Это скорее книга читателя, чем писателя: я очень хотел разобраться в том, о чем повествует нам история человечества, но не смог найти полный образ того, что я искал, в существующей литературе. И тогда я начал писать книгу, которая выстроилась не по странам или датам, не по историческим периодам или лицам, – она выстроилась согласно ходу мысли. К некоторому моему изумлению мысли эти выстроились не совсем так, как этого можно было ожидать. Но я не стал им мешать.

Глава I

Методика исторического исследования: сравнительный метод

Сравнительный метод в историческом исследовании. – Собственное время.

Сравнительный метод в исторических исследованиях применялся, можно сказать, всегда. С другой стороны, полномасштабное применение этого метода не было достигнуто. К XIX веку применение сравнительного метода считалось само собой разумеющимся, в русской историографии С.М. Соловьев без особых пояснений различал «тождественные» и «нетождественные» явления. В немецкой историографии широко обсуждали методы сопоставления рядов исторических явлений Риккерт (Риккерт, 1908) и Трёльч (Трёльч, 1994). Однако в начале XX в. Н.П. Павлов-Сильванский «открыл» этот метод заново, с особой настойчивостью применяя его к решению проблемы феодализма в России путем изучения сходства и различия исторических явлений. Он не сформулировал четкого представления о критериях сходства явлений, не развернул полной картины сравнительного метода, – «лишь» указывал на очевидные сходства в развитии России и Западной Европы, чтобы кардинальный вопрос об общем характере русской истории, на котором ломали копья славянофилы и западники трех-четырех поколений, привести к состоянию, в котором этот вопрос мог бы получить объективный ответ.

Затем, однако, победила школа историков-буквалистов, полагавших, что простое изложение летописей и иных свидетельств дает самый полный ответ на любой вопрос, который может быть обращен к истории человечества. Появилась история «ножниц и клея», которая собиралась из отрывков летописей и грамот. Такая история была объявлена «единственно научной», поскольку не признавала домыслов и базировалась на солидной эмпирической базе. Но вместе с домыслами из истории ушла мысль. Сравнительно-исторический подход переключался из истории в социологию. В конце XIX в. в истории сложилась совсем забавная ситуация: Макс Вебер признавался, что его с детства интересовала морфологическая сторона исторических явлений, ему хотелось изучать жизнь крупных структур, больших блоков истории, рассматривать их влияние на жизнь людей. Однако современная ему история была чисто-эмпирической наукой о грамотах. В результате Вебер «понял», что его интересы влекут его в иную научную дисциплину, и занялся социологией.

Как протест против этой ситуации, в противовес историографической концепции буквализма, в 30-х годах во Франции возникла школа «Анналов». Марк Блок, Люсьен Февр и Фернан Бродель обратили внимание на комплексность процесса истории, признали множественность связей в общественной системе. В связи с этим произошла ломка механического понимания причинности, разрушилось представление о линейности развития, стало ясно, что разные стороны общественного целого развиваются с разной скоростью. Новое знание было получено не из-за открытия новых летописных источников; у историков возникло новое представление о том, что означает вопрос «почему?». Ранее искали исторические причины и исторические следствия, верили, что после того, как найдена «истинная причина», явление можно считать познанным. Однако таких «истинных причин» нашлись многие десятки, и сама объяснительная схема истории должна была измениться.

Основатели «Анналов» отстаивали применение сравнительного метода в истории, обращая особое внимание на изменения общественного сознания, на те изменения человеческой психики, в рамках которой осмысляются все исторические реалии. Снова сравнитель-

ный метод при изучении истории был «открыт», снова он был признан первенствующим при изучении явлений истории. Постепенно в 50—60-х годах школа «Анналов» стала одной из самых влиятельных, однако отсутствие представления об общем плане строения общества и о наиболее важных изменениях душевной жизни привели ее к буквалистскому – на новом уровне – исследованию отдельных сторон быта людей прошлых веков. Упрощенно говоря, в ответ на вопрос, чем отличалась душевная жизнь человека Средневековья от современного человека, приводятся данные о том, насколько часто моется человек в ту или иную эпоху, что он пьет и как часто молится. Эти данные, несомненно, представляют большую ценность. Однако для того, чтобы описать развитие исторического организма, надо яснее представлять себе его общую морфологию, знать, как один «орган» такого организма влияет на другие его части, понимать, какие исторические явления будут лишь вариантами одного типа, а какие – представлять самостоятельные сущности, живущими по особым законам.

1. Сравнительный метод в историческом исследовании

Сравнительный метод является необходимой составной частью любого научного исследования, имеющего дело с реальными объектами (а не идеальными, как в различных областях математики). Для научного описания какой-либо предметной области прежде всего следует различить объекты, с которыми исследователь имеет дело, выявить их сходства и различия, объединить их в классы по существенным сходствам. Правда, во многих науках эта методологически необходимая часть научного метода редуцирована – или по причине предполагаемой тривиальности (как в физике), или в связи с непониманием истинной структуры научного метода. Любая наука, изучающая реальные явления, начинается с морфологического метода описания этих явлений. Морфология, в свою очередь, тесно связана с систематикой, с объединением явлений в классы.

Сравнительный метод служит основой для описания морфологии объекта исследования. Обычно мы не различаем объекты по признакам, а сразу схватываем целостный образ объекта, видим, на какие другие объекты он похож. Но чтобы знание об объекте стало научным, требуется указать признаки, с помощью которых выделяется данный объект. От прочих областей познавательной деятельности наука отличается большей степенью преемственности и воспроизводимости результатов. Целостное видение объекта нельзя передать другому человеку, незнакомому с этим объектом. Только мысленно выделив в объекте какие-то структуры, признаки, отличия, мы можем рассказать о них другим людям и таким образом сделать наше знание доступным другим.

Изучив морфологию объекта, указав те признаки, на основании которых объект похож на некоторые другие, и те аспекты, в которых он отличается от других, мы можем соотнести изучаемый объект с другими, то есть представить и описать группу объектов, в которую изучаемый объект входит как часть (элемент, аспект). Выделение группы (класса) объектов, в каком-то существенном отношении сходных, позволяет в дальнейшем работать не с бесчисленным множеством эмпирически данных объектов, а с ограниченным количеством типов (классов) объектов. При решении задач предполагается, что все объекты одного класса ведут себя более или менее одинаково. Если же в данном случае объекты, относимые к одному классу, ведут себя по-разному, мы заново изучаем морфологию, выделяем иные классы, более подходящие для решения данной задачи.

После выявления основных черт той группы объектов, в которую входит изучаемый объект, на основе знания сходных объектов можно выдвинуть гипотезы о его свойствах, поведении, функционировании. Это очень мощное средство познания – построение гипотез о еще неизвестных свойствах данного объекта на основании того, что мы знаем, что данный объект принадлежит к данному классу объектов, и другие члены этого класса имеют такие-

то свойства. Основанием для таких гипотез является целостность объектов исследования. Если мы выбрали в качестве объекта исследования не случайную совокупность свойств, а действительно целостную систему, то ее признаки скоррелированы друг с другом. Это значит, что если мы находим некоторую группу сходств между объектами, то возрастает наша уверенность в том, что эти объекты сходны и по многим другим свойствам. Без такого выделения типичных свойств объектов научные законы не могли бы быть сформулированы. Ученые ведь не исследуют все капли воды в океане, чтобы убедиться, что их свойства похожи; изучив некоторое количество воды и сделав заключение, что весь океан состоит из такого вещества, мы заранее полагаем, что свойства всех его частиц примерно одинаковы.

Такие гипотезы проверяются либо наблюдением за реальным поведением объекта, либо экспериментальным путем. Эксперимент есть то же самое наблюдение за поведением природного объекта, только это наблюдение производится в искусственно созданной и контролируемой обстановке. Степень «созданности» и «контроля» обстановки бывают весьма различными, так что по сути дела эксперименты возможны в любых науках. Рассмотрев результаты наблюдений и экспериментов, мы сравниваем наши гипотезы о поведении тех или иных свойств с реально наблюдаемыми результатами и на этой основе уточняем представление о строении объекта. Научное исследование итерационно, оно подобно змее, кусающей свой хвост: его результат состоит в выходе на самое начало исследования, но уже с новым опытом, что позволяет лучше описать систему сходств и отличий изучаемого объекта от других объектов, переопределить состав группы сходных объектов и продолжить итеративную процедуру изучения. Корректируя в соответствии с результатами наблюдений и экспериментов гипотезы о связи свойств объекта, мы выделяем новые свойства (число их в любом реальном объекте бесконечно), образуем новые группы сходных объектов и заново исследуем свойства этих групп. Отсюда можно видеть, что практически на всех этапах научного исследования мы сравниваем морфологическое строение объектов между собой и объединяем сходные объекты в группы; эта операция является основной операцией научного метода. В циклическом процессе познания действительности сравнительный метод играет связующую роль.

В истории основы морфологического метода применяются не реже, чем в других науках. Известен красивый пример работы этого метода. От стоянок доисторического человека сохраняется немного, и является трудной задачей соотнести эти немногие останки с движениями племен и культур. Известный английский археолог разработал определительную таблицу каменных топоров. Сначала все топоры различались по форме, видимой в профиль, затем – по вертикальному абрису, потом по форме лезвия, деталям крепления к рукоятке и проч. В результате прохождения по этому определительному ключу можно было придти к определенному типу каменных топоров. Полученный результат с изумительной точностью совпал с другими остатками материальной культуры древних людей: керамикой, типами захоронений. Получилось так, что достаточно найти на стоянке каменный топор, и прояснялось, к какому типу культур относится данная стоянка. Этот классический результат попытались воспроизвести ученые, изучающие древние стоянки на Украине и в южной России. В соответствии с местными формами топоров им показалось правильнее построить ключ иначе, они сначала делили все топоры по форме абриса, видимого сверху, затем – по форме лезвия, по профилю и т. д. У них также получилось множество хорошо различимых типов каменных топоров, и каждый топор можно было отнести к определенному типу. Но при наложении карт распространения топоров на карты других явлений ничего связного не получилось: выделенные типы топоров не коррелировали ни с типами захоронений, ни с типами жилищ. Этот маленький пример конкретного исследования показывает, что морфология в истории работает непрерывно, перед ней встают те же задачи, что и в иных науках. Можно привести сотни подобных исследований в иных областях знания, где говорилось бы, напри-

мер, что некоторые группы насекомых замечательно различаются по жилкованию крыльев, и зная это жилкование, можно точно указать систематическую принадлежность насекомого, а в других группах жилкование не работает, не позволяет выделить осмысленные группы видов и родов. В таких случаях приходится искать другие признаки, выделять другие классы явлений, а также пытаться понять, почему признаки, хорошо работающие в пределах одной группы, не пригодны для другой.

В XX веке морфология переживает глубокий кризис, морфологические знания «вышли из научной моды», большинство людей интересуются красивыми эволюционными картинками, а морфологическое «буквоедство» полагается скучноватым. Между тем любые эволюционные реконструкции и блестящие эволюционные сценарии есть лишь интерпретация морфологических данных. Например, накапливающиеся данные показывают, что обезьяны Старого Света (так называемые узконосые обезьяны) и обезьяны Нового Света (широконосые) настолько слабо связаны, что нет серьезных оснований объединять их в одну группу животных. Имеются две независимые группы, общий предок которых не был обезьяной, но которые развились настолько сходным образом, что мы, едва взглянув, утверждаем: «Обезьяна!». Столь глубокая конвергенция групп является яркой иллюстрацией направленности эволюционного процесса, и при этом любые суждения об этой эволюционной картинке сводятся к обсуждению «скучных» подробностей морфологического строения этих животных: обезьяны различаются, в частности, строением лицевой части черепа, у них различное количество отверстий в носовой кости. По одним признакам мы наблюдаем глубокое сходство организмов, а по ряду других видим существенные различия, и вот этот баланс признаков и выражается словами «конвергенция», «направленная эволюция». Точно так же можно воспроизвести оригинальные и изящные рассуждения о схождении английского и китайского языков за последнюю тысячу лет. Но любые сколь угодно красивые рассуждения о культурно-философском смысле такого сближения будут опираться на основу самого «скучного» языкознания, на дебри грамматических и лексикостатистических выкладок, из которых, собственно, и следует, что в английском языке, принадлежащем к германской группе языков, в целом – синтетических, нарастает аналитичность и падает роль словоизменения. При этом становится очевидна истинная «цена» сходства английского и китайского: это лишь крайне поверхностное сближение, мало что говорящее о глубинном устройстве языка.

С помощью морфологического метода работают все естественные (и не только естественные) науки. Часто высказывается мнение, что к истории методы «обычной» науки неприменимы в силу принципиальной уникальности, одноразовости объекта ее исследования. По этому поводу даже иногда выделяются две группы наук – номотетические, которые ищут законы, описывающие поведение сходных явлений, и идеографические, к которым принадлежит и история. Идеографические науки, как утверждают сторонники этой точки зрения, могут только описывать происходящее.

Такое понимание истории является ошибочным. Причин для такой квалификации достаточно много; здесь уместно провести лишь одну линию рассуждений. С уникальными объектами работают на деле все естественнонаучные дисциплины. Наиболее очевидно это в отношении географии и родственных наук: объект их исследования дан в единственном экземпляре. Но ведь и каждый биологический организм, и каждый биологический вид уникальны. Изучаемые физикой объекты также уникальны; каждый бросаемый с башни камень единичен. Однако физики с легкостью отвлекаются от уникальности своих объектов, изучая лишь очень обобщенный аспект реальности, так что их объекты становятся одинаковыми. *Одинаковость (изоморфность) объектов есть результат работы научного аппарата, а не свойство реальности.*

В биологии степень индивидуальности (разнообразия, уникальности) объектов много выше, чем в физике. Поэтому существуют особые методологически выделенные области

биологического знания – *таксономия* и *мерономия* (упрощенно – морфология), которые умеют представить уникальные биологические объекты как сравнимые, в определенном отношении одинаковые. С помощью наук, одна из которых (таксономия) изучает группы организмов, а другая (мерономия) классы частей этих организмов можно указать, в каких пределах можно говорить о существенном сходстве различных объектов, а когда различия настолько существенны, что сравниваемые объекты следует поместить в разные группы (таксоны определенного ранга), указав тем самым степень их сходства. Развитая методология биологической систематики – ответ на высокое разнообразие объекта исследования, мира живых организмов.

Объекты истории в еще большей степени уникальны, чем живые организмы, поэтому и возникло мнение о их несравнимости. Но ведь любое описание по сути есть сравнение. Существует много видов описаний объектов – по их функциям и ролям, через описание частей, через указание происхождения и другие, но только один вид описания не может быть прямо сведен к сравнению – остенсивный тип описания, заключающийся в указании пальцем на предмет: «Вон то!». Все остальные виды описания подразумевают сравнение – неважно, функций или ролей, частей предметов или признаков, указывающих на происхождение этих предметов. Историк-идеограф говорит, что его задача – лишь описывать явления, не выдумывая несуществующие в истории общие законы. Однако называя части (аспекты, черты) явлений, именуя сами явления, он тем самым уже сравнивает. Если словом «революция» называют явление, произошедшее в 1789 г. во Франции, и явление 1917 г. в России, значит, эти явления полагаются сходными, в них есть много общего. Подведение двух разных исторических событий под одно понятие подразумевает, что эти явления обладают существенными сходными чертами, а их различиями на некотором уровне рассмотрения можно пренебречь. Это означает, что для того, чтобы характеризовать два каких-то события одним понятием, необходимо сначала эти события сравнить и удостовериться, что по какой-то совокупности свойств они одинаковы (сходны, гомоморфны).

Часто можно слышать рассуждение о том, что наука не имеет дела с уникальными объектами, а в истории каждое событие уникально; значит, история не может быть наукой в том же смысле, в котором наукой является, скажем, физика. И то, и другое положение правильны, а вывод неверен. *Уникальность объекта – не его «объективное» свойство, а результат операции сравнения.* Только после сравнения можно утверждать, что ряд явлений схож между собой, а какое-то явление столь существенно от них отличается, что мы называем его уникальным. Научный метод (в частности, сравнительный метод) делает реальные объекты сходными, сравнимыми, пригодными для дальнейшего изучения. *Сравнительный метод поставляет науке ее объекту* реальное явление, взятое во всей его материальной уникальности, не может служить объектом изучения для науки, и поэтому наука определенным образом преобразует явление, делая его познаваемым. Любое реальное явление уникально, и историческое событие уникально, и данное падение яблока – тоже уникально. Это означает только, что для того, чтобы конкретное явление стало научным фактом, оно должно быть воспринято как неуникальное. За падением этого, данного яблока мы должны увидеть общий закон, за внешностью животного следует разглядеть тип, а за сходством исторических явлений – увидеть идею.

Это значит, что даже сами объекты познания уже пропитаны познавательными операциями, созданы интеллектуальными усилиями. Это не образы и идеи объектов, которые находятся в наших мыслях, нет – сами конкретные предметы за пределами нашей кожи произведены при помощи нашего познания. Если мы ради ложно понятой объективности исключим из мира познающего субъекта, не будет и того мира, который кто-либо мог бы познавать, не будет красок и форм, не будет камней и животных. Научный метод подразумевает признание познавательной активности субъекта познания (исследователя) как непре-

менного условия познания мира. Объективность научного познания заключается совсем в ином, а не в неверном утверждении, что лежащий на дороге кирпич в своей реальности не зависит от того, познаю я его или нет. Зависит, конечно – если не будет познающего сознания, некому будет выделить кирпич как объект, нельзя будет сказать «кирпич лежит на дороге». Мир без познающего сознания существует, а объекты – нет.

Итак, основой исторического познания, как и всякого иного познания в области реальных явлений, является сравнительный метод, общий как истории, так и физике с биологией. Этим вовсе не утверждается, что у истории нет специфических методов исследования по сравнению с естественными науками – скажем, с биологией. Мы привыкли думать о науке в целом, сообразуясь с состоянием математизированной физики XIX–XX вв. Однако сами закономерности природы выглядят по-разному в разных областях реальности, и соответственно в разных областях знания. Во многих разделах физики мы можем высказать условное суждение о том, что если будут выполнены такие-то и такие-то условия, то всегда произойдет некое следствие. Это условное суждение может быть облечено в математическую форму и называется физическим законом. Такой закон носит универсальный характер, то есть всегда, когда выполняются указанные условия, действие происходит в соответствии с законом.

Биология отличается от физики, в живых существах помимо физических законов действуют и иные закономерности, непохожие на физические законы. Прежде всего эти закономерности отличаются тем, что они не универсальны, они по самому характеру своему локальны. В связи с этим предметную область, в которой действует данный биологический закон, называли таксоном, а сам биологический закон с содержательной стороны выглядит как тип (архетип) данного таксона. Для физического закона не надо указывать ту область явлений, где закон действителен, достаточно только сформулировать условия выполнения закона. А биологический закон ограничен неким классом объектов (таксоном), в пределах которого закон выполняется. Формулировке физического закона, математической формуле, в биологии можно сопоставить тип биологических объектов, тот, упрощенно говоря, план строения, который имеют все живые существа, входящие в данный таксон. Например, высказывание «животные выкармливают своих детенышей молоком» неверно; надо указать ту область, в которой это верно – млекопитающие животные, и только они, характеризуются этим свойством.

Такое высказывание не тавтологично, поскольку мы можем перечислить еще многие свойства, которыми обладают только млекопитающие («только млекопитающие животные покрыты шерстью»). Таксон «млекопитающие» – область действия многих подобных закономерностей, проявляющихся в строении и поведении животных; с содержательной стороны млекопитающие могут быть представлены как план строения, как структура свойств, что и отражается в понятии «типа». Изучая млекопитающих, мы можем узнать о новых свойствах этих животных, и показателем правильности нашей гипотезы о таксоне будет тот факт, что эти свойства будут распространены только среди млекопитающих. Таксон отражает только объем понятия, указывает на ту совокупность объектов, которых мы называем млекопитающими. Тип описывает таксон с содержательной стороны. Совокупность верных высказываний о свойствах млекопитающих животных будет составлять не часть таксона, а часть типа млекопитающих. *Тип является аналогом физического закона, примененным к биологическому материалу.*

Теперь мы можем вернуться к понятиям таксономии и мерономии, оставленных выше без объяснения. Таксономия изучает иерархию таксонов, то есть соположенность и соподчиненность биологических законов с их внешней, экстенсией, стороны. То, что собака входит в отряд хищных, а этот отряд – в класс млекопитающих, является высказыванием из области таксономии. Мерономия описывает строение типов, обращаясь к внутренней,

интенциональной стороне. Рассказать, что такое собака, можно только указанием на взаимодействие частей этого животного, описанием особенностей его поведения. Мерономия является обобщением понятия «морфология», осмысленном не просто как описание данных внешнего строения объекта, а как результат операции сравнения, когда каждая деталь строения соотносится с другими схожими частями иных объектов, так что возникают классы частей – *мероны*. Например, нога, печень, головной мозг – это разные мероны живого организма.

Таким совершенно отличным от физики образом выглядит структура биологического знания. История людей и история человеческих обществ лежит еще значительно выше физики, ее законы являются объемлющими не только к физическим, но и к биологическим законам. Поэтому устройство исторического знания сильно отличается от того, что привычно видеть в науках физического цикла. В истории, описывающей поведение разумных существ и их коллективов во времени, возникают специфические виды локальных законов, имеющие лишь отдаленные аналогии в мире биологического знания. Весьма трудно сопоставить с понятиями, вынесенными из биологии, историю личностей, влияние личностей на исторический процесс, которые представляют самое сердце исторической науки.

Именно от этого сердца очень далека сегодняшняя историческая наука. Такое положение дел вполне закономерно. Физика абстрактная, математическая, не чрезмерно далека от физики реальных вещей; математизированная биология отстоит от реальности явлений жизни значительно дальше. Из сегодняшнего математизированного здания биологической науки лишь едва просвечивают будущие контуры реального биологического познания. На следующем этаже наук, в области гуманитарного и исторического знания, разрыв между имеющимися методологиями и методами, вытекающими из самого предмета исследования, еще больше. Реальная история, история человеческих личностей, история их взаимодействий, – совсем еще не сделана. То, что мы имеем сегодня в виде биографических исследований, совсем не приближает к требуемому историей стандарту знаний. Сегодняшняя методология науки может работать лишь со значительно более абстрактными пластами истории, выражающимися в истории обществ и государств, истории культур и экономических явлений.

Наличие биологических законов не мешает действию физических законов на живые существа. Более того, плодотворен поиск универсальных законов в мире живого. С точки зрения биологии такие универсальные (и тем подобные физическим) законы будут описанием структуры и поведения высшего типа, включающего в себя все живые организмы. Эти универсальные закономерности будут состоять из более локальных законов, соответствующих основным типам живого. Подобным образом можно изучать и историю, отыскивая и описывая в ней локальные законы, касающиеся строения и поведения человеческих сообществ и плодов их деятельности.

Подобно тому, как это делают в биологической морфологии и систематике, следует рассмотреть мир исторических явлений, выделить среди них сходные, объединить в таксоны, то есть классы соподчиненных явлений. Среди целостных исторических образований – что бы под этим ни подразумевалось, особенный культурный стиль или политический институт, – следует выделить составляющие данное образование функциональные элементы (мероны) и произвести их сравнение. Только после проведения этих операций имеет смысл говорить о построенной системе исторического знания; и даже после такого исследования совсем не затронутым останется вопрос о личности в истории. Та история, которая создается деятельностью конкретных людей, выпадает из морфологического исследования. Морфология истории способна описать только более общий (и менее конкретный) пласт явлений.

Итак, сравнительный метод в истории должен работать, как и во всех областях знания, изучающих реальность. Сравнительным методом не исчерпывается та методология, в кото-

рой нуждается историческая наука, однако даже этот известный метод используется в истории еще недостаточно полно. В таком случае имеет смысл кратко сформулировать общие «правила вывода», работающие в рамках сравнительного метода, и применить их к историческим явлениям.

Сравнительный метод исследует сходства явлений с помощью так называемых критериев *гомологии*, которые можно также называть обобщенными критериями сходства. Эти универсальные критерии сходства найдены эмпирически; первые попытки их формулировки принадлежат Аристотелю и Теофрасту, окончательную свою форму они получили в работах Гете, Окена и Сент-Илера. Первоначально они формулировались для нужд биологической морфологии. Однако морфология живых существ – самая богатая из известных областей морфологического знания, и потому разработанные для этой области критерии имеют универсальную применимость. Когда мы хотим указать, что два объекта сходны, мы обязательно обращаемся к одному из критериев гомологии (сходства).

Таких критериев всего три. Первым является критерий специального качества: если у двух явлений есть общая характерная черта, эти явления сходны, гомологичны. Другой – критерий положения: если два явления занимают одинаковое место в рамках более общего явления, то эти явления сходны, гомологичны. Наконец, критерий ряда: если между двумя явлениями можно выстроить непрерывный ряд переходов, эти явления сходны, гомологичны. Критерий ряда является зависимым (сходство между любыми двумя членами ряда мы устанавливаем по первым двум критериям), так что можно считать, что достаточно независимых критериев два. Эти два критерия универсальны и являются основой человеческого познания. Никаких других способов установить сходство явлений не существует. Попросту говоря, критерии гомологии в четкой форме раскрывают смысл понятия «сравнение». Если мы что-то сравниваем между собой, значит, мы осознанно или неосознанно используем критерии гомологии.

Полученные в результате операции сравнения сходства подразделяются на гомологии (существенные, важные сходства) и аналогии (побочные, вторичные, несущественные, ложные и т. д.). Когда рассматривают строение плавника акулы и дельфина, находят значительное сходство этих двух явлений. Однако при изучении других черт строения этих животных (строение дыхательной, кровеносной, выделительной, репродуктивной и других систем органов) выясняется, что с точки зрения общего плана строения сходство плавников поверхностно, вторично, а существенно различие этих животных, так что дельфин ближе, скажем, к собаке, а не к акуле. Тогда говорят о том, что сходство плавников является аналогией, акула и дельфин устроены аналогично, а дельфин и собака – гомологично, хотя и не слишком похоже. Но это суждение верно, только если приведена точка зрения, с которой производится сравнение. Если нашей целью является установить степень родства животных и тем самым выяснить их место в генеалогической классификации, то сходство акулы и дельфина – аналогия, а дельфина и собаки – гомология. Если же мы изучаем приспособления различных животных к обитанию в воде, то сходство акулы и дельфина будет существенным, гомологичным, а те группы сходств, которые объединяют дельфина и собаку, отойдут на второй план, станут несущественными, аналогичными.

Точно то же самое выступает в историческом исследовании, когда мы сравниваем, например, открытие пороха европейцами и китайцами. Если мы рассматриваем только историю изобретений, задаем вопрос: «Сколько раз человечество открывало порох?», то ответ – по крайней мере два (и даже больше, еще арабами в VII в.). Открытие пороха китайцами (в XI в.) и европейцами здесь выступают как гомологичные (сложного вопроса о заимствовании европейцами пороха у китайцев через монголов мы здесь касаться не будем). Если же нас интересует общая история цивилизации и открытие пороха выступает как показатель преобразований в военном деле, изменения характера ведения войн, степень конкуренто-

способности и продвинутоеTM той или иной цивилизации, то эти открытия становятся аналогичными, поскольку китайцы не применяли порох в военном деле, а пускали с его помощью разноцветные фейерверки. И тогда мы можем сказать, что порох в этом смысле был открыт всего лишь раз, остальными странами он заимствовался (в данном своем значении) у европейцев, и открытие пороха китайцами нельзя считать явлением гомологичным, это лишь аналогия, и очень далекая, европейскому открытию.

Открытие пороха, понятое как важнейший элемент преобразования военного дела, влечет за собой в историческом процессе множество следствий. Изменяются отношения колонии и метрополии, возможности завоевания и сопротивления завоевателям. В конце концов, следствием открытия пороха было завоевание европейцами Америки, что оказало на мировую историю глубочайшее воздействие. Однако историю двигает не техника: есть данные, что арабы использовали порох в VII в. для подрыва укреплений, в XII в. испанские мусульмане изобрели личное огнестрельное оружие. И все же эти открытия не сделали мир арабским, мусульманским. В XIII в. монголы выпытали у китайцев секрет пороха и впервые догадались применять его в военном деле, для метания каменных ядер. И все же влияние монгольской цивилизации на историю трудно сравнить с влиянием европейской цивилизации. В руках европейцев порох стал мощным оружием, перевернувшим судьбы многих цивилизаций, повергшим мир к ногам европейцев. И уже у европейцев это оружие заимствовалось с чрезвычайной быстротой. С XIV в., когда порох стал широко применяться в Европе, его оружейное использование стало предметом заимствований во множестве регионов мира. История «европейского пороха» начинается с 1308 г., когда кастильцы использовали пушки при осаде Гибралтара. В XV в. была создана корабельная пушка с подвижным лафетом, и моря наводнили пиратские и военные суда.

На востоке военное применение пороха не имело продолжения, история же пороха в Европе известна. Ясно, что использование огнестрельного оружия сильно сказывается на боеспособности государства: запоздаешь с таким изменением – проиграешь. Европейцы разработали ручное огнестрельное оружие примерно в XIV в. В 1542 году в Японию была привезена первая партия аркебуз из Португалии, а в 1575 Одо Нобунага наголову разбивает Такэда Кацуёри, массированно используя в бою аркебузирова. Недостатком аркебузы была медленная перезарядка. Чтобы возместить это, Нобунага выстроил три тысячи аркебузирова в три ряда, которые стреляли залпами по очереди. Лучшая кавалерия Кацуёри была сметена (финальная сцена фильма А. Куросава «Тень воина»). С тех пор даже признанные мастера меча в Японии признавали, что меч – оружие личное, дополнительное, а в бою дело решает оружие огнестрельное.

С введением пороха связан ряд явлений военных и политических преобразований, гомологичных друг другу, хотя и отличающихся некоторыми деталями. Например, во Франции был введен новый тип войска с огнестрельным оружием – мушкетеры, элитные дворянские подразделения. В России также появились новые войсковые соединения с огненным боем – стрельцы (созданы Иваном Грозным в 1550), непривилегированное войско, набираемое из «черного» и посадского люда, по «престижности» уступавшее боярскому (и дворянскому) конному ополчению. Эта дворянская конница в России теряет свое значение в XVII в. (1632 – кроме стрельцов и пушкарей появляются рейтарские, драгунские и солдатские полки) и исчезает в XVIII, при Петре. В Германии дворянская конница вытесняется регулярными войсками после Тридцатилетней войны, исчезает в самом конце XVII в.

Таким образом мы можем сопоставлять ряды датированных событий; в данном случае такой ряд отражает появление в разных странах и регионах нового типа регулярных войск с огнестрельным оружием. Можно изучать характеристики этого ряда: морфологическую специфику элементов (мушкетеры – стрельцы – японские аркебузиры = самураи младших рангов), региональные особенности (престижность, элитарность/ непрестижность), скорость

распространения «волны события» (упорядоченный по датам или локалитетам ряд гомологичных событий), взаимовлияние разных рядов (например, появление огнестрельного оружия и колонизаторская политика европейских стран).

Естественно, приведенные примеры и другие, подобные им, являются азбукой исторического знания и подобные мыслительные конструкции используются автоматически, без долгих рассуждений о методологии науки, месте в ней сравнительного метода и проч. Однако автоматизм мышления и забвение методологии могут привести к серьезным ошибкам. Сравнительно-исторический метод исследования, не успев начать работать в полную силу, был забыт. Предметом изучения истории объявляются причины тех или иных событий. То есть историк в качестве результата своей работы должен указывать на цепь причин, которая привела к появлению данного события. Исторические школы, собственно, различаются только предпочитаемым видом причин. Одни любят причины экономические, другие – государственные, связанные с политическим развитием. Можно найти объяснения геополитические, идеологические, географические, этнографические...

Неприятность состоит в том, что все эти объяснения верны, а все школы – правы. Такая ситуация возникает потому, что история общества представляет собой процесс развития. О развитии мы можем говорить применительно к открытым неравновесным сложным системам. С другой стороны, методология причинного анализа сформировалась при изучении совсем иных систем – замкнутых, равновесных, относительно простых. В таких простых процессах, как соударение бильярдных шаров, причина влечет за собой следствие. Такие процессы издавна изучала механика; на подобной познавательной базе была построена почти вся физика до начала XX в. А процессы развития изучались иными, нежели физика, естественными науками, и наибольших успехов в этом отношении достигла биология. Изучение процессов развития показало, что причинно-следственный метод в них попросту не работает; как и любой метод, он дает ответы, но эти ответы оказываются неадекватными происходящим процессам.

Представим себе: некий человек опоздал на важную встречу и объясняет свое опоздание тем, что транспорт сегодня задерживался, он встретил давно не виденного знакомого и не мог не уделить ему нескольких минут, у него отстали часы, он плохо себя чувствовал. Предположим, что все, что он говорит, – правда, все сказанное им является причинами его задержки. Не напрашивается ли мысль, что на самом деле вопрос поставлен неверно, дело не в поиске причин как таковых. Психолог тут может обратиться к метафоре «внутренней глубинной причины», может сказать, что он «подсознательно» не хотел приходить на эту встречу. Но не только психолог, а любой человек, сталкиваясь с множеством причин у одного явления, начинает подозревать, что все эти причины «ложные», что они не объясняют данного явления, пусть даже все они окажутся «правдой» в том смысле, что каждая из этих причин имела место и повлияла на следствие.

Поиском причин наблюдаемых в развитии изменений долго занималась эмбриология. Почему у данного животного развивается голова? Можно ответить, указав на воздействия определенных веществ на определенный участок зародыша в определенный промежуток времени развития (это явление называется индукцией). А если в это время эти вещества не будут действовать? Оказывается, тогда начинает работать система компенсации, выделяются другие вещества, оказываются иные воздействия – развитие регулируется таким образом, чтобы у взрослого организма была голова, несмотря на то, что причины явления коренным образом изменились. В развитии организма результат фиксирован, а причины варьируются; причины оказываются случайными с точки зрения результата. Причиной наличия головы оказывается цель развития – создание нормального организма. Такое явление называется *эквифинальностью*. Суть эквифинальности в том, что в достаточно широком спектре воздействий развивающаяся система, невзирая на конкретные виды воздействий

и причин, производит фиксированный результат – облик нормального организма данного вида. Эквифинальность развития организма объясняется опытом тысяч поколений его предков, испытывавших в своем развитии разные способы реагирования на нарушающие воздействия. Эквифинальным образом организмы реагируют на *исторически типичные* нарушения обычного развития.

Различают два типа развития – онтогенез (индивидуальное развитие организма) и филогенез (развитие в ряду поколений). Свойством эквифинальности обладает только онтогенез; относительно филогенеза можно говорить о направленности, лишь иногда приводящей к эквифинальному развитию. Различие между онто- и филогенезом задается степенью целостности развивающейся системы. Чем система целостнее, тем более скоррелированы ее элементы, тем в большей степени ее развитие несет черты цикличности. Высокая коррелированность частей достигается за счет обращения к относительно постоянной наследственной информации.

По мере снижения целостности развивающейся системы падает возможность регуляции развития частей со стороны целого; при этом разница между онто- и филогенезом уменьшается, онтогенез все больше походит на филогенез. Степень фиксированности конечного облика развивающейся системы уменьшается. Однако и некоторые органические системы со степенью целостности ниже организменной развиваются эквифинально. Например, биоценозы не имеют выделенного «вещества наследственности»; целостность сообществ организмов значительно ниже, чем организмов высших животных; она скорее соотносима с целостностью простейших или вирусов. Однако индивидуальное развитие биоценозов (сукцессия) протекает эквифинально, в отличие от эволюции биоценозов (точнее, сукцессионных систем), которое аналогично филогенезу и потому не обладает свойством эквифинальности. Сообщества организмов обладают различной степенью целостности, и если группировки могут быть объяснены как простая мозаика случайно сошедшихся организмов (например, заселяющих вулканический остров после извержения), то сложные биосистемы, например, лес или болото, в высокой степени эквифинальны и восстанавливают фиксированный нормальный облик в результате самых разнообразных нарушений (возвращение к устойчивому состоянию после нарушения называется гомеостазисом). Смысл явления сукцессии в том и состоит, что в ответ на самые разнообразные нарушения – избыточное увлажнение, пожар или засуху – биоценоз восстанавливает исходный облик. От типа нарушения зависит путь восстановления, но не результат.

В человеческом обществе имеются аналоги «наследственной информации»; это зафиксированные результаты культурной деятельности.

Аналог гена – книга. В то же время очевидно, что целостность человеческого общества много ниже целостности отдельного человека. Развитие человеческого общества, как и сообщества организмов (биоценоза), не является «классическим» онтогенезом, однако многие его аспекты развиваются циклически, эквифинально, а все развитие в целом, несомненно, является целестремительным, направленным.

Итак, когда мы имеем дело с развивающимися системами, выявление цепочек причин и следствий не приводит к пониманию реальности. Явных ошибок причинный метод не дает: у причин имеются следствия, происходящее *можно описать* как процесс производства следствий причинами. Однако это описание не является достаточно полным, поскольку специфика конечного результата в чрезвычайно слабой степени зависит от специфики причины. Причинное объяснение явлений истории оказывается лишь частично адекватным историческому процессу. В истории есть причины и следствия, однако многие аспекты истории могут быть объяснены только с помощью описания замкнутых циклов явлений, приводящих к эквифинальному результату. Причем именно такие аспекты истории и являются особенно ценными для исторического познания, поскольку самым важным в истории человеческого

общества является, несомненно, процесс развития. Найти способ объяснения, проникающий в природу изучаемого явления, способен только корректный сравнительный, морфологический подход. Сам выбор типа объяснения – причинного или иного – является одним из результатов исследования, а не заранее объявленной формой такого результата.

История как наука пока не имеет дела с развернутым морфологическим описанием истории, не оперирует понятиями гомологии и эквифинальности, с легкостью обманываясь причинными объяснениями – тем легче, что все причины, и каждая в отдельности, верны, но не существенны. Вспомним, например, как объясняется тот факт, что в истории России государственные начала преобладают над экономическими и культурными, что в России традиционно имеется сильное государство, потеснившее другие явления.

В ответ на вопрос «почему так» говорится, что все дело в **географическом** факторе. Россия – страна обширная, не имеющая естественных границ, открытая нападением агрессивных соседей. Следовательно, она должна содержать большую постоянную армию и быть централизованным государством (почему? величина границ растет как корень площади; чем обширнее страна, тем меньшая доля налога на содержание армии выпадает на душу населения – при равной плотности населения, конечно). Кроме того, есть и **климатические** причины – климат у нас суровый и неустойчивый, земледелие развивается трудно, народ бедный, и содержать большое войско, опять же, не может. У народа надо насильно отбирать последнее на содержание войска, а это может сделать только сильное государство. Из бедности крестьянства вытекает также низкая покупательная способность населения, отсюда выводится неустойчивость внутреннего рынка, а значит, отсутствие капиталовложений. Поэтому экономика сама развиваться не может, ее понуждает и понуждает государство, которое ее же и обирает на свои нужды. Такой ход мысли можно встретить достаточно часто, и глубокий смысл подобных рассуждений сводится к положению: экономика у нас в тяжелом положении, потому что народ бедный, а вот если бы народ был богатым, сразу бы и экономика поправилась.

Можно упомянуть фактор заимствования **культурного «шаблона»**: Русь строила себя по образцу Византии, а Византия была многонациональным государством без естественных границ и в окружении агрессивных соседей. Византии было свойственно на протяжении всей ее истории централизованное мощное государство, подчинившее себе все остальные сферы общественного развития. Например, крупный спад Византии, начавшийся примерно в XII в., был связан с экономическим спадом, вызванным чрезмерным вмешательством в хозяйственные отношения со стороны государства (инфляция, чрезмерные налоги, мелочная опека торговли и ремесла со стороны государственного аппарата). Переразвитие государственной власти сопровождалось своими следствиями: Византия характеризовалась пересечением функций различных административных органов, всеобщим взяточничеством, казнокрадством, покупкой титулов и должностей. Имущественная и социальная неустойчивость порождали произвол властей и эгоизм, индифферентность населения. Возникает особое сочетание индивидуализма населения без свободы личности. Этот культурный шаблон и заимствовала Россия.

Далее можно сказать о **пространственном и демографическом** факторах – поддерживать единое общество на наших просторах, весьма редко заселенных, могло только сильное централизованное государство. Известна закономерность: чем беднее и обширнее страна, тем крупнее в ней столица, сильнее централизаторские тенденции. Россия не просто обширная страна, она росла всю свою историю (с XV до конца XVI вв. ее территория увеличилась в 10 раз, к концу XIX – еще примерно в 10 раз). Население России на протяжении большей части истории растет значительно медленнее, чем территория. Однако столица – Москва – в XVI в. населена примерно 100 тысячами человек (наравне с Лондоном, Римом и Амстердамом), обгоняют ее только Париж и Неаполь (200 тыс.). При этом остальные города Рос-

сии XVI в. имеют население в среднем 3–8 тысяч человек, а средний город Европы – 20–30 тысяч. Столица «пухнет с голоду»: население столицы особенно велико в бедной стране. По мере увеличения территории, уменьшения плотности населения централизаторская тенденция государственного строительства проявляется все сильнее; при плохой связи между регионами страны только сверхцентрализация может удержать ее от распада. Кстати, сходной была ситуация и в Византии: в этой «стране городов» юридические и административные границы между городом и деревней были очень нечеткими, города имели аграрный характер, так что внутри города располагались огороды и виноградники.

Помимо этого, существует **системная** причина: раз образовавшись, сильное государство будет отбирать у бедного населения значительную долю имущества для существования сильной армии и поддержания самого государства, и оттого население богатеть отнюдь не будет, и поддерживать такое сильное государство ему придется силком, для чего и нужно мощное государство. Кроме того, сильное государство фактом своего существования создает напряженность на границах, приобретая агрессивных соседей, что требует усиления государства. Образуется положительная обратная связь: доминирующее государство угнетает экономику, провоцируя комплекс причин, вызывающих усиление государственности.

Системная причина есть один из факторов эквифинальности: раз возникнув, сильное государство самоподдерживается и само создает причины для того, чтобы быть необходимым и возрождаться при нарушениях. Образуется круг причин, который делает неважными все остальные (предположительно исходные) причины. Таким образом эквифинальность делает неважными причинные объяснения. Но если причина события не важна, что же важно для понимания явления? Может быть, важно увидеть, что более высокое, чем одна страна, общественное образование – Европа в целом – дает весь спектр форм от обществ с приматом государственности (Россия на Востоке) до обществ с явственным приматом экономической жизни (Англия на Западе; вне Европы, еще западнее – США). Таково устройство этого общественного целого, его морфологическое сложение. Характер же обеспечения причинами отдельной черты такого членения представляет интерес только для механики развития. Нам может быть интересно, какие причины привели к такому членению Европы. Но надо сознавать, что если бы не сработали эти причины, выступили бы другие группы причин – мы уже видели, что их много, лежат они в разных плоскостях и дублируют друг друга.

Итак, история как поиск причин явлений сталкивается с трудностями методологического характера, потому особую ценность приобретает сравнительно-исторический метод, столь прочно забытый за последние сто лет. В результате работы сравнительного метода мы получаем выделенные объекты – исторические явления – которые выстроены в ряды по степени сходства. Анализ таких последовательностей также представляет собой предмет морфологии истории.

2. Собственное время

Сравнительный метод в истории применяется гораздо шире, чем только для простого сравнения явлений. В приведенном примере с порохом все, в общем, тривиально; когда говорят об открытии пороха, все понимают, что имеется в виду, и установление степени сходства не представляет труда. Гораздо труднее понять, что сравнительный метод создает самую ткань исторического исследования – саму хронологию событий, собственно предмет истории.

Следует различать *хронологию* и *хронометрию*. При хронологизации мы описываем известные нам состояния объекта в той последовательности, в какой они сменяют друг друга, т. е. изучаем собственную изменчивость объекта (*собственное время* объекта). При

хронометрировании собственная изменчивость какого-либо объекта транспонируется на внешний по отношению к данному объекту процесс («часы»).

Мыслимы два вида внешнего процесса, на который мы можем транспонировать имеющуюся изменчивость нашего объекта. Первый вид «часов» – «абсолютные» часы – должны не зависеть от любых внешних воздействий, в противном случае они не будут давать независимых показаний и разработанная с их помощью шкала не будет независимой шкалой времени. Но в этом случае изменения изучаемого объекта не будут сказываться на показаниях часов, именно поскольку эти часы «независимые». Тогда для транспонирования нужен внешний наблюдатель, замечающий показания часов в определенный момент, когда происходят значимые изменения объекта. Однако найти такого внешнего наблюдателя весьма непросто.

Второй вид часов – это часы, которые запускаются определенным маркированным событием, а дальше их ход не зависит от исследуемого процесса, что, собственно, и значит, что данный процесс может использоваться в качестве часов. Мы можем представить себе серию часов, которые запускаются в разное время. Примером может служить практически единственный метод, с помощью которого мы можем привязывать некоторые события к абсолютному (независимому) времени, – радиоизотопный анализ. «Ядерные» часы можно считать работающими, если принят постулат о неизменности скорости ядерного распада. Если, например, когда-то скорость распада была иной, чем сейчас, а потом она стала такой, как мы наблюдаем в современной ситуации, то показания радиоизотопного анализа не дают оснований для датировок процессов, в которые вовлечен распад ядер атомов. По-видимому, постоянство скорости радиоактивного распада является эмпирической закономерностью.

Таким образом, при хронометрировании исторических процессов мы сталкиваемся с рядом трудностей. Практически в исторических исследованиях прямые хронометрические методы используются сравнительно редко и выступают в качестве вспомогательных. Гораздо большее значение для истории как науки имеет не хронометрия, а хронология. Исторiku прежде всего важно знать, в какой последовательности происходили события. Последовательность событий, данную без соотнесения их с событиями в других событийных рядах, называют собственным временем развивающейся системы. Выявление последовательности событий решает задачу хронологии. Более того, хронология является первичным методом датирования, а хронометрия – вторичным. Дело в том, что любая хронометрия, любая дата есть отнесение собственного времени одной системы к собственному времени другой, по каким-либо причинам выделенной в виде системы отсчета. Когда мы имеем выявленную хронологию событий, мы можем транспонировать ее на другую, хорошо известную нам хронологию, используемую как внешний процесс, как независимые часы.

Обобщенно морфологическое исследование, проводимое для датирования событий, можно сформулировать следующим образом. Прослеживая устойчиво наследуемые (преемственно сохраняющиеся) синдромы признаков, мы получаем ориентированные ряды признаков. Совмещая эти ряды тем или иным способом, выявляя корреляции рядов признаков, мы получаем ряды событий. Рассматривая такие ряды, мы получаем представление о последовательности событий, о хронологии. Такой ряд показывает относительное, или собственное, время данной развивающейся системы. *Время есть последовательность событий*. Полученный временной ряд является относительным, или собственным временем развивающейся системы, поскольку он пока никак не привязан к другим временным рядам. Такие ряды решают задачу хронологии, но не хронометрии. Если же мы соотнесем данный хронологический ряд с другим эталонным рядом, мы получим решение задачи хронометрии методами хронологии.

Так устроены наиболее известные методы датирования – стратиграфия и дендрохронология. Изучая в разных регионах последовательности залегания слоев с остатками разных

живых форм или относительную ширину колец древесины, составляют обобщенную непрерывную шкалу, которая служит эталоном, позволяя соотносить между собой другие события. Если известна последовательность событий в собственном времени объекта, достаточно «привязать» несколько событий к внешней шкале (стратиграфической в палеонтологии; дендрохронологической в археологии), чтобы датировать (с той или иной степенью точности) ряд интересующих нас событий.

Известные геологические периоды (каменноугольный, юрский, меловой и т. д.) являются примерами работы хронологического метода. Когда говорят, что некоторое событие произошло в «меловое время», этим указывается отрезок хронологической (стратиграфической) шкалы, выстроенной по последовательности смены остатков живых существ в осадочных породах. Обобщенную стратиграфическую шкалу-эталон соотносят с астрономическим временем, принимаемым за абсолютную шкалу. Значит, каждая операция датирования есть результат целой серии соотнесений шкал (локальных шкал, шкал-эталонов, обобщенных шкал собственного времени изучаемых объектов и «абсолютной» шкалы). После соотнесения с астрономической («абсолютной») шкалой можно назвать абстрактную дату (численную дату) события.

Так утверждают, например, что 100 млн. лет назад имел место меловой период развития Земли. Надо иметь в виду, что здесь первична именно понятийная датировка – «меловой период», а численное значение даты является как раз вторичным, менее значимым. Здесь цифры значат значительно меньше, чем смысл слов «меловой период», поскольку эмпирические основания и доказательства имеются в первую очередь для утверждения, что какое-то событие происходило в меловой период, а вот значение численной даты является результатом очень приближенных суждений.

Абсолютным временем обычно называют астрономическое время. Однако ясно, что это собственное время Вселенной. Никакой иной «абсолютности» в понятии астрономического времени нет. Посредством привязки полученного ряда событий к какому-либо аспекту, связанному с абсолютным временем, можно получить численные значения дат, или просто даты (поскольку слова «меловой период» обычно датой не считаются). Итак, численные даты являются индексами, которые достаточно внешним образом приписываются событию хронологии, чтобы соотнести его с другой последовательностью событий и решить тем самым задачу хронометрии. *Дата есть индекс соотношения двух временных шкал.* Этот индекс может быть выражен в числе, и тогда мы получаем привычные даты, или он может быть выражен в понятии, и тогда мы имеем такую дату, как «меловой период».

Конечно, я не хочу утверждать, что других представлений о времени не существует. Понятие об относительном, собственном времени исходит из методологии естественной истории, изучении реальных вещей реального мира. Но свое понятие о времени существует и у тех областей науки, которые имеют дело с идеальными объектами, с нашими логическими представлениями – короче, с логикой, а не с природой: «Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера положительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц, год» (Ньютон, 1989).

Математическая теория времени описывает вечность – ситуацию, где реального времени нет. В этой области существует только логическое следование, причем так, что стадия из одной последовательности мыслимых событий может соотноситься с любой стадией другой последовательности. Неправоммерно применяемая к реальному миру математическая теория времени породила представление о *субстанциональном* времени (и субстанциональном пространстве), когда время имеет непосредственного материального носителя – частицу (хронон). Пусть такое воззрение живет своей жизнью; возможно, и у него сыщется достой-

ная область применения: может, найдет свою частицу. Но для описания исторического времени следует пользоваться тем представлением, которое выработали все естественные науки, рассматривающие развивающиеся системы. Такую теорию времени физики называют *референтативной*.

Важно обратить внимание на то, что получение относительного (собственного) временного ряда – в сущности, чисто классификационная задача. Подобный вывод является тривиальным следствием того упомянутого выше факта, что ряд преемственно связанных событий является временным рядом; процесс последовательного соотнесения шкал для разработки хронометрии выполняется с помощью гомологизирования (сравнения) событий. Построение преемственных рядов событий и соотнесение этих рядов является обычной задачей, решаемой средствами меронии и таксономии. Методология сравнительного естествознания указывает, что время принципиальным образом познается в сравнении. Это не делает время субъективным (выдуманным, изменяющимся по прихоти исследователя). Сравнительный метод есть общий метод научного изучения существующих в природе объектов. «Продуктами» сравнительного метода являются не только время и пространство, но и такая объективная и очевидная вещь, как различие между кошкой и собакой, а также, как мы выяснили выше, и сами объекты, изучаемые наукой в реальном мире.

Наблюдаемая нами объективная реальность построена при помощи нашего мышления; реальность является синтезом мирового процесса и процесса мышления. Часто утверждается, что «истинной объективности» человек достигает, очищая наблюдаемое от результатов своего познавательного процесса. Утверждается, что «правильное», научное восприятие состоит в анализе реальности на предмет выявления «элементарных кирпичиков бытия». Такие попытки проникнуть «под» наблюдаемую реальность с помощью редукции ее мыслительного компонента, – реальность разрушают.

Для того, чтобы лучше понять «функционирование» субъективного времени, можно рассмотреть ситуацию, когда на протяжении некоторого периода в абсолютном времени с рассматриваемой системой форм ничего не происходило (никакого значимого изменения закона композиции системы, или ничего значимого с точки зрения задач, поставленных наблюдателем). Эта ситуация в собственном времени системы описывается не как длительная пауза – собственное время системы в этом промежутке не двигалось, т. е. система «не заметила», что время шло, для нее время остановилось. С точки зрения исследуемой системы между двумя изменениями не было никакой длительности, и утверждать, что эти два изменения разделены большим периодом времени можно только извне, с некоторой внешней точки зрения. Поскольку эта точка зрения внешняя по отношению к развивающейся системе, она по определению будет искусственной, субъективной, имеющей отношение не к реальности как таковой, а к нашим задачам, которые мы формулируем относительно данной реальности.

Именно такова ситуация с «живыми ископаемыми» (персистирующими таксонами) – для них времени нет. Когда делается высказывание, что, например, гаттерия не изменилась за миллионы лет (допустим, что это действительно так), самой формой этого высказывания подразумевается, что это не характеристика самой реальности – гаттерии – а субъективное отношение исследователя к этой реальности. Для гаттерии (как типа определенного таксона), поскольку она не изменилась, между моментом последнего изменения и настоящим временем ничего не происходило и никакой длительности не было. Утверждение о миллионах лет, протекших между этими моментами, делается из другой системы отсчета, и потому только искусственно может быть отнесено к той реальности, которой является гаттерия. Такую ситуацию можно сопоставить с тем, как если бы некий человек вдруг потерял сознание, а потом резко, сразу пришел в себя. У него не было бы никаких оснований утверждать, что между моментом потери сознания и его обретением прошло сколько-то времени

(если мы отвлечемся от физиологических механизмов, например, ощущения голода и т. д.). Он вынужден был бы узнавать о прошедшем времени из внешнего источника – например, он мог бы взглянуть на часы, и после этого сказать: «Я был без сознания два часа». Если мы отождествим Я и сознание, это высказывание сразу окажется бессмысленным. Кто был без сознания? Только внешние по отношению к сознанию источники информации могут сообщить, что в них, в этих иных источниках, происходили некоторые изменения между двумя моментами, для сознания ничем не разделенными. Значит, такое высказывание («Я был без сознания два часа») утверждает не тот факт, что между двумя мгновениями моего сознания прошло два часа, а то, что вне меня нечто изменилось. Время идет для тех, кто изменяется, для неизменных систем понятие времени бессмысленно.

Время есть мера изменчивости, оно отражает изменчивость системы. В неизменной системе время не движется вовсе, его не существует. Когда мы говорим, что нечто долгое время не изменялось, мы всегда указываем на то, что другие системы (по которым мы в данном случае и измеряем время) изменялись, а наблюдаемая система осталась неизменной. Все изменения, произошедшие с другими системами, пока в данной системе изменений не было, являются с ее точки зрения одновременными, одномоментными, произошедшими между ее значимыми изменениями. Если предположить, что гаттерия с сегодняшнего утра начнет эволюционировать, то все события, произошедшие в мире с момента, отстоящего на 200 млн. лет, и сегодняшним утром, для нее будут являться одновременными событиями. Понятие одновременности (синхронности) вводится именно таким образом. С точки зрения наблюдателя одновременно то, что случилось между значимыми для него изменениями. Поскольку можно утверждать, что выделенных, каким-то особенным образом истинных систем отсчета времени не существует (все мыслимые времена являются чьими-то, это собственные времена каких-то развивающихся систем), то первичной данностью является именно время данной развивающейся системы, в нашем примере – вдруг начавшей изменяться гаттерии, для которой 200 млн. лет представляют собой один неразрывный и недлительный момент времени. Любые другие оценки происходящего являются вторичными, интерпретирующими истинное событие с точки зрения другой системы, в собственных целях этой другой системы и с этой точки зрения – субъективными.

И наоборот, если в какой-либо относительно небольшой (с точки зрения стороннего наблюдателя) промежуток времени, за который раньше с этой системой ничего значимого не случалось, система вдруг претерпела большое количество изменений, это означает, что собственное время системы относительно шкалы абсолютного времени (или времени, принятого за абсолютное) ускорилося. Так, критические периоды в онтогенезе, когда зародыш особенно чувствителен к воздействиям, когда происходит большинство дифференцировок тканей и органов, представляют собой именно такие участки ускоренного времени. Ускорения и замедления времени легко видеть на хронологических шкалах исторических событий. Даже не ранжируя события по значимости, из самого поверхностного рассмотрения очевидно, что в XIII–XIV вв. в России время текло медленно, а при Петре – очень быстро.

Время в Средние века двигалось в Европе медленнее, чем в Возрождение или позже, в XIX–XX вв. Достаточно бессмысленным является, скажем, сравнение числа великих людей, появившихся в единицу абсолютного времени за эти два периода (социологическая методика Питирима Сорокина). То, что за сто лет в один период появляется меньше «значимых» (с точки зрения современной культуры) личностей, чем за сто лет в другой период времени, может указывать как на действительный факт «оскудения талантами», так и на иную скорость течения времени. Только выяснив относительную скорость двух периодов времени, можно высказать суждение о богатстве (или бедности) данного периода какими-либо событиями, в частности – рождениями великих людей.

Процесс, в котором преемственность ограничена, в меру этого ограничения выпадает из времени. Пример – циклические процессы. Непосредственно наблюдая циклический процесс, мы можем приписать каждой его стадии числовой индекс, датировать стадии процесса. Однако, поскольку этот процесс циклический, система по окончании цикла «забывает» все происшедшее. Собственное время такой системы замкнуто. Даты, относящиеся к различным циклам, не осмыслены для данной системы; такие даты ничего в ней не характеризуют и могут использоваться только для внешних и в этом смысле субъективных целей (например, для подсчета исследователем числа циклов), не характеризуя ни один из существенных процессов в системе. Так, в Китае конца XIX – начала XX вв. осуществлялись преобразования, которые в России происходили как во времена Петра Великого, так и во времена Ульянова-Ленина. И дело не только в том, что неким метафорическим образом в Китае Петр и Ленин действовали одновременно, а еще и в том, что реальные Петр Великий и Ленин с точки зрения Китая действовали одновременно: события, ознаменованные действиями этих личностей и происходящие в России, по «китайскому календарю» происходили одновременно. Датирование обретает смысл только для направленных процессов, а также псевдоциклических, в которых цикл не замкнут и на больших промежутках времени можно наблюдать существенное изменение системы.

В собственном времени системы существуют и «кольца времени». Таковы физиологические функции, обычно протекающие циклично. Время в этих процессах течет очень бурно, но в результате высокой степени повторяемости структуры процесса система «забывает» все, что происходило до начала ныне продолжающегося цикла. Разумеется, «забывает» только в аспекте рассматриваемой физиологической функции. Ведь одновременно в организме идут и другие процессы с другими характерными временами, для которых периоды «забвения» могут быть существенно иными. Сходные процессы происходят и в филогенезе (эволюционном развитии организмов). Примеры такого рода довольно редки, но все же имеются: такова, например, картина эволюции акул. Неродственные между собой и очень схожие формы несколько раз возникали в филогенезе акуловых рыб. В эволюционном развитии такие примеры редки, поскольку в филогенезе нет организационного субстрата, подобного генотипу, обращение к которому обеспечивает повторение онтогенезов. Точно так же и в истории наблюдаются только псевдоциклы, точного повторения всех состояний всех происходящих в обществе процессов не бывает. Однако если существенные переменные общественной жизни не испытывают длительного направленного развития, такое развитие приобретает многие черты циклических процессов, что видно на примере истории Китая или Египта.

Чтобы убедиться в наличии аспекта цикличности исторического времени, достаточно вспомнить развитие революционного движения в XIX веке (Достоевский в зрелые годы с ужасом наблюдал, как воскресают обступавшие его в юности бесы). В конце XX века Россия в существенных чертах повторила самое его начало – большинство политических вопросов обсуждалось таким образом, будто периода советской власти не было, историческое развитие в 90-е годы шагнуло в 1910-е. Новое время как целое в значительной мере повторяет развитие древнеегипетской цивилизации. Разумеется, отличий не счесть, но образ жизни после городской революции обладал множеством сходств с обществом нового времени: многоэтажные дома, в которых комнаты сдавались внаем, и виллы богачей; записные книжки деловых людей, канализация, солнечные очки, современные моды и женская косметика, отношение к гигиене тела; строительство гигантских сооружений, развитие астрономии и космологии, математики. ... Интерес к астрономии, математике и естественным наукам характерен для египетского времени – и для Нового времени, античность же обладает противоположными чертами. «... Античность в соответствии с ее установкой вообще как бы не «видела» техническую часть космоса цивилизации, не проявляла к ней никакого интереса

(как известно, кроме данных о сводах нет ни одного достойного внимания упоминания о технических открытиях античности); интерес античности был направлен исключительно на интеллектуальную и теоретическую область...» (А. Вебер, 1999). Важно обратить внимание на такую стилистическую черту культуры, как отношение к личной гигиене. Как древнеегипетское, так и Новое время уделяли большое внимание чистоте тела; в промежуточный период между этими эпохами люди предпочитали оставлять этот аспект жизни без внимания. Этот показатель имеет различные глубокие корреляции с устройством душевной жизни людей. В целом по этому показателю новое время гомологично древнеегипетскому и существенно отличается от лежащей между ними эпохи греколатинской цивилизации.

Я упомянул несколько циклов культуры разной длительности – от нескольких десятилетий до тысячелетий. Подобные циклы разной длины можно наблюдать в государственном строительстве (периоды раздробленности сменяются временами усиленной интеграции), в экономике. За последние десятилетия экономисты открыли более десятка «экономических волн» разной длительности: 10–12 лет, 25, 50–60, 150 и более. Одни циклы начинаются с промышленной революции в Англии (конец XVIII в.), другие прослеживаются еще со времен средневекового Китая. Можно заключить, что определенная степень повторяемости, определенная цикличность широко распространена в истории. Исторические циклы накладываются на общий поступательный ход истории, на общую эволюцию человечества, и в результате эволюция эта выглядит как поэтапное развитие; можно сказать, что за период несколько больший двух столетий сменяется «стиль времени», и число этих стилей фиксировано, так что каждый большой цикл истории (он включает чуть более двух тысячелетий; таким циклом является греко-латинская эпоха; Новое время есть новый цикл, самое его начало) состоит из набора «повторяющихся времен». Достаточно ознакомиться с литературой по истории стилей в искусстве, циклах в экономике и проч., чтобы встретить множество параллельных явлений. Во многом такие параллели в соответствующих областях знания уже отмечены, хотя и не сведены к единым формам.

Итак, выявление ряда событий, ориентирование его и установление тем самым собственного времени развивающейся системы, является, по сути, классификационной задачей и решается типологическими методами. В существенных своих чертах методика определения хронологизации развивающейся системы является развернутым вариантом сравнительно-исторического метода. Другая задача – хронометрическая, привязка этого относительного времени к абсолютной шкале – обычно осуществляется соотношением не с самой абсолютной шкалой (точнее, как говорилось выше, со шкалой, принимаемой за абсолютную), а с другой относительной шкалой, которая полагается в данном приближении близкой к абсолютной. В результате эта задача также решается сравнительным методом.

Понятно, что привязка палеонтологических образцов к истории земной коры посредством стратиграфии представляет собой привязку к относительной шкале собственного времени Земли. Тем самым задача всегда сводится к гомологизации шкал, к сравнению самих шкал. Совершенно очевидным в этом отношении является именно пример стратиграфии. Стратоны (слои земной коры) представляют собой зримые мероны (классифицированные части организма) и к тому же в последовательности их залегания непосредственно «материализуется» время (принцип Стенона). Значит, задачи хронологии (установление собственной последовательности событий) и хронометрии (привязки ряда событий к другому ряду) решаются с помощью типологических процедур. Основным методом исторических наук оказывается типологический метод, основанный на сравнительном методе.

Можно попытаться опровергнуть это утверждение, сославшись на то, что в отличие от природы у истории есть сознательные летописцы, внешние наблюдатели, которые без всякого гомологизирования шкал указывают в своих свидетельствах даты происходящих событий: «В лето от рождества Христова 2000...». Это возражение опровергается посредством

указания на методы обращения с исходными датами на документах. Это только кажется, что историку даты даны непосредственно. Однако чуть более углубленное исследование вопроса показывает, что с этими «очевидными» датами дело обстоит также, как и с прочими историческими реалиями – они выясняются путем гомологизации, соотнесения с другими событиями, установления сходств и различий. Красивый пример относительной ценности аутентичных свидетельств дает греческая археология. В городе Приене на стене древнего здания нашли надпись, озаглавленную: «Имена эфоров», – и список из 15 имен, знаменитых спартанских имен... На весь список – только один эфор (Брасид). Здание это было гимназией, надпись – древней шпалгалкой, составленной к тому же «двоечником». Аутентичное свидетельство оказалось неверным. Так же поступает историк с датированными документами – проверяет, истинны ли указанные на них даты. А проверка эта возможна только одним способом, который сводится к гомологизации событий, о которых говорится в документе, с событиями, известными из других источников. Никакое, даже самое подлинное историческое свидетельство не может быть включено в хронологическую шкалу помимо морфологического исследования, сопоставляющего этот факт с другими. Если какие-либо датировки вызывают сомнения (а в пределе это – все датировки), то истинный ход событий устанавливается сопоставлением различных систем датировок и сравнением событий.

Ярким (хотя и отрицательным) доказательством тому является «новая хронология» А.Т. Фоменко. Фоменко (вслед за Морозовым) демонстрируют попытку пересмотра «писаной истории» человечества методом гомологизации событий и отождествления сходных событий. Другое дело, что гомологизация эта производится достаточно бессистемно и по недостаточному синдрому признаков, недостаточно проверяется на взаимное соответствие и т. д. Для нас сейчас важно отметить, что в гуманитарных областях хронометрическая работа с данными ведется по тому же принципу, что и в области естественных наук: производятся гомологизации событий, проверка на соответствие с окружающими группами событий (соотнесение с локальными шкалами) и окончательное присвоение места на временной шкале («даты»). Проще говоря, Фоменко – очень плохой историк, и то, что профессионал делает виртуозно, автоматически, так что и рук не видно, у Фоменко явственно проступает в неуклюжих познавательных актах.

На языке биологии метод хронологизации событий, то есть установление их последовательности в рамках единой шкалы времени, состоит в анализе мерономического строения исследуемых архетипов, установлении высшего уровня мерона, отличающего данное событие от сходных, соотнесение уровней меронов и рангов таксонов. На языке истории эта методология формулируется в иных терминах: анализируются признаки сопоставляемых событий (например, феодальных договоров в России и Франции), устанавливаются различия и сходства, что позволяет сделать вывод либо о разной природе этих явлений (скажем, об отсутствии на Руси феодализма), либо о принципиальном сходстве их и возможности их объединения в рамках общего понятия (феодализма, со своими, но не слишком существенными вариациями во Франции и в России). Точно так же в биологии сопоставляются признаки, например, кита и собаки, устанавливаются различия и сходства, и делается вывод либо о разной природе этих организмов (о том, что они принадлежат к разным таксонам, отрядам китообразных и хищных соответственно), либо о принципиальном сходстве их и тем самым об объединении в один крупный таксон (класс млекопитающих), в рамках которого их планы строения предстают как вариации одного архетипа. Тем самым сравнение свойств приводит не просто к суждению о сходстве или различии, но указывает на уровень отмеченных сходств. На самом деле метод значительно более тонок, он позволяет устанавливать еще и значимость явлений и тем самым их место в системе сравнения (чему в биологии аналогичен ранг таксона).

Итак, основополагающим методом истории, как и естественных наук, является типологический метод, начинающийся со сравнения объектов. Благодаря сравнению событий выстраиваются представления о группах сходных явлений, обозначаемых одним именем; выявляются границы, объемы этих групп, а также их содержание, устройство. В результате у исследователя появляется картина мира, которая позволяет выдвигать осмысленные гипотезы о новых свойствах явлений и проверять эти гипотезы, уточняя состав и строение групп сходства. Все эти познавательные операции начинаются со сравнения (гомологизации) явлений по их частям (аспектам, признакам), организации рядов сравниваемых явлений. Значит, для того, чтобы ознакомиться, хотя бы поверхностным образом, с результатами работы сравнительного метода, нам придется сначала выстроить некоторое количество рядов сходных явлений в разных исторических целостностях. Только после этого можно будет представить, к чему подводит нас изучение истории сравнительным (типологическим) методом.

Глава II

Морфология общества

Гармония сфер. – Триединная формула общественного устройства. –
Государство. – Экономика. – Культура. – Свободная культурная жизнь:
преемственность и образование. – Университет. – Экология культуры. –
Разнообразие культуры.

Три части общественного целого

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению рядов гомологических (сходных) форм, наблюдаемых в истории, нам потребуется хотя бы предварительное представление о наиболее общем членении общественного целого. Общественным целым является любое человеческое общество и любые его подразделения или объединения, состоящие из обществ: народ, более высокие объединения людей («сверх-народы»), человечество в целом. При рассмотрении жизни таких целостных общественных организмов естественно выделить три крупные сферы, три больших объединения органов общественного организма: хозяйственную жизнь, сферу государства и права, а также культурную жизнь.

Такое деление на три сферы сложилось очень давно, оно существовало уже в Средние века. Средневековые мыслители выделяли в обществе три сословия: «те, кто молится», «те, кто воюет» и «те, кто трудится». Это деление можно проследить и в еще более древние времена, не только до-античные, но и до-египетские. Такое деление связано с рассмотрением общества как организма, в котором есть «голова», «руки» и «живот», система обмена веществ. Организмическая концепция общества существовала повсеместно во всем Древнем мире. Например, помимо Европы, она четко прослеживается в китайской историософии. Сегодня этот взгляд считается наивным, однако на практике он продолжает существовать. Это можно видеть на примере судьбы науки экологии. То, что сегодня называют экологией, все в большей степени становится не наукой биологического цикла, а подразделом наук социальных, ответвлением глобальной экономики. Общество рассматривается как организм, и его отношения с окружающей средой – добывание материальных ресурсов, выделение отходов – и есть предмет экономической экологии, или, по современному словоупотреблению, просто «экологии». Восприятие общества как организма и подразделение общественного организма на части является очень древней и существующей по сей день традицией.

Это старинное понятие о делении общества в XX веке было обновлено и наполнено новым смыслом Р. Штейнером. Не касаясь детального рассмотрения идей этого мыслителя, проследим только мысль о трехчастном строении социального организма. Штейнер высказал идею, что в связи с развитием общества трехчленность приобрела в современном обществе новый смысл. А именно, прежде полагалось, что общество – и древнее, и в значительной степени современное – отчетливо членилось на классы. Люди в обществе могут быть расклассифицированы таким образом, что одни занимаются одной группой социальных работ, а другие – другой группой. В отношении этой мысли философы древнего Китая, средневековые европейские схоласты и марксисты окажутся единомышленны. Штейнер показал, что общество на современном этапе – его интегрированность, степень осознанности включения людей в это общество – стало таким, что прежнее деление необходимо заменить новым, когда три части общественного целого продолжают существовать, но это именно части социального организма, а не группы людей. Имеется в виду очень простая мысль: прежде было

осмысленным выделять в обществе группу «тех, кто кормит», кого бы здесь не подразумевали – от крепостных крестьян до бизнесменов. Современное общество самоорганизуется в ином направлении – область хозяйственной жизни сохраняется и развивается, но к ней должен иметь отношение каждый человек, и каждый человек вовлечен в иные общественные сферы, связанные с производством духовных ценностей либо с правом. Здоровое общество должно быть устроено теперь таким образом, что не должно быть «тех, кто кормит» и «тех, кто правит», хотя сферы хозяйственной и правовой жизни сохраняют и даже увеличивают свое значение. В современном мире можно наблюдать определенное, хотя и весьма противоречивое, движение именно к этой ситуации. Например, укрепление идеала демократического государства создает основу именно для такого положения дел, когда к государственно-правовой сфере имеет то или иное отношение любой человек (хотя бы как избиратель); также и современная экономика, всемирная по характеру и отличающаяся глубочайшим разделением труда, вовлекает каждого человека в определенную связь с обменом товаров и услуг. Нормальным следовало бы признать и то, чтобы каждый человек мог в той или иной степени участвовать в культурной жизни общества. Эта интегрированность общественных сфер в их приложении к человеку и является тем связующим звеном, которое не позволяет изолирующимся и специализирующимся общественным сферам распасться. Если прежде гарантом целостности общества выступала правовая сфера, государство, которое цементировало все проявления жизни общества в нечто монолитное, то теперь такого уровня интеграции уже не хватает. Общество развивается, и специализированность его частей требует нового уровня интеграции их в единое целое. Таким новым уровнем интеграции может выступать только человек; общественные сферы, замыкающиеся на каждом гражданине, способны взаимодействовать с особой силой, оставаясь каждая в качестве общественной сферы совершенно самостоятельной. В общем смысле такое положение связано с различным уровнем целостности этих образований – человека и общества. Человек является значительно более связной, более целостной системой, чем общество, и потому намного устойчивее поддерживает любые структуры, чем чисто-общественные механизмы. Так обстоит дело и в биологии: многие популяционные механизмы поддерживаются приспособлениями отдельных биологических особей, а вовсе не свойствами популяций как таковых.

Итак, мы выделяем в обществе три крупных части: экономику, государство и культуру. В культуре люди проявляются в соответствии с их индивидуальными способностями, талантами, достижениями. По этой причине к культурной жизни общества относится то, что создают люди в качестве произведений искусства, философии, науки, то, что появляется как религиозная жизнь, а также и проявления индивидуального таланта в предпринимательстве, в бизнесе, – это тоже относится к культуре. В сфере государства и права люди выступают как равные, равные перед законом, и к этой сфере может относиться только тот аспект общества, в котором люди равны друг другу. Сфера экономической, или хозяйственной жизни общества – это та, что включает в себя все, связанное с обменом товаров, с производством материальных благ, с общением людей между собой для удовлетворения своих потребностей. Соотношение развития этих трех систем органов определяет собой жизнь общественного целого, в частности, определяет исторические судьбы людей. Если какой-то из этих органов переразвит, или напротив – развит слишком слабо, это сказывается на здоровье всего общественного целого.

Рассмотрим теперь эти части общественной жизни по отдельности. Сфера культурной жизни (понимаемой как орган общественного целого, а не в каком-нибудь более специальном смысле) значительно шире, чем это обычно представляют. Даже в университетских программах, не говоря уж о газетных статьях, сейчас можно встретить названия типа «Культура и наука». Сферу культуры сейчас отождествляют с искусством; культуру рассматривают наравне с такими понятиями, как наука или религия. В действительности культур-

ная сфера включает в себя не только искусство и философию, но и науку, а еще такие явления, как язык, религиозную жизнь, жизнь тех образований, которые естественно называть «народными душами», но принято именовать «национальными характерами». Культурная сфера включает также то, что можно обозначить как проявление этих национальных характеров в конкретных исторических условиях – то, что называется «культурой быта», «стилем поведения», что выступает в более обобщенном виде как мораль и рационализируется в качестве этики.

Экономическая сфера сосредоточена на процессах обеспечения самой жизни людей и их объединений. Не следует полагать, что экономика «материальна» по сравнению с духовной культурой. На деле она столь же духовна (или бездуховна), какой может быть культура; культура и экономика различаются не степенью духовности, а разным положением по отношению к ней. В экономическую жизнь входит не только «бизнес», предпринимательская активность, и не только заботы о ресурсах экономики, связанные с добыванием первичных продуктов из природы. Экономическая жизнь включает также многочисленные, свойственные только ей контролирующие системы (финансы, кредитные системы и проч.), а также некоторые аспекты человеческого труда и такие акты, как дарения и пожертвования.

Еще один аспект духовной жизни общества, наиболее абстрагированный и обобщенный, заключается в сфере государственно-правовой жизни. Он включает особую сферу правовой жизни, а также различные аспекты, связанные с законодательством, международными отношениями, поддержанием правопорядка, жизнью государства.

Если сфера культуры представляется массовому сознанию значительно уже чем она есть на самом деле, то государственная сфера, напротив, в действительности уже, чем сейчас принимается. По сути, она включает только то, что относится к сфере права – законы и временные постановления, надзор за их исполнением, а также искусство управления государством – политику. В реальных условиях исторической жизни государственно-правовая сфера отвечает за контроль насилия внутри общества и защиту общества от насильственного вторжения другого общества – от посягательств государственно-правовых сфер иных общественных целых. Институты государства – суд и полиция, армия и флот; его заботы – законы и дипломатия. Управление хозяйственной сферой общественной жизни и культурной сферой не входят в его задачи. При этом сфера правовой жизни все же несколько шире, чем это сегодня принимается. Например, взаимоотношения, складывающиеся в процессе труда и, в частности, размер заработной платы, – эти явления входят в состав правовой, а не хозяйственной жизни.

Самым кратким образом описав состав и функции частей общественного целого, можно задаться вопросом: как мыслится взаимодействие этих сфер? Общество является развивающейся системой, и как любая развивающаяся система, не может остановиться. Если «остановить мгновение», общество погибнет как организм, которому не дают дышать. Пока организм живет, он не неподвижен. *Синхронный срез общества является не реальным фактом, имеющим место в жизни, а абстракцией, схемой, удобной для некоторых исследовательских целей, но не отражающей всех аспектов реальности.* Реальное общество диахронно, оно живет в истории. Поэтому взаимоотношения сфер (органов) общественной жизни следует рассматривать в динамике, в развитии.

Факты общественной жизни требуют их рассмотрения с точки зрения развития, движения, взаимодействия сфер. Ежеминутная жизнь экономики, использующей выработанные в культуре технологии и открытия, каждодневная жизнь государственно-правовой сферы, связанная с «культурными технологиями» (всеобщая воинская повинность, суд присяжных, парламент, свод законов), – прямо зависят от работы сферы культуры. В каждом остановленном мгновении станки уже работают и законы уже написаны, так что на культуру приходится «раскошелиться даром», но эти законы, рассматриваемые в процессе их разра-

ботки, а станки – в процессе конструирования, являются продуктами культуры. Более того, не только орудия труда, но и сам труд – продукт культуры. Умение тщательно, интенсивно, добросовестно трудиться – по меньшей мере такая же важная черта культуры, как манера приветствия или особенности религиозной философии. Существующие сейчас общества чрезвычайно различны по культуре труда. Можно вспомнить трудоголиков-японцев. Можно понаблюдать за манерой ручного труда китайцев и корейцев. И можно видеть, как делается работа – здесь речь идет о стиле, поэтому для примера годится любая работа – в большинстве стран Африки, Южной Америки. Или в России. В историческом срезе весь общественный организм кормится от культуры – не от экономики. Для человеческого общества (и в частности для страны) недостаток в культурной сфере аналогичен голоду для индивидуального человека. Насколько верной, жизненной, практической мудростью является суждение, что человека надо сначала накормить, дать необходимое, а уж затем приобщать к знанию, настолько же практической, жизненной является эта же мудрость в приложении к обществу: его надо сначала напитать культурой, а потом уж развивать экономически.

Красивый пример описал Лесков. Дело происходило в прошлом веке, однако ситуация симптоматичная. Некий просвещенный русский помещик захотел облегчить жизнь своих крестьян. Выделил деньги, нанял немца-управляющего, объяснил задачу. Для крестьян были построены благоустроенные дома (так сказать, коттеджи). Через год помещик приехал посмотреть, как живут крестьяне. Оказывается, по-прежнему в старых своих избах, которые топят по черному. Новым коттеджам тоже нашлось применение: в них ходили испражняться. Нечто со стенами и крышей – дом, только когда к нему привык, а иначе это просто нужник.

Неподготовленное в культурном отношении общество просто не сможет воспринять экономические дары, любые экономические (и государственные) блага будут ему не впрок. Экономические блага усваиваются в той степени, в которой общество культурно. Бессмысленно давать безалаберному человеку деньги в долг, его надо научить работать. Современное общество мыслится сейчас по Марксу; марксистское в основе своей мышление победило во всем мире, – невзирая на то, что социалистический лагерь рухнул. Мысль Маркса состоит в том, что существует «экономический человек», который стремится работать поменьше, а получать побольше, «потребности» которого растут, и он стремится заработать, чтобы удовлетворить свои желания.

По этому поводу был проведен интересный эксперимент (нет, я имею в виду не столь масштабный, как тот, в котором мы участвовали). В одной из областей Германии существовали сезонные сельскохозяйственные рабочие. Перебивались они зиму как придется, а к осени их нанимали окрестные фермеры-землевладельцы для уборки урожая. Работа сдельная, и что-то им там платили за мешок. Эксперимент состоял в том, что решили фермеры, посоветовавшись с профессорами-экономистами (Германия все же), убрать урожай побыстрее, поинтенсивнее, чтобы раньше других хозяев поспеть с товаром на рынок. Профессора посоветовали поднять ставки сезонных рабочих. Логика простая: все доходы рабочих – за эти недели уборки. Им предоставляется возможность, работая интенсивнее, заработать больше. Результат был обескураживающий: рабочие стали работать медленнее и раньше бросали работу, урожай едва успели собрать в прежние сроки, ускорения не было. Почему? Рабочим была нужна определенная сумма, которую они привыкли выручать за этот период на протяжении многих лет. Повышение расценок дало им возможность заработать ту же сумму за меньшее время, и заработав ее, они весело отправлялись пить пиво, вовсе не стремясь наращивать свои потребности (пример, довольно часто цитировавшийся в начале века; см.: Вебер, 1990: 81–82).

В этом маленьком примере совет, который дали профессора-экономисты, показывает, что «по Марксу» думают сейчас везде. Экономическая сфера (как и прочие сферы общества)

воспринимаются сейчас как машина, устройство которой в общих чертах понятно тем, кто стоит во главе общества. И они честно пытаются жать на «нужные кнопки», уверенные, что реакция «машины» вполне предсказуема. Однако «экономический человек» – абстракция, выдумка, его нигде не существует. Правда, в общественной жизни выдумки могут быть осуществлены и, воспринимая общество как машину, его можно таковым сделать – но это будет совсем другая история. Воплощение нежити силами человека происходит достаточно часто, но сейчас мы описываем нормальное состояние общества, а не всевозможные его заболевания.

Итак, когда мы подходим к обществу, не шинкуя его на синхронные срезы, а исторически, то выясняется фундаментальная ценность культуры. Даже те плоды культуры, которые кажутся оторванными от сегодняшних экономических нужд, не бесполезны: это вложения в будущее. Причем не «добавочные вложения», не то, без чего в будущем можно будет обойтись. Эти не оправданные для сегодняшней экономической жизни действия культуры и составляют то, чем будет жить общество завтра. Это верно не только для непосредственных результатов культурной работы: для невостребованных открытий и непонятых книг. Это верно для любой составляющей самого обычного экономического действия. Когда мы работаем, мы получаем определенную плату.

Можно работать таким образом, что многое вкладывается в труд бескорыстно, из энтузиазма, без оплаты. То, что не оплачивается в труде, то, что вложено в результат труда из чистого культурного энтузиазма, есть плоть будущего. Будущее строится сегодня и для своего развития оно берет из сегодняшнего дня то, что сделано из преизбытка сил, из энтузиазма, то, что не оплачено. Соответственно, в хозяйственной сфере общественной жизни можно выделить самостоятельный аспект, связанный с дарением (стипендии и гранты, благотворительность и пожертвования). Дарение – не случайная личная прихоть, оформляемая юридическими и хозяйственными установлениями, это полноправная составляющая экономического процесса.

В динамическом срезе здоровое общество характеризуется определенным рисунком отношений своих органов, аспектов, сфер: культуры, права, экономики. Нарушение взаимодействия и взаимообмена между сферами приводит к общественным болезням. Современное общественное устройство таково, что в одних странах, культурах явственно доминирует государственная сфера над экономической и культурной, а в других регионах экономическая жизнь подмяла иные сферы. Именно так болеют организмы: в их строении наблюдается дисгармоничное развитие частей или аспектов, от чего целое чувствует себя больным (скажем, нарушения обмена веществ). Все признают, что современное общество – больное, хотя причины болезни называются самые разные. Как только мы вычленим части, из которых состоит общественное целое, мы тут же подходим к вопросу о том, как должны соотноситься части общественного целого, чтобы это целое было здоровым. Из вопроса о составных частях общественного целого прямо вытекает вопрос о правильном соотношении этих частей, необходимом для здорового развития целого.

Гармония сфер

Органы в живом организме обладают различной *специализацией*. Существует определенная связь между степенью самостоятельности частей целого и устройством этого целого. Предположим, у организма есть орган, выполняющий некую функцию, важную для организма. Однако тот же орган всегда выполняет еще множество функций, а кроме функций, важных для всего организма, орган должен также поддерживать свою жизнь, а это значит, у него имеются функции самообеспечения. Если для организма важно, чтобы орган лучше (интенсивнее) выполнял какую-то одну функцию из всего набора, орган должен быть в

большей степени приспособлен для выполнения именно этой функции. Особым образом приспособленный орган выполняет эту главную для организма функцию лучше, и поэтому организм в целом оказывается более устойчивым к воздействиям среды. Однако приспособление органа к наилучшему выполнению одной функции делает его почти непригодным для выполнения других, побочных функций. Более того, такой орган в пределе оказывается неспособен выполнять функции самообеспечения; такой орган, хорошо выполняющий одну функцию, в своем существовании в гораздо большей степени зависит от целого организма, чем прежний орган, который выполнял множество функций, и в том числе все функции самообеспечения.

Такое приспособление к выполнению единственной функции называется специализацией. Специализация подразумевает, что орган начинает все больше отличаться по своему строению от других органов. Ведь не может быть улучшение функционирования самого по себе; оно достигается путем каких-то перестроек внутри органа. Значит, специализированный орган будет устроен существенно иначе, чем прочие органы организма, будет все сильнее отличаться от них. Такое расхождение в строении органов в результате специализации называется *дифференциацией*.

Специализация позволяет интенсифицировать выполняемую функцию, но предельная специализация оказывается несовместимой с жизнью – чем более орган специализирован, тем более он мертв. Поэтому наиболее специализированные части живых организмов оказываются в меньшей степени живыми, чем прочие – таковы нервы, клетки которых не размножаются, кости и отчасти сухожилия, некоторые части глаза. От живого органа, который с легкостью самоподдерживается и может даже некоторое время жить вне организма, трудно добиться хорошего выполнения какой-то внешней по отношению к данному органу, нужной всему организму функции. А специализированный орган трудно заставить жить. Как только что-то живое начинает существовать не ради себя самого, а ради внешних по отношению к нему нужд, как это живое умирает. А живущее не может эффективно служить органом для другого целого. Таково противоречие жизни и специализации.

Поэтому сложное, составное целое, которым является организм – и живой, и общественный, – вынуждено решать это противоречие. *Увеличение устойчивости организации целого подразумевает дифференциацию и специализацию частей*: части становятся все более непохожими друг на друга, все более приспособленными для выполнения своих особых функций. Но каждый орган в отдельности становится более мертвым, не способным существовать сам по себе. По этой причине рост уровня развития организма в живой природе сопровождается утерей способности к регенерации, к самовосстановлению. Амеба размножается делением; морского ежа или дождевого червяка можно разрезать на две части, и каждая вырастит недостающие органы и сможет вести самостоятельное существование. А более высоко организованные живые существа не способны восстанавливать утерянные важные части.

Любой процесс дифференциации и специализации сопровождается усилением интеграции целого организма. Все более несамостоятельные органы требуются особенно прочно увязывать между собой, эти ранее почти независимые органы теперь могут существовать только вместе, только благодаря интегрированности в единый организм. *По мере специализации органов целостность организма возрастает*. Интеграция в целое более высокого порядка и специализация частей – две стороны одного процесса, одного без другого не бывает. Любая целостность цела настолько, насколько ее части специализированы.

Дифференциация частей и интеграция целого – две стороны одного процесса. Недостаточная дифференциация, выполнение разными частями сходных функций влечет падение интегрированности и устойчивости развития целого. Когда в организме падает дифференцированность его органов, органы приобретают большую самостоятельность, начинают

быть более живыми, живут все более по своим законам, все менее нуждаются в связях с другими органами. Тогда организм становится все менее развитым, деградирует, его сложность и целостность уменьшаются, ему грозит распад – что и означает, что падает устойчивость такого организма. Если дифференцированность органов возникает из их специализации, из выполнения только им свойственных функций, то падение дифференцированности – это уменьшение специализации. Орган начинает вновь выполнять множество функций, в пределе он стремится выполнять все функции, стремится обособиться от организма. То есть падение дифференцированности выражает себя в том, что некоторый орган начинает выполнять функции других органов, вместо одной функции, которую он ранее выполнял в совершенстве, орган теперь выполняет множество функций, но все – так себе.

Как в любом органическом целом, части которого специализированы и потому относительно автономны, части общественного целого – культура, экономика и государство – должны быть относительно независимы друг от друга, должны быть специализированы. Так было не всегда: легко вспомнить, что когда-то эти сферы не были разделены, общественная жизнь была едина. Медленно выкристаллизовывались в общественной жизни первые «профессии»: жрец, воин, кузнец, торговец... По мере эволюции человеческого общества в нем происходила дифференциация (специализация) частей, точно так же, как из единой прежде культурной жизни развились столь автономные ныне области, как искусство и наука, религия и язык. Раньше эти вещи нельзя было разделить, наука и искусство были неотделимы от мастерства. Управление обществом, называемое теперь политикой, было раньше неотделимо от религии, этики и философии. Теперь все эти сферы общественной жизни сильно развились и дифференцировались. Каждый крупный общественный орган – культура, хозяйственная жизнь, государственно-правовая сфера – четко подразделены на целостности подчиненного порядка, точно так же, как наука подразделяется на тысячи отдельных наук. Специализация такого рода зашла уже очень далеко. Сейчас уже начинает забываться, что входит в состав культуры. Например, наука и религия, или язык, уже значительно выделились из распадающейся общекультурной целостности. Уже высказываются сомнения, что вообще есть такая вещь, как наука в целом – некоторые методологи полагают, что существуют только конкретные науки, а наука в целом есть вымысел других, недоброкачественных методологов.

Утрата специализации в сегодняшней культуре привела бы к распаду общественного целого: наука, слившись с другими подсистемами культуры, утерала бы свой метод и перестала быть плодотворной; искусство свелось бы к ремесленничеству; даже религиозная жизнь рухнула бы, потеряв плоды своей тысячелетней эволюции. Части должны развиваться иным путем: усиление их интеграции может привести к новому синтезу частей, прорастанию их в более крупные и сложные образования, но простая декомпозиция существующих частей является смертью тех целостностей, которые из них составлены. Такая же ситуация складывается и на более высоком уровне: подобно тому, как дифференциация подразделов культуры обеспечивает нормальное их функционирование и жизнь всего общественного целого, точно так же для здоровой жизни общества необходимо поддержание различий, дифференциации составляющих общество частей – государственно-правовой жизни, хозяйственной и культурной жизни.

Понять что-либо в истории можно только тогда, когда имеется представление о том, что должно быть, а не только о том, что есть. Иначе нет предмета для понимания – понять можно только осмысленный процесс, а не случайный. Долженствование здесь понимается не в моральном смысле, а в нормативном – должно быть здоровым, но не всем это удастся. Понять болезнь можно, только зная, как выглядит здоровое состояние. Поэтому история, претендующая только на описательность, теряет свой предмет, становится неправдивой. Рассматривая части общественного целого в любом реальном обществе, надо констатировать существующее в нем соотношение частей и указать, какие из них развиты неправильно-

ным образом, недоразвиты или переразвиты, сверхспециализированы или специализированы слишком слабо, так что не выполняют должным образом возложенные на них функции, важные для целого общества.

Итак, для поддержания существования дифференцированного (и по причине этой дифференциации целостного) общественного организма члены этого организма должны обрести определенную специализацию. Особенность современного этапа соотношения сфер общественной жизни в том, что для здорового существования целого эти сферы, за время исторического развития достаточно специализировавшиеся и дифференцировавшиеся, должны теперь еще более автономизироваться друг от друга, работать каждая в соответствии с характерными для нее модусами существования. Часто можно слышать, что современное общество «сложно устроено». На самом деле оно устроено недостаточно сложно. Сложность можно понимать как сложность описания места каждой песчинки в куче песка, но правильнее это называть неорганизованностью. Иная сложность – синоним целостности, сложной взаимной интеграции частей в целое. Современное общество очень неорганизовано, в нем слишком мало сложности. Развитие общества сейчас подошло к такой стадии, когда требуется еще большая, чем ранее, специализация сфер общественной жизни – и соответственно еще большая степень их интеграции в целое.

Современное состояние сфер общественной жизни характеризуется слабой дифференцированностью, части целого выполняют пока слишком много функций, и делают это не лучшим образом. Государство зачастую выполняет задачи, которые должны выполнять культурная или экономическая сфера; в других обществах, напротив, экономика подменяет собой государственно-правовые и культурные влияния. Вред от переплетения сфер общественной жизни проистекает от того, что каждый из современных уже в некоторой степени специализированных органов общественной жизни имеет свои характерные методы работы. Точно так же, как копыта уступают легким в способности дышать, а сердце не способно копать землю, каждая сфера общественной жизни, подменяя другую сферу, образует болезненные образования, препятствующие правильному развитию целого. Чтобы представить себе правильное, здоровое функционирование общественного целого, необходимо понять эти модусы существования его органов, представить себе специфику их работы.

Триединая формула общественного устройства

Сначала кратко рассмотрим историю болезни в одном из общественных целых. Образованный класс русского общества, как известно, выработал для самодержавия лозунг-триаду: *самодержавие – православие – народность* (1832, С.С. Уваров; основные положения – у Карамзина, 1811; интересно, что в 1483 году первый великий инквизитор – Томас Торквемада – провозгласил государственный девиз Испании: «Народ, империя, религия». Здесь история повторяет математику – от перемены мест слагаемых...). Этот русский девиз обозначал: государственная власть в форме самодержавия, культурная жизнь, пронизанная и определяющаяся православием, и народная жизнь, определенная совокупность определенных хозяйственных укладов, форм быта и т. д.

Эта идея не заполнила идеологический вакуум России, оказалась по крупному счету бесплодной. В России победила революция, которая изменила детальное содержание каждого члена триады, но по сути эта революция создала общество, лишь более жестко и логично продолжающее тенденции развития старой России. В Советской России эта триада стала выглядеть иначе: *деспотическое государство – идеологизированное общество (культура) – государственная экономика*. Государство, ранее бывшее деспотическим по форме и несшее остатки былой патриархальности в содержании, изменило форму деспотии. Остатки патриархальности были выметены революционной метлой, при этом государствен-

ность проникла и в третий член народной жизни – в экономику. Народ уже не только должен был придерживаться государственной идеологии в обязательном порядке, он должен был еще жить государственно, хозяйствовать так, как это спланировало государство. Я не собираюсь здесь описывать детали процесса: понятно, что примат государства в экономической сфере существовал в России многие века, задолго до прихода к власти большевиков, это не их изобретение. Но понятно и то, что государственный контроль за экономикой в СССР был значительно усилен.

Довольно трудно понять, как устроена указанная триада после падения СССР. Исчезла общая для всех идеология, не стало каких-либо общепринятых позиций. Однако мне кажется очевидным, к чему склоняется «бессознательное» перестроенной России (вне всяких оценок – хорошо это или плохо). «Бессознательное» – поскольку в речах лидеров нельзя усмотреть вовсе никакого сознания, не то что идей. Однако стиль жизни заставляет сформулировать следующую триаду: *демократическое государство – религиозная культура (религиозное общество) – свободная хозяйственная жизнь*. Я вовсе не хочу сказать, что такой порядок уже установился; например, что государство стало демократическим, а культура – религиозной. Я говорю лишь о равнодействующей, о том, что, как мне кажется, большинство общества принимает за желаемое или по крайней мере на чем это большинство готово помириться.

Действительно, это перелом по сравнению с революцией 1917-го. Если этот порядок (образца 1991-го года) установится в России, это будет перелом более радикальный, чем 17-й год. И эта триада очень похожа на западную модель, что лишний раз напоминает о том, что события 90-х годов являются продолжением длительного процесса вестернизации России. Разноречий, конечно, существует много. Современные «западники» находят в совершающемся действе прогресс (наподобие прутковского ханжи). Некоторые люди унаследовали от Советской России атеизм и противятся религиозной окраске культуры, упирая на то, что для Запада следовало бы написать так: *демократическое государство – индивидуальная (свободная) культура (общество) – свободная хозяйственная жизнь*. Иные, напротив, согласны помириться с религией, но хотят вернуть государственность экономики... Короче, единства нет, но компас, похоже, склоняется к указанной триаде (демократия – православие – рынок).

Как же следует оценить это преобразование, это новое сближение с Западом? Сделать это можно только в том случае, если мы сформулируем правильное отношение сфер общественной жизни, указав специфику действий каждой из них. Здоровым состоянием народного целого является следующее: *правовое государство – свободная культура (общество) – братская хозяйственная жизнь*. Именно такое состояние соответствует модусам работы каждой сферы. В таком случае, даже если триада выпечки 90-х годов (демократия – православие – рынок) победит, это не будет означать выздоровления общества. И если даже победит чисто западническая точка зрения и Россия станет «совсем Европой» – и тогда ее общество не будет устроено здоровым образом. Просто мы будем болеть вместе с Западом, за компанию. Чтобы утвердиться в такой оценке происходящего, рассмотрим, что характерно для функционирования каждой из общественных сфер в «идеальном», здоровом варианте.

Государственно-правовая сфера общественной жизни устроена для поддержания безопасности общества и регуляции в нем насилия. Для сферы права модусом существования является *равенство*, равенство перед законом. Поскольку речь идет о равенстве перед законом, сфера права живет справедливостью и формальностью. В любую область, в которую проникает государственно-правовая сфера, она вносит начала уравнительности, одинаковости, стремится к формальной всеприменимости своих установлений. Если же государство вмешивается в иные сферы общественной жизни, оно привносит в них характерные для него черты. Сфера правовой жизни стремится заставить подведомственные ей явления сохранять четкие границы, не сливаться, не изменяться, сохранять status quo. Правовая сфера выработала в себе в течение многих веков эволюции общества эти полезнейшие

черты. Такими свойствами и должна обладать сфера понятий, имеющих четкие определения и хорошо различимых. Законы должны быть именно такими, чтобы они могли нормально функционировать.

Такие особенности государственной сферы вытекают из ее специфики. Государство есть материализованное право. Право в своем зарождении есть формализованный аспект обычаев народа. Все особенности жизни государственной сферы вытекают из того, что это есть формализованная мета-система описания определенного аспекта общественной жизни. Современное право больше не является «обычным правом», властью обычая, как это было в далекие века. Современное право стало метаструктурным самоописанием (грамматикой), определенного аспекта общественной жизни. Как любое описание такого рода, право увеличивает жесткость структур общества, увеличивает их устойчивость – и тем самым делает их менее гибкими, менее способными к развитию. Это – плата за положительную особенность формализованной системы: результативность в экстремальных ситуациях и способность к быстрым изменениям в рамках привычных воздействий. Только формализованное общественное образование государственного типа способно произвести мобилизацию, только такое образование может вести эффективные боевые действия. Плата за эту возможность выживания в ситуации «запланированного» кризиса, в ситуации стрессового воздействия, к которому система подготовлена, за быструю реакцию в привычном диапазоне воздействий – неповоротливость и замедленность реакций в непредсказуемой, развивающейся ситуации. Государство (в качестве жесткой системы) необходимо в дни войны и является тяжелым грузом в дни мира. Проникая в другие сферы общественной жизни, государство привносит в них привычные способы работы: пытается формализовать встречающиеся ситуации, выработать типичные способы ответов на типичные воздействия. Короче, как любая сильно формализованная система, государственно-правовая сфера идет по пути избыточной специализации. Законы должны быть именно такими – жесткими, общими для всех, и даже формальными, но для подвижных систем экономики и разнообразных систем культуры такое воздействие является вредоносным.

Отмеченная специфика государственной, правовой жизни далеко не случайна, это результат длительного эволюционного развития. Государства прошли длинный путь эволюции от зачатков протогосударств Древнего мира до ранних государственных структур типа Египта или Римской империи, до средневековых феодальных государств, а от них – к национальным монархиям и далее к империям и современным государственным образованиям, имеющим чрезвычайно развитый и специализированный аппарат управления. Первые государства были еще чрезвычайно мало специализированы. Государственный аппарат Римской империи зарождался как личное дело частного лица: чиновники были вольноотпущенниками Августа, его клиентами, членами его семьи. Не только в первые века империи, но практически до самого ее упадка подавляющее большинство чиновников (кроме самых высших, сенаторов и всадников) были рабами или вольноотпущенниками. Более того, служба в данной должности была наследственной; хозяин использовал раба в качестве чиновника, своего помощника, затем отпускал его на волю, а его сыновей, рожденных в рабстве и потому наследственных рабов, назначал замещать должность отца. В результате государственное управление было делом семейным – как для знатных патрицианских фамилий, так и для секретарей и помощников.

Можно сказать, что государство современного типа, с его профессиональными работниками и дифференцированными министерствами, постепенно выделялось из большой семьи влиятельного лица. Когда-то государство и право были личными делами тех, кто управлял этими сферами. Эта слабая специализированность древних государств часто ускользает от внимания современных исследователей, склонных приписывать древнему государству черты современного. В результате такого анахроничного понимания говорят

о развитых бюрократических структурах в Древнем Египте или Древней Индии времен Маурьев, говорят о строгой специализации, жестком разделении функций, армии чиновников... Однако это сходство скорее по имени, чем по содержанию. Древние квазибюрократические структуры основывались на совсем иных функциях людей, чем современные, и были в значительной степени пронизаны клановыми отношениями, семейными связями. Еще и сегодня государственные аппараты стран Востока не являются организованными по вполне западному (строго-бюрократическому) типу, а две тысячи лет назад того, что мы теперь называем бюрократией, не было и в помине. Проще говоря, если при дворе некоего царя Додона был человек в чине конюшего, не надо полагать, что это то же самое, что нынешний начальник Генерального штаба. Так, канцелярии высших чиновников Византии размещались в их собственных домах. Посольства иногда отправлялись за счет посла, а сборщики податей были материально ответственны за сбор установленных сумм.

В древности, когда сферы общественной жизни были еще не так дифференцированы, проникновение действий одного общественного органа в сферу другого было еще не столь опасно, как сегодня. Тем более что большинство учреждений государственно-правовой сферы выдифференцировалось из личной жизни людей, из их общей культуры. Первые германские государства образовывались на основе дружин, сообществ боевых друзей. Достаточно быстро это состояние сменилось более специализированными формами, но первые германские (и викингские) королевства были образованы не подневольными солдатами, не наемниками, не религиозными фанатиками, а друзьями, с соответствующим комплексом чувств – верность, взаимовыручка, критическое отношение друг к другу, равенство и т. д. Точно так же важнейший правовой инструмент – документ, удостоверяющий личность, – возник из греческого культурного обычая, ксении. Иногда люди, проживавшие во враждующих городах, сдруживались. И тогда они брали дощечку и ломали ее пополам, и каждый брал свою половину. И если через много лет к одному из них приезжал совершенно незнакомый человек, предъявлял половину дощечки с характерным изломом и рисунком, и говорил, что он – двоюродный племянник давнего друга хозяина дома, а в Фивы выбрался по делам, то получал он кров и защиту от недружественных горожан, становился как бы членом семьи приютившего его хозяина. Эти дощечки, перекупаемые и одалживаемые купцами и дипломатами у людей, связанных Ксенией, дружбой, и послужили прообразом документов, удостоверяющих личность.

Как это часто бывает в развитии организмов, черты, проявляющиеся на ранних стадиях развития, в случае каких-либо нарушений возникают у взрослых форм. Когда современное общество заболевает, у него проявляются детские, давно изжитые в здоровых обществах черты – власть снова становится личным, семейным делом. Сегодня ситуация иная: высокоспециализированные структуры государственно-правовой жизни, впадая в детство, грозят обрушить всю общественную жизнь. При смешении деятельности разных сфер в обществе возникают опасные напряжения, и огромные, развитые и даже переразвитые государственные образования, разрушаясь, грозят похоронить под своими руинами все общество. Современное государство достигло чрезвычайной степени развития, его институты очень дифференцировались, и теперь образ его действий попросту смертелен для культуры и экономики, когда проникает в их сферы.

Вот, например, способ образования правоохранительных органов, принятый в мусульманских городах VIII–IX вв. В городах существовали банды «плутов», или «молодцов», а попросту – разбойников, воровавших в городе и грабивших караваны. Разные банды соперничали друг с другом и подвергались преследованиям со стороны стражей порядка. Достаточно сильный предводитель банды мог расправиться с конкурентами и победить городскую стражу. После этого правитель города вручал ему печать и знаки отличия главы городской стражи, и его банда начинала грабить купцов на законных основаниях, посредством

взимания пошлин. Защищаясь от конкурентов – нелегальных разбойников – такая стража выполняла свою «правоохранительную функцию». В случае же появления «чужих» разбойников, гастролеров, глава городской стражи, прекрасно осведомленный об особенностях местного городского «дна», эффективно вылавливал преступников. Иногда атаманы разбойников таким путем становились эмирами (история эмирата Саффаридов). Выделение мафиозной банды в полицейскую структуру происходит по естественным законам корысти и встречается и сейчас, однако такой путь создания правоохранительных органов не может быть признан нормальным.

Хозяйственная жизнь в чрезвычайной степени пронизана динамизмом, ее явления непрерывно видоизменяются, текут, не позволяя схватить себя строгими определениями. Экономическое явление, едва возникнув, не успев еще до конца оформиться, уже начинает видоизменяться, перетекать в следующую форму. Экономические явления не отделены друг от друга жесткими перегородками, они образуют цепи, они сродственны друг другу, и это облегчает их взаимопереходы. Можно вспомнить, как подвижна категория стоимости, как зависит она от множества факторов, как многообразно она перетекает в цену. Даже основные формы экономической жизни (труд, капитал, дар) образуют столь плавный ряд, дают такое великое множество переходов, что опознать их подчас весьма трудно. Именно по причине чрезвычайной подвижности явлений разработка понятий экономической теории – реальной, а не логически выдуманной – является таким тяжким делом. Подвижность и взаимоперетекание форм – суть существования экономического явления, его жизнь, и когда государственная сфера влияет на экономику, внедряя характерное для нее формальное различие ситуаций, требуя жесткой категоризации явлений, экономика гибнет. То, чем живет правовая сфера, оказывает на экономику мертвящее влияние; бурная жизнь перетекающих друг в друга экономических потоков каменеет.

Экономическая сфера в новое время столь же изменилась, как и государственная, может быть, даже сильнее. В зависимости от соотношения сил этих сфер общественной жизни – государства и экономики – их взаимодействие может приводить к разным результатам. Если государственное по стилю управление экономикой приводит к ослаблению хозяйственной жизни, то проникновение в экономику бюрократических структур изменяет экономику изнутри и вовлекает политические компоненты в состав экономических интересов. В этом случае государственно-правовая сфера вовлекается в экономическую как одно из средств проведения экономических решений.

За последние столетия экономическая жизнь претерпела сильнейший рост специализации труда. Именно в связи с дифференциацией труда степень интегрированности, целостности экономики достигла чрезвычайного уровня: когда труд был един, стоимость «вела себя» менее подвижно. Дифференциация и специализация самых различных явлений экономической жизни прежде всего обращают на себя внимание при изучении истории экономических учреждений.

Эволюция экономики в существенных своих чертах произошла столь недавно, что еще можно вспомнить те корни, из которых появлялись нынешние специализированные образования. Возьмем для примера происхождение столь специального и высоко формализованного института, как банковский процент. Не так давно, каких-то пять веков назад, выплата процентов с долговой суммы казалась неправомерной. В происхождении своем банковский процент есть не экономическая категория, а культурная, более того, моральная. Когда человек во времена Рима и даже еще в Средневековье в силу особой нужды брал деньги в долг, он часто возвращал сумму без процентов, без надбавки, но оставался морально должен тому, кто помог ему в трудную минуту, и совершенно естественным, житейским образом сам помогал ему, если у того в свою очередь наступали нелады. Понятие процента призвано было заменить этот моральный долг: выплачивая некоторую избыточную сумму кроме самого

долга, человек не вступал со своим заимодавцем ни в какие личные отношения, не был ему ничего должен в моральном плане. Именно эта ситуация вызывала моральное осуждение ростовщического процента: ростовщики оскорбительно игнорировали межличностные моральные связи, предпочитая благородному долгу презренные деньги.

По мере специализации сферы экономики, появления у нее собственной области, не пересекающейся с областью культуры, в ней выдифференцировались собственные механизмы работы, подобные по происхождению банковскому проценту. При этом интересно отметить, что и до сих пор в культуре живут как бы зародыши тех специализированных образований, которые играют совершенно самостоятельную роль в других сферах общественной жизни. Современный родственный и дружеский беспроцентный заем, если «снять» у общества всю специализированную экономическую сферу, вновь породит банковский процент, а уличные банды, насколько они основаны на позитивных началах дружбы, являются живыми зародышами боевых дружин. В силу своей особой специфики культура является как бы «банком», хранилищем всевозможных явлений, которые в определенных условиях могут начать специализироваться и могут развиваться в полностью сформированные общественные органы.

Культура – это сфера, в которой все тенденции, обычаи получают самостоятельное, специализированное развитие. Такое автономное развитие и независимое существование явлений связано со специфическим модусом существования культуры, которого мы коснемся ниже. Вот один пример. Все знают моду XVII века – одежду с многочисленными разрезами, специальными раздутыми буфами, в прорезях которых была видна ткань иной фактуры и гармонирующего оттенка. Эта странная мода пошла от ландскнехтов, которые разрезали трофейную одежду (проще говоря, награбленную либо снятую с мертвого тела), чтобы она не стесняла движений – ведь труп часто оказывался «не по росту». Мы видим, из каких странных источников может питаться культура, видим, как из них возникают стили и направления, обычаи и традиции. И все это многообразие форм сосуществует в культурной жизни. Там, где правовая сфера добивается унификации за счет четкого разграничения форм, где хозяйственная сфера унифицирует жизнь за счет непрерывной трансформации всего во все, – там сфера культуры добивается сосуществования разных, противоположных, несовместимых и несообразных друг с другом явлений, по самой сути своей изолированных – и в то же время одновременных и сообщающихся в космосе культурной жизни.

Описанные выше примеры возникновения государственных структур, экономических явлений и культурных обычаев демонстрируют ту стадию развития, когда самые различные по своей функции «органы» общественной жизни были еще слабо дифференцированы, не стали еще специфическими образованиями в различных сферах и вели совместное, хотя и автономное существование в качестве культурных традиций. Однако внедрять в современную экономическую и финансовую жизнь категории культуры, из которых выросли сотни лет назад современные государственные и экономические органы, было бы вредной утопией, это парализовало бы финансовую и экономическую жизнь, сферу государства и права, не позволило бы им эффективно выполнять свои функции в общественном целом. Если сейчас отменить банковский процент и вернуть процесс займа денег в моральную сферу, экономика развалится. Точно так же и возвращение государства на стадию личного дела одной семьи, где все чиновники связаны личными, патриархальными узами с главой дома, вряд ли может быть рассмотрено как прогресс государственности, такая ситуация представляется ненормальной. В том же смысле, в каком государство и экономика должны быть (и являются в значительной степени) независимыми от культуры, и сама культура должна являться независимой от государственно-правовой и хозяйственной сфер.

В явлениях культуры мы замечаем определенную противоположность экономической жизни. Если экономические явления перетекают друг в друга, сливаются во взаимоперехо-

дах, то явления культурной жизни чрезвычайно не похожи друг на друга. Каждое из них стремится выработать свое собственное существование; едва появившись, каждое культурное явление заставляет рассматривать весь мир с новой, ни на что ранее бывшее не похожей точки зрения. Каждый отголосок, оттенок, аспект культуры стремится к самостоятельному существованию, настаивает на своей уникальности, ни-на-что-не-похожести. Даже внутри сферы культуры проникновение законов жизни одного явления в другое кончается весьма плачевно: «Кандинский очень хотел в конце жизни нарисовать гуся, но не решился» (Комар-Меламид). Можно вспомнить сотни примеров, когда эстетика проникает в этику, религия стремится управлять искусством, нравственность учит политику – и каждый раз учение, прекрасное на своем месте, вызывает сильнейший протест в другом. Культура – это область чрезвычайного разнообразия, где каждое явление создает свой мир. Сфера культуры совершенно не похожа на тесный, слитный мир, в котором существуют экономические понятия, и разграфленный, упорядоченный, закономерно образованный мир права. Если право всечеловечно, всемирно по притязаниям, если экономика слитна во всех своих аспектах, то культура характернейшей своей чертой имеет локальность, элитарность, разнообразие. «В движении культуры различных исторических тел нам предстает действительно образование совершенно различных «миров», которые возникают и погибают вместе с этими историческими телами, они неповторимы и исключительны...» (А. Вебер, 1999).

Бессмысленно оценивать такой характер культуры как «хороший» или «плохой», «полезный» или «вредный» – он вытекает из существенной характеристики самого явления культуры. Именно из-за такого устройства культурного космоса в нем могут существовать зачатки самых разных образований, именно поэтому культура несет функции «живой памяти»: автономно существующие в ней зародыши различных общественных органов могут в благоприятных условиях начать специализироваться и вновь породить необходимые для общественного целого части. В более организованных сферах экономики и государства старые институты достаточно быстро вытесняются новыми, пропадают без следа или хранятся лишь как формальные воспоминания о прошлых формах организации. В культуре же зародыши экономической и государственной сфер существуют «в живом виде», поскольку культурная жизнь приспособлена сохранять максимальное разнообразие. В определенном смысле можно даже сказать, что в сфере культурной жизни сохраняется все прошедшее; в тонких следах культуры можно прочитать всю летопись мира.

Мы начали обсуждение взаимодействия сфер общественной жизни с разбора триадных лозунгов, формирующихся в русской новейшей истории. Эти лозунги явным образом восходят к известному тезису, впервые прозвучавшему в XVIII в. Французская революция сделала лозунгом человечества «свободу, равенство и братство». Этот победоносный лозунг постепенно побеждает в жизни – не путем революций, а значительно более обыденным путем. История революций, происходившим под этим лозунгом, скорее затемняет картину: история идеи заменяется историей революции, и кажется, что разгромленное или переродившееся революционное движение компрометирует идею или доказывает ее поражение. Истинные идеи всегда побеждают, но без пыли и грохота, вполне неслышно и незаметно. Противники этих идей принимают их в полном убеждении, что не отклонились от своей первоначальной позиции, что они победили такие идеи, поступив «исходя из здравого смысла» и «по собственному разумению».

Лозунг «свобода – равенство – братство» уже завладел умами людей, и история теперь является историей его осуществления. Выбирать можно только путь, каким этот лозунг претворится в жизнь. Именно смутность понятия о том, что означает этот лозунг, приводит к борьбе различных групп и смуте в общественной жизни. Свобода есть модус существования культуры, несвободная культура не способна существовать и правильно функционировать в общественном целом. Сама сущность тех явлений, которые составляют культурную жизнь

человечества в Новое время такова, что единственным способом их существования является автономность, независимость развития, свобода проявлений. Равенство есть девиз сферы государства и права, и только в этой сфере оно на своем месте. Братство есть лозунг экономической жизни, проникая в другие сферы общественного целого, братство видоизменяется само и приводит к искажениям внутри этих сфер. Гибкость законов – не достоинство, а порок; эклектика в культуре – не богатство, а пошлость. Точно так же, когда государство проникает в экономику и культуру – не важно с чем, с планом, цензурой, программами школьного образования – образуются псевдоморфозы, явления, внешне напоминающие образования одной сферы, но на деле являющиеся органами другой. Так, современное образование – не элемент воспроизводства культуры, а государственный институт поддержания однообразия. Государственный план экономического развития – не экономическая программа, а способ использования экономической жизни на благо государства, то есть чистейший паразитизм.

Итак, по мере развития общественной жизни (то есть единого процесса роста интегрированности целого при увеличении дифференциации и специализации частей) достигается такой период, когда смешение действий органов общественного целого приводит к заболеванию. В этот период с особой силой выступает требование независимости, автономности сфер общественной жизни. В современном же мире легко видеть, что действия этих сфер переплетены, так что они мешают друг другу. В современных обществах мы не находим независимого существования общественных сфер, напротив, в существенных чертах эти сферы соподчинены друг другу – по разному в разных обществах.

Во время существования двух супердержав, двух лагерей – СССР и США – можно было с особой отчетливостью наблюдать, как осуществляется примат той или иной сферы и какое влияние это оказывает на общество. В США примат экономики в жизни общества выступал непосредственным образом. Государство в этой стране было настолько пронизано экономическими импульсами, что являлось, по сути, подразделом экономической жизни. Отсюда и «государственное регулирование экономики» в США: на деле государство в США является специализированным органом экономической жизни, одним из многих (но тем не менее с особой функцией) регуляторов ее течения. В СССР, напротив, господствовала государственная сфера. Экономика выполняла служебные функции обеспечения государства – в том числе по линии военной, идеологической (многие новации в экономике были вызваны не экономическими, а чисто идеологическими соображениями).

Итак, в первом приближении, не вдаваясь в детали, можно считать, что в так называемом капиталистическом лагере господствовала экономическая жизнь, а в социалистическом – государственная. Это совпадение геополитического Востока с областью, где доминирует государство, а Запада – с господством экономики появилось, конечно, не в XX веке. Можно вспомнить, что первоначальное накопление в XV, XVI и XVII веках в Англии шло чисто-экономическим путем (что не означает его особой благодности: оно сопровождалось обезземеливанием крестьян). В России же первоначальное накопление капиталов происходило в XVII в. (с отставанием), и при плотном государственном контроле. Капиталы получались не из внешней торговли, как на Западе, а из внутренних источников (налоги, откупа, ростовщичество), которые в значительной мере контролировались государством – монополистом этих видов получения доходов. Более того, история первых русских промышленников показывает, до какой степени государство способствовало (даже понуждало) развитию промышленности (ссуды, освобождение от налогов, прямые указания).

После распада СССР экономическая сфера решительно доминирует над остальными во всем мире, но опять-таки разными способами. Третий существенный в данном отношении регион мира – Европа – пока не реализовал четко свои потенции. С одной стороны, в рамках всемирного господства американизма, Европа – лишь один из регионов, где господ-

ствуется экономическая жизнь. Но по сравнению с жизнью в самих Штатах можно видеть, что в Европе сохраняется некоторая возможность независимой культурной жизни, равновесия между полюсами, которые характеризуются на заокраинном Западе приматом экономики, на широком Востоке – господством государства. Эта полярная структура сохраняется и в рамках Европы: уже в XVII веке Англия имела экономику, свободную от вмешательства государства, а чем далее мы продвигаемся на восток Европы, тем зависимее экономика от государственных структур. Уже во Франции эта зависимость была весьма сильна. В истории ясно проявляется полярность Запад-Восток, соответствующая доминированию экономической или государственной сферы в общественной жизни. Данная полярная структура держится уже более 2000 лет, ее возраст – это возраст самой западной цивилизации.

Итак, на Востоке требуется самостоятельное развитие экономики, на Западе – высвобождение государства из-под наложенных экономической жизнью ограничений. Что же касается культурной жизни, то она не имеет независимого существования нигде.

Свободная культурная жизнь: преемственность и образование

Развитие независимой культурной жизни является первоочередной задачей человечества. Именно здесь лежит ключ к решению проблем, возникших из неправомерного расширения с одной стороны – государства, с другой – экономики. Культурная жизнь представляет собой сегодня тот центр, развитие автономности которого может помочь достичь равновесия, гармонии сфер.

В чем прежде всего проявляется зависимость культурной жизни от государственной? Самый важный элемент культуры – преемственность, передача культуры от поколения к поколению, что в формализованном облике выступает как система образования. До появления специализированных институтов в этой области «система образования» выражалась в передаче знаний «от отца к сыну». Профессии передавались по наследству: сапожник учил сына сапожному ремеслу, а король учил принца управлять. Переход к образованию, отделенному от семейного обучения, явился важнейшим этапом на пути развития европейской культуры. Глубинной внутренней причиной появления возможности такого типа образования было развитие личности, достаточно самостоятельной, чтобы получать знания в индивидуальном порядке. Специализированное образование, профессия переставали быть делом семейным и становились характеристикой личности. Поводом к этому глубокому преобразованию послужило одно довольно частное следствие из норм европейской религиозной жизни.

Университет.

Как известно, в католической церкви существует целибат – обязательное безбрачие священников. Католическое священство по причине целибата не вписывалось в единственную тогда «систему образования», организованную по наследственному принципу, и были созданы первые университеты – специальные общественные организации, передающие знания не родным, во время общей семейной жизни, а чужим, в искусственной, специально организованной среде. Университеты создавались как органы образования для монашества. Создание университета – первого высокоспециализированного органа в сфере передачи культурной традиции – имеет для истории не меньшее значение, чем образование первых кодексов законов или создание биржи.

Как первый автомобиль нес ненужные ему черты конного экипажа, так первые университеты обладали «чертами семейственности», подражали семье (особые формы студенческого братства, особые формы общения с преподавателями, совместное обучение студен-

тов разного возраста (с 7 до 40 лет), усиленное внимание воспитанию, а не образованию в собственном смысле и т. д.). В дальнейшем развитии университета шел процесс специализации университетского образования, превращения университета в орган воспроизводства культуры. Из университета вышла великая европейская наука, – в силу того факта, что только в нем, в отличие от академий, институтов и т. д., наиболее одаренные студенты выбираются преподавателями для «подготовки к профессорскому званию», по современному – оставляются в аспирантуре, и из них подготавливаются кадры ученых и преподавателей. (С тех пор многие другие образовательные учреждения были выстроены по образцу университета; отсюда в институтах и академиях появилась аспирантура. Такое устройство института есть уподобление ранее несхожих явлений; прежде институт был только научно-исследовательским учреждением и в образовании участия не принимал). То есть только университет является самовоспроизводящимся органом образования. В процессе специализации университета развились национальные *типы* высшей школы – германский университет, сохраняющий основные черты средневекового университета, английский колледж и французская Эколь Нормаль.

Германский университет ориентирован на выпуск ученых и преподавателей. Это наиболее чистый тип высшего учебного заведения Нового времени (как это подробно показал Паульсен, 1904; краткое изложение в: Кожевников, Романовская, 1997: 58–60). *Эколь Нормаль* выпускает квалифицированных инженеров, технических работников. *Английский колледж* выпускает джентльменов, образованных людей, он нацелен не на специальное, а на общее образование.

Эти типы высших учебных заведений выпускали совсем по-разному образованных людей. Германский университет, отличавшийся рядом специфических черт (система приват-доцентов, вольное посещение, право выбора преподавателя, самоуправление и т. д.) готовил преимущественно ученых, людей, способных вести самостоятельную научную работу. Этот тип университета был распространен в Центральной Европе и России до революции. Именно работа этого уникального образовательного учреждения привела к тому, что немецкий язык с XVIII до половины XX века был международным языком науки. Тип немецкого университета – самый древний из всех типов высших учебных заведений. Новое развитие он получил на рубеже XVIII и

XIX вв., в связи с реформой, проведенной Гумбольдтом. Охарактеризовать эту реформу можно словами Альфреда Вебера: «Если стремиться назвать то, что... было в новой исторической ситуации наиболее важным для внутренней организации университета, то это следует... определить как новое открытие человека в великом XVIII в. и как попытку сделать из этого выводы для ориентации университета. «Высшее счастье детей Земли – личность», – начертано с той поры в качестве открытого или тайного девиза на каждом, затронутом духом Гумбольдта, университете. И этот девиз, как и выводы из него, прежде всего отрицание всякой веры в авторитеты, стали для университета столь же неоспоримы, как то, что корни университета уходят в классическую древность...» (Вебер, 1999: 356).

Эколь Нормаль, высшая школа французского образца, ставила своей задачей подготовку квалифицированных технических специалистов, практических работников высокого класса. Если проанализировать устройство этой высшей технической школы французского образца, обнаружится множество отличий ее от способа устройства германского университета; в результате эти два типа высших учебных заведений нельзя признать гомологичными.

Английское же высшее образование делало ставку на воспитание; особое внимание уделялось древним языкам. Составитель словаря английского языка Самуэль Джонсон утверждал, что есть два вида знания: знание самого предмета и знание о том, где можно найти знание по предмету. Знание второго рода англичане считали важнейшим, и поэтому знания студентов проверялись в библиотеках с открытым доступом к книгам. Ставка на вос-

питание приводила к совсем иному устройству английской высшей школы, чем немецкой и французской: германский университет выпускал ученых, Эколь Нормаль – инженеров, а английский колледж – джентльменов. Для колледжа была характерна значительно меньшая степень специализации знаний, чем для других типов высших образовательных учреждений. Одно время идеологами английского образования даже напрямую высказывалась мысль, что колледж готовит элиту, управляющий элемент общества, и потому выпускникам нет нужды приобретать специальные знания, им следует глубже постичь законы истории и человеческую природу, чтобы научиться руководить подчиненными им людьми. При сравнении этих трех типов высших учебных заведений Европы можно видеть их различия по множеству параметров: организации экспериментальных лабораторий и степени привлечения студентов к экспериментальной работе, отношении к приват-доцентуре, степени спланированности курса занятий и проч.

Эта система трех типов высших учебных заведений несколько видоизменилась к сегодняшнему дню, но в основе своей существует и сейчас. Изменились ареалы некоторых явлений. Например, в России произошло смешение традиционного для нее типа германского университета с типом Эколь Нормаль. В США до 60—70-х годов XX в. господствовал тип английского колледжа, а в последние десятилетия все большее количество университетов переходит на структуру германского образца.

Важным видоизменением всей университетской системы образования в Европе было внедрение экзаменационной системы. Контроль знаний в средневековом университете производился во время диспута, аналога рыцарского турнира. «Адвокат дьявола», по-нашему оппонент, имел право на любые аргументы. Защищающийся же («диссертант») мог выставить на защиту даже антихристианские тезисы; оценивалась не «идеологическая выдержанность» защищающегося, а умение полемизировать, доказывать свою точку зрения. Позже вместе с рядом восточных заимствований в Европу просочились сведения о китайской системе экзаменов на чин, и в образование была внедрена экзаменационная система, ориентированная на запоминание, а не понимание. Сначала она закрепились во французской высшей школе, затем распространилась шире. Экзаменационная система усиливает идеологический компонент в образовании, способствует стандартизации знаний. По своему происхождению экзамен является элементом государственной сферы, внедрившимся в сферу культуры. В целом внедрение экзаменационной системы в образование является одним из проявлений материализма. Современный разум с большей легкостью управляется с вещами, чем с людьми или идеями, и потому стремится овеществить, объективировать, представить как предметы те явления, которые предметами не являются. Именно поэтому в наше время такое широкое распространение получили разные способы объективации людей – в анкетах, тестах, разного рода обследованиях, смотрах, – и в экзаменах. С оценкой гораздо легче управляться, чем с человеком как таковым. Эти и подобные им системы ведут к проникновению в сферу культуры бюрократических структур, по природе своей происходящих из сферы государства и права.

Университет обязан христианству не только возникновением, но и множеством характерных черт. Так, та роль учителя, то значение, которое придается профессии учителя, появилось в связи с христианской жизнью. В Древней Греции такого «учителя» не существовало. Школьный учитель должен был только научить читать, писать – овладеть техническим умением. Ценилась профессия учителя очень невысоко, экзаменов на должность учителя сдавать не требовалось – считалось, что каждый, умеющий читать, окончивши школу, по этой причине может стать учителем. В учителя шли те, кто не смог найти в жизни личной профессии.

Изначально в Греции школа была связана с военным образованием (эфебией). К VI в. до Р.Х. образование отделилось от военной подготовки, афиняне хвастались, что в их

городе впервые появился обычай ходить по улицам невооруженными. Эфебия стала чем-то вроде военно-полевых лагерей для старшеклассников; юноши по окончании изучения Гомера переходили в руки военных инструкторов. Школа с самого своего возникновения была технической по характеру; обучение чтению и начаткам письма, заучивание Гомера наизусть, плюс атлетическая подготовка – этим, по сути, исчерпывалось греческое образование. Воспитанием учитель не занимался, это делал педагог – домашний раб, который сопровождал ребенка в школу, следил, чтобы с ним ничего не случилось в результате ребячьего озорства. Этот «дядька» надзирал за ребенком, следил за приготовлением уроков, журил... в общем, воспитывал.

Связь между образованием и воспитанием, естественная для нас, появилась только в Средние века, в монастырских школах. Здесь учитель был одновременно духовным наставником и воспитателем. Авторитет священника складывался с авторитетом преподавателя. Затем, в Новое время, образование секуляризировалось, учитель перестал быть духовным лицом, но сохранил свою социальную роль – воспитателя, пользующегося уважением в обществе. Сопоставляя эту эволюцию профессии учителя и школы с развитием университета, также порожденного Средними веками и тоже возникшего из потребностей монастырской жизни, надо констатировать, что наиболее важные образовательные институты и внутренняя организация науки и народного просвещения зародились в «темные» века европейской истории. Новое время принесло в эту область особую специализацию и сделало светским характер образования, но не породило ничего принципиально нового.

По происхождению наука и современное образование являются число европейским изобретением, более того – католическим изобретением. Правда, во всем ареале христианства университет прочно прижился, поскольку стал не специализированным институтом воспроизводства священства, а специализированной организацией воспроизведения науки и, в более широком смысле – всей культуры в целом. Однако понятно, что на образование науки, в частности, и европейской науки нового времени, оказали влияние далеко не только обычаи католического клира. Хотя бы потому, что ни в каком ином регионе, где присутствовал обычай безбрачия священников, университеты самопроизвольно не возникли. Более того, даже самый универсальный феномен современной культуры – комплекс естественных наук – остается глубоко локальным образованием (как это свойственно явлениям культурной сферы в целом). Во многих странах у истоков образования стояла религиозная жизнь; например, в Японии развитие школ началось с открытия школ при храмах и монастырях, и первыми преподавателями были монахи. Однако ничего похожего на европейскую науку японская система образования не породила.

Итак, в силу важности для возобновления культуры в поколениях критической сферой культурной жизни является **сфера образования**. Конечно, это проявляется с разной силой в разных областях культуры: в науке больше, в искусстве меньше. Если быть более точным, то разница между наукой и искусством не в количестве образования, а в его форме. Наука отличается от прочих областей знания мира тем, что способна в явной форме представить свои методы и результаты. Благодаря этому передача знаний и умений в науке приобретает особую отчетливость. Собственно, известный тезис о воспроизводимости научных результатов не означает ничего иного, как способность представить результат в такой форме, которая пригодна для образования других ученых, других познающих субъектов. *Особенностью науки является не метод познания, а способ образования познающего.* Эта особенность науки столь очевидна, что привела даже к появлению мнения о суммативном характере научного познания, о том, что научные знания «складываются», их может быть «мало» или «много», что новые достижения «дополняют» предыдущие. Это верно только отчасти; более правильно было бы сказать, что, как любой структурный объект, наука не суммативна, хотя по сравнению с другими областями знания она выглядит таковой в результате уникаль-

ного механизма образования ученого. В этом же способе образования заключается и секрет быстрого роста науки: поскольку носителей научного знания можно явным образом обучать, прогресс в этой области может быть достигнут быстрыми темпами. В искусстве ситуация иная – там в гораздо большей степени действует принцип личного обучения, девиз «делай как я», «смотри и учись». Явной передачи знаний в искусстве, как правило, не существует, ученик лишь наблюдает за работой мастера и «подсознательно» понимает, как нужно работать. Конечно, различие науки и искусства не является абсолютным, есть пограничные области. Филология долгое время была почти искусством, а с появлением отчетливых методов представления знаний некоторые ее области, например, лингвистика вообще и фонетика в частности, стали по степени своей точности вровень с естественными науками.

Образование в современном мире во всех странах находится в руках государства. Доминирование государства в сфере образования – лишь важнейшая черта распространения власти государства в сферу культуры, но далеко не единственная. Мы так привыкли к тому, как устроена современная жизнь, что подобно людям иных времен, в отличие от нас не хваставшихся своей критичностью и свободомыслием, принимаем, что система образования в основных своих чертах может быть построена только так, как это сделано в современном обществе. Между тем надо признать, что Новое время породило самый несвободный тип образования из представленных в истории. Это не оценка, здесь не сравнивается качество образования и его полнота – речь идет только о свободе. Общество и государство детально определяют, что и в каких формах должен изучать ребенок, имеются подробнейшие регламентации относительно очередности и способа передачи знаний. Любая форма альтернативного образования не признается действительной. Считается само собой разумеющимся, что человек не имеет образования, если он выучился не по утвержденной государством школьной программе, а тем более – по институтской. Более того, степень механизированности, уравнительности и единообразия в сфере образования растет, а не уменьшается. С начала XX века появились тесты, способы оценки знаний посредством анкет. С появлением компьютерных технологий эта система получает все большее распространение: обучение посредством компьютерных программ, оценка и проверка знаний через заранее подготовленный вопросник, содержащийся в компьютере. В предшествующих нашему обществу общественных формах, несмотря на множество ограничений в иных сферах общественной жизни, образование было более свободным. Несвобода образования пришла только во времена либерализма и демократии.

Когда говорят об автономизации образования от государства, возникает вопрос, являющийся прерогативой государственной сферы: как быть с единообразием? Действительно, единственная сфера общественной жизни, «профессионально» занимающаяся уравниванием и единообразием – сфера государственно-правовой жизни. Поскольку мы привыкли к государственному образованию, образование без спущенного «сверху» стандарта представляется немыслимым. Однако следует понять, что сама задача единообразного образования возникает только потому, что образование принято воспринимать как государственный (а не культурный) институт. При трезвом рассмотрении оказывается, что проблема является чисто технической. Вполне можно организовать единый выпускной стандарт качества образования, пользуясь иными методами, чем это делается сейчас; в качестве паллиатива можно предложить внешние экзамены: не контролируя программу, государство удовлетворяется только качественным уровнем знаний выпускников, не интересуясь, какими методами это знание получено. Для многих специальностей различных образовательных учреждений проблема единообразия знаний является выдуманной, такое единообразие не требуется ни из каких собственно-культурных или собственно-экономических соображений. Можно поставить под сомнение и полезность столь широкого, как сейчас, распространения оценки каче-

ства образования посредством экзаменов, и необходимость контроля знаний посредством оценок.

В целом можно сказать, что качественное образование может быть получено и без обращения к вне-культурным представлениям о стандарте знаний. В самой культуре существует значительное количество способов поддержания качества. Один из таких альтернативных методов – представление квалификационной работы (существующие сейчас курсовые, дипломные, диссертации), ведущие свое происхождение от «шедевров» средневековых мастеров. Хорошее представление о том, каким образом культура поддерживает качество, не обращаясь к системе экзаменов, дает пример того отношения к знанию студентами иностранных языков, которое проявлялось в русских дореволюционных университетах. Студент обязан был знать некую тему, написать квалификационную работу по специальности. Для этого (по самому характеру вопроса) требовалось обращение к литературе на иностранных языках. Оценивалось только качество профессиональной стороны квалификационной работы, а как студент обошелся с иностранной литературой – прочел сам, попросил перевести и т. д. – никого не волновало. Студент на своем опыте научной работы понимал, что язык ему необходим и его надо выучить, а специальных экзаменов по языку не устраивалось.

Культура должна быть освобождена не только от государственной, но и от экономической зависимости. Это еще более болезненный вопрос: кто будет платить за обучение? И становится очевидным, что именно экономическая жизнь современного общества гарантирует примат государства в образовательной и, следовательно, во всей культурной сфере.

Следует искать пути к тому положению вещей, когда культура отделена от государства, образование не зависит от государственных программ, финансирование же осуществляется единственно возможным образом – пожертвованиями из сферы экономики (что не означает, что школа должна существовать только на частные пожертвования – это совсем особое решение вопроса). Описывать более детально то положение дел, при котором реально может существовать такое образование, не является задачей данной работы. Здесь важно подчеркнуть цель, то, к чему следует искать пути.

Интересно отметить, что когда-то сегодняшняя ситуация – государственное образование – казалась невоплотимым бредом. В XVIII–XIX вв. в Англии школа была делом общественной инициативы, частной предприимчивости, благотворительности. Отдельные энтузиасты государственной системы образования не встречали отклика, идея государственного школьного образования никем не принималась всерьез. То есть сторонники государственного образования убеждали общество в верности своих идей, но большинство людей считало это беспочвенным прожектерством. Сегодня бред XVIII века обернулся «единственно возможной» реальностью. Этот пример показывает, до какой степени «незыблемость» современных образовательных институтов зависит от воли людей. Энтузиасты государственного образования за сто лет сделали очевидной реальностью свою идею, казавшуюся обществу невоплотимой. Идея об образовании, независимом от сферы экономики и сферы государства, также может стать реальностью, если найдутся люди, готовые сделать это своей целью.

Отделение школы от государства является лишь частью более общей программы разделения культурной и государственно-правовой сфер. Недоумения в вопросе о школах в значительной мере снимаются, если вспомнить, что столь же негодующее отношение в свое время встретила идея отделения церкви от государства – по сути, идея того же плана. Религиозная жизнь является частью культурной жизни общества и должна быть отделена от государственно-правовой сферы, что понимали уже в Средние века (Уиклиф, Оккам, Марсилиус Падуанский, Данте). Эта часть программы разделения сфер в значительной степени выполнена (хотя и здесь есть свои проблемы), а образование по-прежнему находится в руках госу-

дарства. Пока это так, культурная сфера общества не может быть свободной и, значит, не может адекватно выполнять свои обязанности в жизни общественного целого.

Однако сразу после выдвижения такого тезиса можно встретиться с упреком: это утопия, это нереализуемо, это только благие пожелания. Однако это возражение не имеет силы. Рассмотрим простой пример: мы находимся в государстве, обремененном напряженными отношениями с соседними государствами. У окружающих стран есть постоянная профессиональная армия, а у нас военную службу несут люди, которых собирают по случаю войны неорганизованным образом, по набату люди являются «конно и оружно»: у нас ополчение. В результате наша страна проигрывает войны, теряет территории. Некто выступает и говорит: надо ввести постоянную армию. Ему говорят: это утопия. Мы и так бедные, а такая армия очень дорога: казармы, оружие, амуниция, прокормление армии в мирное время... Масса проблем, это абсолютная утопия. Однако тот, кто выдвинул идею постоянной армии, может возразить: это не утопия, а лекарство от определенной общественной болезни. Лекарство дорогое, но болеть дороже. Утопией было бы другое высказывание: пусть люди станут добрыми, пусть перестанут воевать друг с другом, тогда и нам, у кого слабая армия, не придется терпеть поражения.

В случае с негосударственным, автономным образованием – та же ситуация. Утопией являются высказывания: пусть государство творчески подойдет к строительству культуры, пусть разнообразит программы, пусть озаботится в развитии культуры не своими, государственными целями, а целями самой культуры. Государство сегодня именно так и говорит, и это чистейшая утопия. Государство по самой сути своей хочет иметь с культуры только определенный аспект ее деятельности: редкие открытия и поддержание общего не совсем скотского и, главное, унифицированного состояния, поскольку государственно-правовая сфера устроена таким образом, что в ней неминуемо происходят процессы унификации и нивелирования составляющих ее элементов. В этом состоит работа государства, устроенного на основах равенства и справедливости. Всеобщее одинаковое образование – это лозунг просвещенной государственности. Надо еще добавить: среднего образования, среднего в содержательном смысле; слишком хорошие ученики почти так же невыгодны, как и очень плохие.

Надо заметить, что жертвоприношения (дары) из сферы экономики в сферу культуры вовсе не являются нереалистической выдумкой. В начале XX века с экономическими кризисами (мировой кризис 1900–1903, в России до 1909) боролись варварскими способами, широко описанными в литературе – сжигали зерно, топили товары. Тогда уничтожали часть продукта, чтобы поддержать цены на оставшийся продукт. В 1929 г. разразился следующий всемирный экономический кризис, длившийся несколько лет и существенно подорвавший мировую экономическую систему. Проблему циклических экономических кризисов решал Кэйнс, математик по образованию. Он предложил два не противоречащих друг другу варианта решения проблемы, и оба они используются и по сей день. Во-первых, он предложил завязать налоги, чтобы большая часть экономического продукта переходила к государству (по сути, дарение из экономики в правовую сферу). Однако эта мера недостаточна, и в качестве более сильно действующего средства он предложил использовать инфляцию. Конечно, инфляция существовала и до Кэйнса, но идея сознательного использования этого экономического явления как регулирующего механизма принадлежит ему. В результате небольшой инфляции все «мертвые» денежные запасы обесцениваются, исчезают, и это понуждает вкладывать деньги, а не копить их, включать их в оборот, в экономическую жизнь.

Предложения этого математика используются до сих пор. Однако оба эти средства недостаточны для кардинального решения проблемы экономических кризисов. Примерно через 40 лет после применения «лекарства Кэйнса» кризисы появились вновь, еще более грозные. Это связано с развитием наднациональной, всемирной экономики, против кризисов которой частные, национальные экономические меры недействительны. Можно заключить,

что средства оздоровления экономики, предложенные Кэйнсом, верны в том общем смысле, что экономика должна дарить накапливаемые деньги, если не хочет подвергаться кризисам обесценения товаров. Однако сами методы дарения, принятые сейчас (завышенные налоги, инфляция) не бесспорны, и применяться они должны в мировом масштабе, если экономика стала всемирной. Безвозмездное сознательное уничтожение части возникших в экономической сфере стоимостей в виде дара в другие общественные сферы должно производиться организованно, во всемирном масштабе, оно должно стать нормой экономической жизни.

В послевоенные годы в западной экономике был разработан еще один вид дарения, уже не в государственную, а в культурную сферу. Исходя из политических по сути соображений (чрезвычайное имущественное неравенство и безработица обостряют внутреннюю жизнь в стране) было предложено направлять крупные средства в сферу сервиса, в рекламу, сферу обслуживания. Тот, кто связан со сферой рекламы, знает, какая колоссальная доля общественного продукта идет ежегодно на рекламу: это «предохранительный клапан» экономики. Тем самым можно констатировать, что пожертвования в сферу культуры существуют в развитых странах и сейчас, но организованы они далеко не идеальным образом, посредством сервисных служб и рекламы. Эти вложения избавляют экономику от «дурной крови», но место их вливания в культуру таково, что культурная жизнь не может их использовать действительно полезным образом.

Механизмы дарения из экономики в сферу культурной жизни формируют современный облик культуры; в культуре переразвиты сферы рекламы и сервиса – ведь именно они финансируются. Дарения можно было бы направлять в наиболее значимую для культуры сферу – в образование. Однако нам важно отметить принципиальный факт: вне всяких рассуждений о взаимодействии общественных сфер, в определенном смысле чисто эмпирически наиболее развитые экономические системы планеты нащупали средство от экономических болезней: пожертвования в культуру. Вопрос не в том, должна ли экономика дарить, а только в том, куда сбрасывать излишние стоимости – можно поступать с выгодой для общества, а можно усугублять болезнь целого ради выгод части. Планомерное уничтожение части стоимостей в виде дарения, вывод их из экономической сферы соответствует способу прихода стоимостей в экономику. Хозяйственная жизнь общества начинается с образования стоимостей из дарового продукта – природных ресурсов. Поэтому и заканчивается экономический цикл дарением. Эта логика функционирования экономического аппарата реальна, экономическая жизнь происходит именно таким образом. Однако у людей существует неправильное представление о работе экономической сферы общества. Люди стараются задержать в экономике образующиеся стоимости, они не хотят дарить их, и общество заболевает. Так же и организм человека потребляет некоторый ресурс из внешней среды и выделяет нечто в среду. И существуют больные люди, которые ведут неправильный образ жизни, что приводит к задерживанию питательных веществ в их организме. Человек при этом может страдать ожирением, нарушением обмена веществ и расстройствами пищеварения. Неправильное поведение человека приводит к заболеванию его организма; так и неправильное поведение совокупностей людей в обществе может привести к заболеваниям в общественной жизни.

Важнейшим результатом этой теории явился вывод из факта разделения труда: в условиях разделения труда выгоднее потреблять продукты, произведенные другими людьми, и отдавать им взамен продукты своего труда, чем производить все необходимое самому. Этим определяется общественный, воистину всемирный характер новой экономики, основанной на развитом разделении труда, специализации производительной деятельности людей, по сравнению с прежней, индивидуальной экономической жизнью. Этот факт отметил еще Лютер: он полагал, что разделение труда заставляет каждого человека работать на других. Хозяйство перестает быть принципиально замкнутым, а люди оказываются зависимыми друг от друга в сфере хозяйствования. Это движение экономики находится в согласии с изме-

нениями в других сферах общественной жизни: всемирная экономика рождается вместе во всемирной культурой и вместе с абсолютистским государством, перерождающимся во всемирную государственную форму – современную демократию.

Всемирная по своему характеру экономика, в самом своем существе связывающая все вовлеченные в нее регионы, приобрела новый характер: закономерные стадии роста и депрессии, она приобрела циклический, ритмический характер. Периодические кризисы экономики есть результат обращения с нелокальным явлением, новой всемирной экономикой, как с явлением локальным, псевдонезависимым. Когда экономика была локальной, частной, кризис в отдельном регионе, возникший по случайным причинам, разрешался за счет выхода за пределы этого региона: товары ввозились извне и потому дороже стоили, при инфляции местной валюты дорожали валюты соседних регионов. Для всемирной экономики нет соседей, она единственна; универсальность необходимо связана с уникальностью. Кризисы новой экономики не могут разрешаться прежними методами, поскольку нет никаких независимых соседних регионов. Экономический кризис может разрешаться только правильным взаимодействием экономической сферы с другими сферами общественной жизни, посредством выхода за границу сферы экономики.

В начале XX века Рудольф Штейнер охарактеризовал это новое в жизни экономики, проанализировав ход экономической жизни от продукта природы, преобразовываемого трудом, до денег, в которые превращается экономический продукт с помощью категории стоимости. Он показал, что здоровое развитие экономики нового типа возможно только при понимании полного состава экономической жизни, в которую входят как составные части не только труд и капитал, но и еще одна фундаментальная экономическая категория – дарение. Экономика может развиваться бескризисно только при взаимодействии с другими сферами общественной жизни, для чего часть стоимостей должна быть использована неэкономическим способом – должна быть подарена. Как уже говорилось, причина этого в том, что общественный организм целостен, экономика не является совершенно изолированной областью, а является органом общественного организма. Она получает («даром») природный продукт, в определенном смысле она «даром» получает субъект труда, человека-работника – первые составляющие экономического процесса. Природные ресурсы возникают из внеэкономической жизни природы, а субъекта труда готовят внеэкономические аспекты общественной жизни, и прежде всего культура.

Поэтому по окончании экономического цикла некая часть экономического продукта должна выйти из экономики, должна быть подарена. Дарение должно быть направлено в сферу культуры, чтобы обеспечить ее независимое существование в качестве независимой сферы общественной жизни. Как культура «даром» обеспечивает экономику (и право), поставляя им культурных (образованных) работников, так и экономика должна жертвовать часть прибыли на культуру.

Почему о таких вещах приходится говорить? Упомянутый пример с постоянной армией подсказывает иное решение. Ответственная структура (государство) берет на себя решение этого вопроса, его решают «соответствующие инстанции». Почему о важном для всего общественного целого деле следует думать и говорить частным людям, а не предоставить решение важного вопроса «органам, для того предназначенным»? Ответ прост: по самой природе вопроса. Любые органы власти – государственные и экономические – это как раз те инстанции, независимости от которых культура должна добиваться по объективным причинам, по конструктивным особенностям своего строения и развития общественного целого. А в самой культуре не существует власть предрешающих органов, ответственных за ее развитие – опять же не случайно, таких органов и не должно быть. Сфера культуры сейчас (в отличие от прошлых времен) является областью сознательных действий людей.

Решения в этой области должны принимать люди, а не надчеловеческие образования вроде государственных институтов.

«Экология культуры»

Выше мы упоминали о проблемах, возникающих в связи с преемственностью культуры. Другой важный для жизни культуры аспект – творчество. Если преемственность есть стабилизирующий аспект развития, в пределе отрицающий, замораживающий само развитие; если новизна – разрушительный аспект, в пределе приводящий к хаосу, который развиваться не способен, то творчество есть аспект динамической стабилизации культуры. Нужно обратиться теперь к рассмотрению этого аспекта культуры, чтобы глубже понять, почему способ, которым государство работает с культурной жизнью, является вредным для культуры на современном этапе ее развития.

Теория устойчивости развивающихся систем сравнительно низкого (по сравнению с высшими организмами) уровня целостности разработана в экологии. Каждый биоценоз состоит из великого множества жизненных форм (реализованных экологических ниш), согласованная жизнь которых делает возможным устойчивое существование биоценоза и создает устойчивые (лишенные катастроф, т. е. излишней новизны) условия жизни для членов биоценоза. Совокупность биоценозов формируют ландшафт, а совокупность ландшафтов оказывает влияние на жизнь планеты в целом.

Можно рассмотреть, каким образом многообразие состава биоценоза влияет на его устойчивость. Проблема эта еще окончательно не решена, однако предварительные решения уже имеются. Наиболее просто сравнить биоценоз с агроценозом, то есть с полем, засеянным одной сельскохозяйственной культурой. Известно, что агроценозы страдают от вредителей и болезней, едва ли не половина агропродукции пропадает. Почему происходят эти убытки, за что платит агроценоз? За однообразие. Более разнообразные системы более устойчивы. Чрезмерное разнообразие также может привести к некоторому (не очень существенному) снижению устойчивости, но это тема для отдельного разговора. А вот слишком малое разнообразие – гарантированный путь к кризису. Нападающие на агроценоз вредители и сорняки можно рассматривать как шаг к естественной эволюции агроценоза: живая система стремится стать разнообразнее, и первым ее шагом является привлечение конкурентов и врагов царящей монокультуры.

Разнообразие культуры

Такие же закономерности действуют в любой сложной системе не-организменного типа (организм достаточно жестко определяет свой состав и там не идет речь о чрезмерном или недостаточном разнообразии). Биоценоз и культура как раз и являются примерами систем с уровнем целостности, достаточном для проявления эффектов сложной системы, но не достигающих организменного уровня. Поэтому для стабильного (длительного) существования культуре тоже важно быть многообразной, единообразная культура обречена на гибель.

Например, культура Византии отличалась от современной ей культуры Запада крайним униформизмом, однообразием. Централизация государственной жизни Византии привела к тому, что вся страна управлялась из столицы, моды шли из Константинополя, художественные школы и новые течения утверждались только в нем. Провинциальные центры не играли существенной роли в развитии искусства. Когда кризис – неважно, внешний или внутренний, – ломает столичную культуру в таком обществе, вместе с ней гибнет вся национальная культура, не имеющая резерва. Культура целого региона деградирует вследствие, казалось

бы, не слишком критичного для культуры события, например, военного поражения. Византии не хватило раздробленности, разнообразия, чтобы вместе с головой культуры, расположенной в Константинополе, не погибло все тело. Корпоративность, присущая феодальному обществу, стабилизирует культурные и экономические связи и придает устойчивость средневековому обществу.

Замечу в скобках, что меньшая, чем у организма, целостность культурной сферы относится только к совокупностям культурных явлений, например, к культуре определенной нации, определенного направления, определенной культурной области (живопись, литература и др.). Отдельные культурные феномены часто обладают именно организменным уровнем целостности. С наибольшей очевидностью это проявляется в стихах, картинах и прочих культурных формах с четко заданной структурой. Именно по этой причине можно выстроить цепь рассуждений о экологии культуры по аналогии с экологией биологической: каждое индивидуальное произведение культуры (=«организм») имеет собственную среду, с которой определенным образом взаимодействует, определяя ее и к ней приспособляясь, такое произведение имеет характерную морфологию, особенности поведения и т. д. Именно из-за высокой целостности организмы столь жестко определяют свой состав, что примеры заимствования одним организмом частей другого крайне редки. Так, существует моллюск, который встраивает в себя стрекательные клетки поедаемых им кишечнорастных животных, существуют свободноживущие плоские черви (турбеллярии), в тканях которых живут зеленые водоросли. В области культурных явлений такие примеры столь же редки. Существует удивительный, почти уникальный факт заимствования одним из диалектов алеутского языка системы спряжения русского глагола. Не отдельного слова или слов, а системы спряжения, абсолютно чуждой данному языку. Есть факты культурной мимикрии, которые во множестве демонстрирует культура Японии: чрезвычайно впечатляющими являются рассказы Акутагавы в стиле Чехова, Тургенева и О'Генри. Рассматривая философию позднего Лосева, можно видеть, как в центр его платонического (точнее, платонизирующего) мировоззрения проник (после отсидки в концентрационном лагере) диалектический материализм, и эта достаточно чуждая общему тону его мировоззрения система неотторжимо выросла в него, стала органической частью его философствования. Но в целом такие случаи все же довольно редки и число заимствований в целостном культурном организме обычно невелико.

Как и у организмов и биоценозов, у культурных явлений имеет место регуляция нарушений. Культура способна регенерировать, исправлять нарушения развития, выздоравливать. Так развивались креольские и пиджин-языки; начинаются они со стадии в несколько сотен слов с крайне упрощенной грамматикой и дорастают до уровня нормального языка. Гомологичным этому явлению в биологическом мире является воссоздание организма из немногих клеток. В качестве крайнего примера можно указать на восстановление и оживление мертвых языков. Множество людей сейчас говорит на вымершей латыни. На вымершем к XVIII веку корнском языке (язык коренных насельников графства Корнуэлл) сейчас говорят более десяти тысяч человек. Сначала люди учат такой язык по книгам и прочим источникам, а затем учат говорить на нем своих детей, для которых английский становится вторым языком, а первым, усвоенным с детства и в истинном смысле родным – корнский. Более того, оживают выдуманные языки, и не только знаменитый эсперанто. Старозельфийский Толкиена и другие языки фантастических стран, придуманные лингвистами-фантастами, становятся языками, на которых общаются сотни и даже тысячи людей. В этом смысле в сфере языковой культуры возможны свершения более значительные, чем в сфере естественных наук. Понятно, что гомологией оживления корнского языка являлось бы оживление динозавра, а для старозельфийского это было бы выведение двенадцатиглавого дракона, пегаса, того же эльфа и прочих сказочных персонажей.

Однако если это так, почему встает вопрос о сознательном регулировании культуры, о ее отделении от государства, о поддержке ее со стороны отдельных людей? Если это закономерное требование культурной жизни, в культуре должны сложиться механизмы поддержания многообразия, как в биоценозе, и нам волноваться не о чем: все само делается и зарастет наше поле крапивой, любо-дорого смотреть. То есть если явления самовосстановления действительно развиты в культурной жизни, то должны сложиться естественные механизмы саморегуляции культуры, и сознательные усилия частных лиц не требуются: не надо помогать рису расти.

Разрешается этот вопрос следующим образом: культура являлась саморегулирующимся объектом, но сейчас она в значительной степени не такова. Причина изменения ситуации лежит в истории. В прежние эпохи культура была в значительной степени связана с национальной жизнью, с жизнью определенного народа. Это совершенно очевидно при рассмотрении так называемых традиционных обществ, культур Древнего мира. В Новое время ситуация начала меняться. Это парадоксальный факт: национальное начало с особой силой стало проявлять себя в государственных образованиях (сложилась концепция национального государства и возникла идея о праве наций на самоопределение), и в то же время начала изменяться народная жизнь. Эта народная жизнь стала как бы бледнеть, отходить на второй план, терять структуру, и культура стала все в меньшей степени питаться импульсами, исходящими непосредственно из глубин народной жизни, из национальности. Определенный рубеж в этом процессе можно поместить в начале XIX века: тогда Гете сформулировал понятие всемирной литературы. Именно после Гете стали появляться столь популярные сейчас «Золотые библиотеки классики», серии «Всемирной литературы» и т. д. Конечно, введение понятия всемирной литературы – лишь обозначение процесса, лишь его символ. Всемирными, универсальными стали театр, музыка, таковой еще раньше стала наука. Все сферы культурной жизни в Новое время начали универсализироваться, появилась единая духовная жизнь человечества – факт, несомненно, отрадный. И одновременно – именно для того, чтобы это явление смогло проявиться – стали отмирать национальные корни культуры. Развитые европейские нации к XIX веку практически утратили народную культуру, можно даже сказать, если не бояться запутаться в терминологии, что исчезли народы, сменившись народными массами, народонаселением. Тем самым, кстати, исчезла и та единственная реальность, которая хоть как-то оправдывала притязания национальных государств, требования государственной автономии наций.

Итак, в древности и еще в Средневековье разнообразие состава культуры поддерживалось со стороны питающей структуры: народной культурной жизни. Размывание этой питающей структуры и автономизация культуры от народной жизни, ее переход ко всемирно-универсальному содержанию привели к тому, что культура нуждается для обеспечения своей устойчивости, для выживания, в новых механизмах поддержания необходимого разнообразия. Многообразие культурной жизни поддерживалось народным целым двояко: во-первых, народов было много, поэтому было множество национальных культур; во-вторых, народ был структурирован, и потому в рамках одной национальной культуры поддерживалось определенное разнообразие, существовали разные «культурные регионы». Разумеется, это имеет место и сейчас, однако число таких полуавтономных культурных выделов значительно сократилось.

Вот один пример. В статье В.В. Бычкова (1989), описывается интересный феномен, наблюдаемый в культуре Византии: «...здесь имеет смысл указать на один из значимых парадоксов византийского эстетического сознания, объяснение которого еще ждет своего часа. Среди теоретиков искусства... существовала достаточно распространенная (если не ведущая) тенденция, берущая начало в культуре эллинизма, к усмотрению и поощрению в изобразительном искусстве экспрессивно-натуралистических и реалистических черт и приемов

изображения. Главное же направление византийского искусства... основывалось совсем на иных принципах. Не натуралистичность, психологизм, экспрессивность и динамизм, но, напротив, обобщенность, условность, символизм, статика, самоуглубленность, этикетность и каноничность характерны для него в первую очередь».

Итак, суть парадокса византийской культуры состоит в следующем: в трудах византийских теоретиков искусства, в описаниях (экфразисах) картин, сделанных ими, прослеживается одна система оценок, а в самом изобразительном творчестве – другая. Расхождение ценностей и приемов заходит так далеко, что по описаниям современника вместо византийской иконы можно представить себе творение поздних голландцев – реалистичное до натурализма.

Как можно объяснить эту загадку? Здесь дело в различных языках, присутствующих в одной культуре. В Византии традиция литературная развивалась по иным канонам, чем традиция искусства изобразительного. Византийский роман XII вв. развивался непосредственно от эллинистического романа и традиция литературных описаний была, в отличие от многих других черт византийской культуры, достаточно реалистической (почти до натурализма), несколько даже эротичной, с вниманием к психологическим и конкретно-бытовым подробностям. В это время развивался любовный роман и ироническая повесть, подобные как античным образцам, так и современным им средневековым романам на Западе.

«Теоретики искусства», о которых говорит Бычков, были в основном монахами, однако это были люди грамотные, образованные, и традиции литературного творчества они брали из наличной культуры – у них не было иной традиции создания описаний. В соответствии с бытовавшим литературным канонам они создавали описания картин и оценивали картины и мозаики по правилам того культурного языка, которым они владели. А мастера живописи, точнее, иконописи, придерживались совсем иных традиций, они не контактировали с литературными канонами (хотя это не значит, что они были совершенно неграмотны). Каноны живописного искусства кардинально изменились со времен эллинизма. В результате в рамках одной культуры – византийской – возникли разные языки культуры, и носители одного языка оказывались не способны адекватно воспринимать творчество носителей другого языка. Такие вещи нередки при контакте различных культур, принадлежащих к разным нациям. Красота византийского примера – в том, что «проблема перевода», граница культуры проходит внутри византийской культуры, между искусством слова и искусством краски. Этот пример рассогласования искусств в византийской культуре не единственный: рельефы на ларцах из слоновой кости выполнены вполне в античной манере, с античной моделировкой человеческих фигур, и резко контрастируют с традициями живописи и мозаики. Этот пример показывает, что проблема взаимодействия языков может возникать (и затруднять взаимопонимание, и вносить разнообразие) даже внутри одного этноса, одной (формально говоря) культуры, внутри одного (примерно) слоя – образованных людей одной эпохи. Это изумительное многообразие культурных традиций и создавало необходимое для саморегуляции множество возможных путей развития.

Культура Нового времени в этом отношении поражает своим однообразием; можно видеть, что сейчас происходит универсализация культуры. Изнутри современной культуры этот факт не очевиден; ведь и сейчас много различных групп, течений, культурных традиций. Однообразие становится заметным при сравнении с прошлыми веками. Важнейшим фактором этого падения разнообразия является унификация быта. Уже с начала, с середины XIX в., и тем более в XX в., люди стали жить в существенных чертах одинаково по всему земному шару. Наиболее показательны в этом отношении этнографические исследования, проведенные среди членов современных обществ западного типа. Оказалось, что «чувство родины» у сегодняшних европейцев довольно размытое, но еще сохраняется, и француз, немец или испанец существенно различным образом себя чувствуют дома и на чужбине. С

каждым десятилетием различия все слабее, а предельное состояние этого процесса можно видеть из данных, которые получены по этому вопросу для американцев. Более половины американцев чувствует себя дома там, где они могут вести «американский образ жизни». Современный отель, пиво, чипсы, телевизор с трансляцией бейсбольного матча – и американец дома, где бы указанный отель ни располагался. Ученые, проводившие подобные опросы, указывают и причины этого явления: современная экономическая жизнь такова, что семья не может поддерживать достаточный образ жизни при оседлом существовании. Работа по контракту подразумевает постоянные переезды на очень далекие расстояния, из страны в страну. Дети учатся в одной школе не более 2–4 лет, свой дом для них – это временно купленное или снятое жилье, а не тот дом, в котором вырос. В результате «чувство родины» приобретает особые современные черты – с одной стороны, оно слабеет, с другой – люди становятся более похожими друг на друга, обладают все более одинаковой культурной формой.

Универсализация современной культуры – это констатация факта, и у факта этого есть и удобные, положительные стороны, и весьма неприятные потенции. Положительным следует признать культурный синтез, новый уровень, достигнутый культурой, которая становится культурой человечества в целом. С этим неизбежно связан процесс нивелирования, особенно быстро протекающий при господстве над культурой государственной сферы, по способу существования своего тяготеющей ко всеобщему выравниванию, что дает прекрасные плоды в самой сфере государства и права, но является ядом для культуры.

Пример унификации культуры можно взять и из самой трудной для такой трактовки области – из области науки. Наука универсально по своим претензиям в принципе, и ее, казалось бы, нивелирование не должно угнетать. Однако это не так: сейчас 80 % науки делается в США. Здесь речь не о зависти, а о содержательных характеристиках науки *made in*. Дело в том, что разнообразие существует и в науке. Разные культурные регионы с различной легкостью развивают разные научные области, именно поэтому имеются национальные научные школы. Например, только в рамках немецко-русской науки процветали исследования в области ландшафтоведения, структурной геоботаники. Занимались этими областями знаний и в США, но результаты были сравнительно невелики, так как эти научные дисциплины не привлекали внимания американских ученых. Существуют определенные стили научной работы, принятые в данной национальной науке стили мышления, стили методологии, и с помощью американской методологии работа в этих направлениях не получается. Для таких направлений важна физиогномическая оценка состояния системы, синтез в понятии биогеоценоза, а не анализ в понятии экосистемы, не разбор компонентов на количественные показатели. При этом оказывается, что немецко-русская наука составляет некое единство; различие между собственно немецкой и русской науками – если угодно, научными стилями – значительно меньше, чем между общей областью немецко-русской науки и науками французской, английской. Такое тесное единство долгое время наблюдалось в англо-американской науке, однако за последние десятилетия американская наука быстро автономизируется, становясь все более непохожей на собственно-английскую и вообще на континентальную науку. При этом не только растет число работ американских ученых, так что уже более 2/3 науки «говорит по-американски». Американский научный стиль оказывает воздействие и на континентальную науку, которая подстраивается к «всемирному» стандарту, так что «американскую» науку сейчас делают и в Германии, и в России.

Чтобы объяснить это содержательнее, требовалось бы глубже погрузиться в специальные области, что здесь неуместно. Можно только сказать, что это лишь один пример, и любой наблюдатель культурной жизни с легкостью найдет множество примеров падения разнообразия всемирной культуры при примате в ней унифицирующих тенденций, выдвигаемых каким-либо одним культурным регионом. И наука, при всей своей «врожденной»

универсальности, также имеет свое лицо в каждом культурном регионе, свой стиль, и при воцарении одного из стилей, вырождающегося в гримасу, теряет разнообразие. Понятно, что в областях культуры, менее универсалистичных, чем наука (например, в искусстве), положение еще хуже: «иммунитет» искусства к общезначимому универсализму меньше, чем в науке.

Итак, старая система поддержания культурного многообразия слабеет. Чтобы сохранить необходимое для устойчивости многообразие культуры, необходимо разработать новые механизмы поддержания разнообразия, что возможно сделать, обеспечив культуре ее собственный модус существования. Культура в значительной мере перестала быть народной, естественной, она стала индивидуальной, искусственной, она делается теперь личными усилиями творцов. Теперь появляется возможность устроить культурную жизнь таким образом, чтобы она оздоравливала общественное целое – и можно сделать ее болезнетворной. Развитие культуры находится теперь во власти человека. Значит, люди должны своими осознанными усилиями создать условия для правильного функционирования культурной жизни. Как сфере государства присуще равенство, так культуре присуща свобода; свобода позволяет ей поддерживать свое многообразие и устойчивое развитие. Свобода эта может выразиться в независимости культуры от государственной опеки, развитии свободного образования и свободной культурной жизни. Такая свобода ничуть не противоречит канонам искусства, научным школам и прочим плодам объединенной культурной жизни. Эти объединения действуют внутри культуры, не влияя на степень ее освобожденности от влияний иных, не сродных с нею сфер общественной жизни.

Мы рассмотрели крупную морфологию исторических единиц и теперь, зная, какие элементы составляют общество и как изменения их соотношений влияет на общественное целое, мы можем применить сравнительный метод к истории, можем начать сравнивать разные исторические явления.

Глава III

Гомологические ряды исторических явлений

Заимствования. – Моды. – Стерезис. – Волны вестернизации. " –
Химеры. – Модернизация.

Ранее мы выяснили, что с помощью методов морфологии истории можно сопоставить гомологичные события. Для этого в непрерывном историческом процессе выделяются отдельности – события, они сравниваются (гомологизируются) между собой. Сопоставленные (сходные в той или иной мере) события образуют ряды, которые могут быть ранжированы по датам или регионам. Затем наступает стадия сравнения рядов. Из взаимодействия рядов выясняются результаты различных морфологических взаимосвязей в истории; взаимосвязь рядов указывает на корреляции процессов.

Попробуем рассмотреть с такой точки зрения историю нескольких регионов. Прежде всего это будут развитые страны Европы – Англия, Франция, Германия, затем Россия и, наконец, Япония. Выделение и детальная гомологизация событий, т. е. подготовительный этап такого исследования, в данном случае не излагается, поскольку он прекрасно описан во множестве учебников истории. Такое рассмотрение позволит нам изучить взаимосвязь явлений наиболее важных регионов планеты.

В этой связи стоит оговориться, почему в систему сравнения не включается США. Это государство образовалось только в конце XVIII в. (1775–1783 – война за независимость) в совершенно особых условиях, так что обсуждение возможного вида гомологий представляет собой отдельную задачу. США в значительной степени страна будущего, ее современная история есть не более чем подготовка к дальнейшему развитию. Можно видеть, что почти все направления действий США являются продолжением в определенном ключе исторических ходов самого запада Европы. В современный мир США добавляют не самостоятельное историческое измерение, а скорее оттенок, отдушку, определенный стиль англосаксонства, который и называется американизмом. Особенное внимание к США становится необходимым при анализе новейшей истории, а не на более общем фоне исторических событий. Большинство вопросов можно рассматривать таким образом, когда мы видим общую политику англосаксонских стран Запада, не выделяя специально вклад США.

Изучение истории США – работа во многом прогностическая. Изучать прошлое страны будущего, причем не самого ближайшего будущего, можно только представляя себе, хотя бы в общих чертах, это будущее. Не случайно одна из самых замечательных работ по истории Америки, книга Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», является одним из самых известных примеров научного предсказания. Связано такое положение дел с тем, что только будущее определяет, что в прошлом развитии было существенным, а что – нет. Правильно положить тени, выделить основные направления в развитии Америки можно, только представляя основные этапы хода всемирной истории и затем возвращаясь назад, уточняя эту картину, детализируя ее. *Узнать что-нибудь о прошлом можно, только зная будущее.*

Историки нечасто сталкиваются с этой проблемой и поэтому она недостаточно методологически проработана. Обыденная точка зрения состоит в том, что то, что было – было, это данность, и нам остается только эту данность понять. В этом «только понять» и заложена проблема. Понимание исторического события – это познание его смысла, значимости для хода других событий и для всемирной истории в целом. Процессы развития принципиально различным образом описываются в зависимости от того, какое будущее их ожидает. Если мы знаем, что какие-то два очень удаленных теперь языка произошли из двух древних диалектов одного языка, мы будем описывать процессы, происходившие в этих диалек-

тах, совершенно иным образом, чем если мы описываем небольшое диалектное различие, не имевшее никаких последствий и вскоре нивелировавшееся. Происхождение млекопитающих описывается общепринятым образом, пока мы полагаем это происхождением нового и очень прогрессивного класса. Тогда мы обращаем внимание на развитие перспективных систем органов и говорим о росте уровня организации. Но это только в том случае, если мы уже знаем, что млекопитающие произошли и у них имеется высокий уровень организации. Если же мы будем смотреть на предков млекопитающих среди рептилий с точки зрения организации самих рептилий, то эти предки млекопитающих не представляют собой ничего особенного, это лишь несколько небольших веточек огромной группы рептилий, которые не самым интересным образом изменяют свою организацию. Развитие динозаврового комплекса с этой точки зрения выглядит значительно интереснее и перспективнее.

Разумеется, верно и обратное положение – познать будущее можно только опираясь на известные траектории развития, наблюдаемые в прошлом. И это не порочный круг, а описание нормальной итеративной (повторяющейся, спиральной) схемы развития знания. Другое дело, что в связи с чрезвычайным развитием в XIX в. причинного механизма объяснения явлений, исследователи часто склонны замечать только одну сторону указанной спирали. Знания о прошлом описываются как «факты», а знания о будущем – как «гипотезы». На самом деле эти понятийные образования равноценны; будущее известно нам в той же степени, что и прошлое, и прошлое в той мере, в какой мы знаем будущее. Это не означает симметричности прошлого и будущего; события прошлого уже произошли, а события будущего – нет. Однако знание о событии и само событие – разные вещи. События прошлого уже произошли, они уже существовали и сейчас существуют (насколько прошлое наследуется настоящим); но понимание этих событий, знание о их смысле и месте среди прочих событий возникает из знания будущей их судьбы, из знания о характере процесса, который определен свершившимся – в прошлом и целью своей – в будущем. Ну и, разумеется, знание прошлого и будущего асимметрично по продуктивности: ведь будущее мы своим знанием в какой-то степени творим.

Когда мы имеем дело с историей Греции или Рима, значимость которых для современной истории в значительной степени выяснена, мы «понимаем» истории этих цивилизаций. Но уже при изложении новейшей истории современной Европы положение куда хуже. Несмотря на огромное количество материала и значительно большую степень изученности по сравнению с историей Греции, мы испытываем здесь значительные затруднения. Только прогноз дальнейшего развития этих стран, прогноз развития современной цивилизации позволяет оценить происходящее, ранжировать события по их значимости, выяснить их взаимосвязь. Именно поэтому новейшая история до такой степени политизирована: в зависимости от своих политических убеждений историк строит образ возможного будущего и исходя из этой картины дает оценки современным событиям. Но европейские страны уже имеют длительную историю, траектории их развития в какой-то степени ясны, прогнозы относительно их будущего имеют под собой определенную почву.

Совсем иначе обстоит дело с историей США. Трудности, испытываемые историками современности для стран Европы, здесь возрастают на несколько порядков. И не только по той причине, что США – молодая страна, что ее история насчитывает всего несколько веков, но и потому, что стадия развития этой страны кардинально отличает ее от других исторических общностей. Образно говоря, Греция и Рим ушли из нашего мира, и мы можем оценивать их деяния *post factum*. Страны Европы демонстрируют зрелый возраст исторических обществ, они находятся примерно в середине своего исторического пути. Россия в рамках этой метафоры может быть представлена молодым человеком, еще не вполне созревшим. США же выглядят младенцем. Говорить о значении событий в жизни взрослого человека можно, оценивая его предыдущие свершения. Так, тот факт, что человек лишился всех

своих денег, по разному оценивается для разорившегося бизнесмена и для уходящего в монахи. Крайне сложно что-либо сказать о возможностях развития молодого человека. И почти невозможно сказать что-то определенное о младенце; у него все впереди и невозможно выделить какую-то линию дальнейшего развития, чтобы оценить по ней его сегодняшние поступки.

Изучая историю последних веков, нельзя не видеть, что она представляет собой европоцентрический ряд событий. Так было не всегда: до начала Нового времени «центром» истории была не Европа в целом, а Средиземноморье, в котором развивались греческая и римская цивилизации. В предшествовавший этому период «центр истории» был сдвинут еще далее на восток. Обратив на это внимание, можно понять, что центральная роль Европы в современном мире и особенная важность происходящих в ней процессов для всемирной истории не есть субъективный обман исторического чувства, не искажение истины, а существенная характеристика исторического процесса. До сих пор «глаз истории» двигался с Востока на Запад; только недавно он изменил направление своего движения. Из этой оценки Европы как центрального месторазвития новой исторической эпохи вытекает и осознание роли американской истории как во многом предварительной и подготовительной. История Америки интересна прежде всего не сама по себе; на ее примере можно изучать первые движения будущей эпохи. История Америки демонстрирует ту стадию развития, которую осуществляла, скажем, микенская Греция по отношению к современной нам истории Европы. Трудно по чертам, проявившимся в догомеровской Элладе, определить историю XX века, хотя процессы, которые шли тогда, играли важнейшую роль по отношению к современной цивилизации. И на примере Америки мы можем подглядеть, как складывается цивилизация будущего, – если, конечно, у нас в руках есть компас, которым по отношению к микенской Греции нам служит понята история современности.

Конечно, можно попытаться изложить основы истории Америки и США, не вдаваясь в туманные картины будущего. В таком исследовании пришлось бы отметить специфику культуры, истории и самой природы континента, которые оказали огромное и совершенно недостаточное сейчас понимаемое влияние на переселенцев из Европы; это влияние было столь глубоким, что изменило не только психотип, но и саму внешность американцев. В таком исследовании нельзя было бы обойти параллельно развивавшуюся великую эскимосскую (протоэскимосскую) культуру, которая замечательно оттеняет культуру аборигенов американского континента. Надо было бы рассказать о культурах Америки до ее завоевания европейцами, причем характер этих культур настолько необычен, что это переворачивает многие представления, вынесенные при изучении культур Старого Света.

Так, все народы Старого Света ориентировались по звездному небу и называли совокупности сверкающих звезд какими-то именами, обычно – именами животных. Имена созвездий различны у разных народов, несколько отличается их состав, но всегда в качестве небесных ориентиров избираются звезды. Это так естественно... для нас. В Новом

Свете аборигены тоже ориентировались по небу. Для этого они выделяли в качестве объектов темные области, пересекающие Млечный путь, и так же называли эти черные облака на сияющем звездами небе именами животных. У них был черный Зодиак. При всей экстравагантности этого примера можно обратить внимание на психотип народов, которые выбирают в качестве зримых объектов то, что народы другой половины мира «естественно» полагают промежутком между объектами, пустотой.

Далее пришлось бы описать удивительную историю закрытия Америки в XII–XIII вв., так как археологические находки, свидетельствующие о посещении исландцами Ньюфаунленда в X веке являлись не «открытием», а продолжением долгой череды контактов между континентами, в том числе торговых. До викингов контактировали с Америкой ирландские монахи (в том числе Св. Брендан), но и они не были первыми, древнейший торговый путь

соединял континенты. Товары из центральной Америки двигались на север, ближе к областям, доступным торговцам с той стороны Атлантики, а сами путешественники из-за океана продвигались с крайнего севера американского континента на юг, заходя даже за Панамский перешеек. Торговали, например, лекарственными растениями, целые ботанические сады которых содержались во дворцах владык майя-ацтекской культуры. Один из авторов, обсуждающих доколумбовы контакты с Америкой, Дженнингс Уайз, полагает даже, что католическая церковь прямо управляла контактами с Америкой, и через скандинавских мореплавателей добывала золото и серебро из областей центральной Америки. Осведомленность единственной организации, охватывающей всю Европу – Римской церкви – была значительной; на кораблях Лейфа Эйрикссона были священники, а епископ Эйрик Гнаппсон посылал ежегодные отчеты в Рим о деятельности гренландских поселенцев. Закрытие Америки было многосторонней операцией; на общение с Америкой повлиял в первую очередь католический закон, запрещавший скандинавам общаться с язычниками, что прервало контакты с индейцами в XIII в. В начале XV в. под влиянием папы Николая V английским и норвежским капитанам было строго запрещено плавание в Гренландию. На это решение повлияла позиция Ганзейского союза и многие другие перипетии европейской политики. Смысл «закрытия» Америки виден в ее открытии в XV в; тот характер, который приняло это открытие, а также его последствия, выразившиеся в уничтожении цивилизаций этого региона, мог быть достигнут только таким образом.

Для включения истории Америки в европейскую историю надо было бы рассказывать о социальных экспериментах, проводимых разными организациями в истории, в частности, о роли католической церкви, ордена иезуитов в проведении широкомасштабного социального эксперимента (Парагвай), имеющего прямое отношение к последующей истории Европы и являющегося одним из первых в ряду осознанных экспериментов с исторически реальными социальными объектами. Следовало бы упомянуть о становлении американского национального характера, которое происходит буквально на наших глазах; о роли масонства в истории Америки и образовании профсоюзного движения... Эти темы в современной исторической литературе даны не всегда в том ракурсе, который необходим для правильного понимания, и поэтому не представляется возможным коснуться их вскользь, пунктиром, как можно позволить себе в отношении хорошо знакомой читателю истории Европы.

Это не значит, что морфологии истории «противопоказано» заниматься США. Напротив, там могут быть найдены интереснейшие гомологии к европейской истории. Достаточно сравнить американский фронт и Украину, хождение в народ, которое предприняла русская интеллигенция конца XIX в. – и столь же жертвенное поведение молодой американской интеллигенции в начале XX в. Молодые образованные американцы занимались благотворительным обучением в рабочих школах, ехали в глубинку, отказываясь от карьеры. Можно рассмотреть удивительно точные гомологии гибнущей аристократической культуры Юга США и русской дворянской культуры после отмены крепостного права. Эти и многие другие замечательные гомологии могут представлять интерес для особого исследования, но большинство рядов гомологических явлений, прослеживаемых в Европе, сливаются в Америке до неузнаваемости в связи с особым ускоренным, сжатым ходом ее политической и экономической истории и совершенно своеобразным, не похожим ни на один европейский тип ходом развития американской культурной сферы.

Сопоставляя гомологические ряды событий упомянутых стран Европы и Азии, можно выделить три группы, три типа событий. Я не утверждаю, что таких групп три и только три – я говорю лишь о том, что три группы событий выделяются легко, уже при поверхностном изучении исторической картины. Это заставляет подозревать, что данные группы событий представляют собой существенные исторические части, относятся к «органам» общественного организма. Ведь врачи гиппократовской школы давали такое определение: «Орган – это

то, что легко выделяется с помощью скальпеля». Так и при сравнении рядов гомологичных событий легко выделяется три важных группы.

Займствованиа

К первой группе мы отнесем гомологичные друг другу события, которые, распространяясь из некоего центра, чрезвычайно быстро усваиваются соседними регионами, т. е. в этих регионах гомологичные события происходят лишь с небольшим запозданием. «Волны» таких событий распространяются очень быстро. Такова история применения пороха, история огнестрельного оружия. Всего за считанные десятки лет примитивные бомбарды начинают извергать каменные и железные ядра как на полях Франции, так и на Кавказе. Так, в 1382 г., во время осады ханом Тохтамышем Москвы, русские впервые применили пушки (тюфяки), а до этого пушки применялись монголами при штурме русских и среднеазиатских городов.

Арабские цифры, облегчающие счет, открыты в III веке в Индии. В VII веке их переняли арабы. С XII в. византийцы стали употреблять арабские цифры. Запад заимствовал их у Византии. В 1471 г. одно из сочинений Петрарки вышло с пагинацией арабскими цифрами. К началу XVI века они становятся повсеместно принятыми, входят в бухгалтерские книги, протоколы и т. д. До этого времени развитию математики препятствовала римская система счисления и обозначения. Производить математические операции уже над десятками при римской системе обозначения цифр очень неудобно. Поэтому позиционная система обозначения чисел, очень удобная в практическом применении, быстро распространилась в Европе с XV в. Интересно, что позиционная система обозначения была независимо открыта также цивилизацией майя.

Так же распространяется компас (в Европе с XIII в.), астролябия, различные методы подсчета и т. д. Эти открытия имеют в принципе всемирный ареал распространения. В течение первого тысячелетия новой эры они охватывают доступные регионы за 500—1000 лет. Так распространяется книгопечатание в XV веке. Первые печатные издания появляются в 1440-х годах в Голландии, в 1450-х в Майнце работает Гутенберг. В 1455 г. Гутенберг напечатал одно из первых своих изданий – Библию, и этот год считается датой открытия книгопечатания.

В 1470-х годах были открыты типографии в Голландии, Германии, Италии. Затем почти сразу – во Франции, Испании, Англии, Польше. 1480-е – Дания, Швеция, Норвегия, Португалия. 1490-е – в Турции; в 1483 – первая славянская книга издана в Венеции. Позже всего (из европейских стран) книгопечатание дошло на Русь – к середине XVI века, т. е. распространение книгопечатания в Европе произошло за 100 лет. Первая русская типография работала в 1553 г. (владелец неизвестен), с 1563 работал И. Федоров. Первая книга в Новом Свете – 1557 год. Проникновение европейского книгопечатания (наборные кассы) в Японию датируется XVI в., серьезное распространение оно получило с 1592 г. Этот ряд дат демонстрирует типичную для явлений этой группы событий скорость распространения. В XV–XVI веках явления этой группы обегали земной шар примерно за сто лет. К XX веку скорость увеличилась до немногих месяцев.

Создание отдельных литер для печати было выдающимся достижением, техника печатания с формы целой страницы (например, ксилография) значительно ей уступала. В Китае ксилография была известна со II века. Переход к печати с помощью отдельных литер произошел сначала в Китае. В XI в. Би Шэн делал печатные формы из фаянса; в Корее и Китае его метод усовершенствовали, стали делать формы из металла (как и у Гутенберга). В этом ряду европейское книгопечатание – самое позднее. Однако в Китае, Японии и Корее это искусство постепенно забылось; на Западе же книгопечатание получило чрезвычайное раз-

витие – по той же причине, что и открытие пороха. Глядя на место явления в ряду других, системно связанных с ним, на положение данного явления в общей структуре, мы можем сказать, что книгопечатание Японии не гомологично западному книгопечатанию, это чрезвычайно схожие «органы», развившиеся у совершенно различных организмов, но в силу крайне различной роли в судьбе целого организма, в его функционировании эти два книгопечатания следует признать аналогичными, а не гомологичными; восточное книгопечатание, как и китайский порох, есть великолепный пример конвергенции исторических явлений (столь же аналогичны, как, скажем, плавники дельфина и рыбы).

Обращая внимание на ряды дат, характеризующих гомологичные события, можно видеть, что здесь важна не абсолютная скорость распространения волны гомологичных событий, которая, естественно, зависит от связности цивилизаций, наличных средств передвижения и связи и т. д., а относительная скорость – по сравнению со скоростью волн событий других групп. У событий, выделенных нами в первую группу, скорость распространения максимальна. Бумага открыта Цай Лупем в 105 г. н. э.; в VIII в. ее секрет захвачен арабами и она появляется в мусульманском мире, к IX в. бумага известна в Самарканде; к XII в. она проникает в Европу. Примерно так же выглядит «волна» событий, связанных с открытием шелка. Значит, открытия начала I тысячелетия проходят ойкумену примерно за 1000 лет. Арбалет, изобретенный около 1100 г., распространяется примерно 100 лет. В XX в. распространение открытия можно считать мгновенным. Скорость прохождения «волны» таких событий увеличиваются примерно на порядок за 1000 лет.

Еще раз подчеркнем: скорость распространения таких открытий слабо связана с особенностями развития страны, она зависит в основном от «связности» человечества, скорости передачи информации. Разумеется, все эти рассуждения имеют силу, если к обсуждаемому времени открытие востребовано. Герои Александрийский в I в. по Р.Х. описал паровую машину; примерно тогда же игрушечные паровые машины были найдены в римском регионе и в Китае. Однако игрушечная паровая машина, сконструированная в начале новой эры, не является началом «века пара». В Древнем Китае были изобретены механические часы, однако они ничего не изменили в истории Китая; но измерение времени изменило весь ход европейской истории, и представить себе промышленную революцию без развития машин для измерения времени невозможно.

От века к веку и от десятилетия к десятилетию скорость распространения таких новаций растет (примеры: радио, телефон, телевизор, компьютер), что связано именно с увеличением связности человечества. В начале Нового времени изобретение, усовершенствование и распространение паровой машины заняло целый век. В 1698 году Томас Севери изобрел паровую машину, которая в 1712 была улучшена Томасом Ньюкоменом; машина Ньюкомена с 1769 по 1790 была усовершенствована Уаттом. История компьютера также началась довольно давно. Паскаль в 1642 году создал механическую складывательную машину, в 1671 Лейбниц разработал машину, которая делала все арифметические действия, Жаккард создал прибор, использовавший перфокарты, и применил его для «программирования» ткацкого станка, а во второй половине XIX в. Чарльз Беббедж спроектировал «аналитический двигатель», который мог делать практически все, что делают современные калькуляторы. Далее, как известно, потребовалась вторая мировая война и проблема наведения ракет и снарядов, чтобы Винер сформулировал основные принципы, которые легли в основу теории разработки компьютерных программ.

Когда утверждается, что распространение новаций не зависит от истории региона, особенностей развития данной страны, имеется в виду, что первое появление новации в любом регионе происходит достаточно быстро. А количественное развитие изобретения, несомненно, связано со спецификой страны. Например, ясно, что число компьютеров в Рос-

сии меньше, чем в США, но появляются они в обеих странах практически одновременно (с точки зрения исторической, а не приоритетной).

Искусственные запреты на разглашение замедляют процесс, однако остановить его не могут. «Греческий огонь» (смесь смолы, нефти, селитры и серы) был изобретен при Константине IV Погонате (668–685) Каллиником, архитектором из Гелиополя. За разглашение тайны этого оружия Византия карала смертью, но достаточно быстро «греческий огонь» стал известен арабам и болгарам. Неудобный в применении, он был вытеснен из военного дела порохом. Не меньше охранялся китайцами секрет шелка, но ни отдаленность, ни кары не смогли воспрепятствовать его распространению. То же произошло в XX веке с ядерным оружием – секрет был выкраден у Америки, и со временем все страны, захотевшие его иметь, будут им обладать.

Каковы эти события, что их объединяет? В эту группу событий входят не только научные открытия и технические достижения, но и многие события «общекультурного» характера. Это новые принципы управления, техники налогового сбора, кодификация законов... В результате взаимодействия с римской культурой происходит кодификация обычного права, и мы встречаем ряд гомологичных кодексов – «Салическая правда», «Русская правда», правды Бургундская, Вестготская, Саксонская и другие. В Новое время практически одновременно во второй половине XIX века по всей Европе начинается забота о всеобщем образовании населения – начиная с проекта Гладстона (1869) и до реформы образования в России, начавшейся при Витте (далее – в 1908 – закон Столыпина об обязательном всеобщем 4-х классном образовании). Всеобщее образование в России, если б не революция и войны, было бы достигнуто к 1922 году (переход ко всеобщему среднему образованию в СССР произошел в 1966 г.).

Точно так же в XIX веке от Англии до Японии (1870-е) вводится всеобщая воинская повинность. Первую попытку ввести в Пруссии всеобщую воинскую повинность сделал Г.И. Шарнгорст (1755–1813) в 1810 г. Это был исключительный случай в Европе того времени. В России всеобщая воинская повинность введена в 1874 г. Всеобщая воинская повинность была новшеством в Европе; но нечто подобное было в Афинах в V в. до Р.Х., когда была введена система обязательной военной подготовки с 18 до 20 лет (эфебия). Воинская повинность существовала в Японии в VII в. и существовала до IX, когда Япония перешла к политике самоизоляции. Однако эти и подобные примеры введения воинской повинности в древних обществах не имеют гомологий в последующем в связи с наступлением феодализма. 2000 лет в Европе не было этого института, и однако затем он возникает на протяжении 50—100 лет почти по всей планете.

Сходная «волна дат» связана с «таможенной технологией»: во Франции внутренние таможенные пошлины отменила Великая революция, в России они отменены Шуваловым при Елизавете, в 1753 г., а в Германии – в 1830-х годах. Самая крупная «волна дат» подобного рода связана с промышленной революцией. Так, для XIX в. важнейшим показателем экономического развития являлись железные дороги. В Англии взрыв строительства железных дорог приходится на 40—50-е годы, в России – на 80-е и даже в большей степени 90-е годы, в Японии промышленная революция началась в 80-е годы XIX в.

Ряды схожих событий, таких, как таможенные преобразования или промышленная революция, нельзя свести к заимствованию одного предмета или производства, это – «культурные технологии». Большинство технологий XIX в. зарождалось в Англии и оттуда распространялось волной, срок прохождения которой через весь мир уменьшался со временем. То, что начиналось в Англии, скажем, в 30-е годы, появлялось в Германии в 50-е, а России достигало к концу века. В XX в. ситуация незначительно изменилась: все большее число «волн» начинается теперь в США, а не в Западной Европе, и время, за которое они достигают

отдаленных стран, чрезвычайно уменьшилось. Но принципиальная схема явления остается прежней.

Распространение явлений этой группы объясняется просто – это заимствования. Заимствования как таковые – довольно обыденный пример морфологических соотношений в истории. Объекты организменного уровня контролируют свой состав, но чем менее целостен объект, тем легче он заимствует части иных объектов. Заимствования показывают степень целостности; ясно, что легкое заимствование сравнительно чужеродных частей говорит о малой целостности (следовательно, малой устойчивости) системы. В отношении общественного целого на ряде примеров мы только что убедились, что заимствования идут довольно легко, хотя и эта легкость относительна. Даже внедрение «выгодных» экономических и культурных технологий наталкивается иногда на немалое противодействие. Запад уже несколько веков пытается преобразовать мир Востока (или не-Запада: Азию, Африку, Южную Америку) на свой манер, внедряет в общественные целые этих регионов различные свойственные Западу части. Однако успехи достаточно скромны; внешнее, очень поверхностное уподобление достигнуто, но в целом можно сказать, что общества в достаточной мере традиционны и целостны, отдельные заимствования не переходят в трансформацию целого. Более того, и сами эти отдельные заимствования используются часто не так, как на Западе, а по собственным законам тех обществ, где они внедрены. Такова ситуация с важными для экономики заимствованиями. Что касается заимствований в других сферах, то в них процесс идет еще более противоречиво.

Обычно заимствованные явления гомологичны, это одно и то же явление в разных общественных целых. Ясно, что не все гомологичные явления являются следствием заимствования. Некоторые заимствования не гомологичны – заимствованное явление может занимать в новом целом иное положение, играть иную роль, и в таком случае для генеалогии именно данного явления важно указать, что оно заимствовано, но в истории целостного образования это новый орган, лишь аналогичный тому явлению, с которого он «копировался». В целом такие сходные внешне, но на деле совершенно разные события можно обозначить как события типа «деревянного аэродрома». Известна нашумевшая история времен второй мировой войны. После окончания войны американская летная часть, расположенная на одном из островов Океании, была перебазирована. Туземцы лишились выгодного для них обмена с щедрыми летчиками. Для возобновления торговых отношений они решили приманивать чужаков. Они выстроили точную копию аэродрома – с метеовышкой, взлетными полосами, домиками охраны и даже рация была с антенной. Но все это было сделано из дерева.

С особенной легкостью воспринимает заимствования сфера культуры, – но, разумеется, не любые, поскольку определенной целостностью культура, несомненно, обладает. По количеству заимствований (например, по языковым) обычно определяют степень взаимодействия культур. Легкость культурных заимствований обусловлена характером этой сферы, в которой уживаются самые разнородные явления, не теряя при этом автономности и самобытности.

Моды

Примеры заимствований становятся яркими, когда заимствованное очень чуждо объекту. Таков мужской костюм XII–XIV вв.: он следует силуэту рыцарского доспеха. В XVI веке во Франции произошла феминизация мужского костюма: в нем появилось декольте, мужчины стали завивать волосы, носить серьги, форма мужского головного убора уподобилась женскому. Второй раз сходное явление проявилось во Франции второй половины XVII в.: мода «Луи-ребенка» привела к тому, что мужчины поверх штанов стали носить юбки. В

испанском костюме XV–XVI вв. феминизация зашла в определенном смысле еще дальше. В женском костюме в это время впервые появился корсет и вертюгарден (воронкообразный металлический скелет для юбки, не путать с кринолином, чехлом для юбки). В моде был пансерон (накладной живот), имитирующий беременность. Эта деталь костюма перешла и на мужскую одежду: военные-дворяне щеголяли в пансеронах и верхней одежде (колете), подчеркивавшей его формы.

Существуют и многочисленные примеры обратного влияния мужской одежды на женскую, и не только в XX в. Такое маскулинизирующее влияние является обычным состоянием в истории костюма, Маскулинизированным было женское платье Англии XVIII в., таковы женские брючные костюмы XX в. Явления такого рода при всей их внешней незначительности – симптомы глобальных социальных процессов, и потому интересны. Например, мода на ахроматическую (нецветную) одежду впервые возникла в Новое время, в XVI в. Это – симптом изменения душевной деятельности людей, произошедшей незадолго до того. Можно заметить, что сближения мужской и женской одежды происходят ритмично, примерно через век. Максимально они сближались в XVI, XVIII, XX веках, при этом в XVI веке мужская мода следовала женской, а в XVIII и XX шла маскулинизация женской одежды. Одно из объяснений этого явления состоит в том, что в эпохи, богатые войнами, костюмы становятся более сходными, причем женский следует за мужским, а в мирные времена костюмы начинают сильно отличаться. Правда, такое объяснение требует принять ряд очень сомнительных предположений. Скорее, эта периодичность связана с глубинными душевными процессами, идущими в народной жизни. Стоит только вспомнить, что после тысячелетий «власти мужского костюма» впервые сильная дифференциация костюмов произошла в XII веке и длилась примерно до XV. Эти века мирными не назовешь, но это была эпоха приближения Нового времени, эпоха Предвозрождения и Возрождения, по классификации историков искусства. Наступление Нового времени сопровождается растущим вниманием к полу, особым отношением к телу. Средневековье вовсе не было стыдливым временем (торжественная процессия по случаю вступления Карла Смелого в город предварялась шествием 12 голых девиц из знатных фамилий, олицетворявших добродетели), но вот воспаленным в сексуальном смысле оно точно не было. Иная ситуация возникает в XV–XVI в.; например, в мужском костюме в это время впервые сшиваются брючины (до того раздельные) и появляется гульфик, который носили снаружи брючин, напоказ, украшенный вышивками, а у богатых – инкрустированный драгоценными камнями.

Точно также симптоматичны предпочитаемые размеры частей тела. Самые банальные предпочтения относительно пропорций женского тела закономерно менялись век от века. Размер головы по отношению к росту в древней Греции составлял 1:7 (канон Праксителя), а к исходу Средних веков он плавно увеличился до 1:4,5. Пытаясь представить столь нереалистичные пропорции женщины, мы понимаем: от Греции к позднему Средневековью шла инфантилизация идеала женской фигуры. Далее можно видеть, как примерно раз в столетие, в рамках каждого целостного стилистического этапа, происходит сначала, при переходе к этому этапу, скачкообразное уменьшение этого индекса до 1:7 или 1:8 и дальнейший плавный рост до 1:5. Такие процессы шли в XVI в. во времена барокко, в течение рококо XVIII, ампира и романтизма XIX, наконец, то же самое было в XX веке: 1:7 во времена раннего конструктивизма и до 1:5 во время антимоды 70-х годов. Легко понять, что в идеале инфантильного взрослого человека, как в женских модах и даже мужских (мода «Луи-ребенка»), отражаются определенные душевные изменения, и наблюдается вековая ритмика таких изменений. Уже один этот пример из истории костюма подводит к представлению о «духе времени». (Понятие «дух времени» сформулировано в XVIII в. Х. Мейерсом, затем Д. Тидеманом: так они выражали мысль о связи философии с политикой, правом, нравами – всей жизнью общества). Циклы такого же трудно объяснимого характера наблюдаются

и в иных областях культуры. Так, некоторые музыковеды отмечают, что появление новых музыкальных идей («новая музыка»), изменения в понятии гармонии возникают циклически, примерно раз в 300 лет.

Стерезис

Когда мы выстраиваем ряды гомологичных явлений, – неважно, какого рода, будь это ряды технологических заимствований или ряды дат, характеризующих распространение какой-то моды, – мы сталкиваемся и с таким явлением, как отсутствие члена данного ряда на необходимом месте, или с отсутствием у явления, по прочим признакам гомологичного прочим явлениям ряда, какой-то важной части. Например, внимание русских историков с давних пор привлекал тот факт, что в отличие от множества стран Западной Европы в России не было рыцарства, которое придавало столь специфическую окраску западноевропейскому средневековью. В морфологической теории имеется специальный термин, описывающий явления такого рода – *стерезис*, лишенность целого какого-либо элемента, присутствующего у близких (гомологичных) целых.

Это понятие морфологической теории – стерезис (лишенность) – приоткрывает познанию двери в мир возможного. Каждый найденный стерезис – неосуществившаяся возможность, альтернативная история, след несбывшегося в реальном мире. Если бы рыцарство в России было, ее история была бы иной, более похожей на историю стран Западной Европы, и не было бы той России, которую мы имеем, а было другое историческое тело с другой судьбой и иными задачами. Черты этой иной судьбы можно различить, рассматривая развитие стран Западной Европы. Место России в истории тогда бы заняла другая страна, и решала бы те задачи, которые решает Россия.

Поэтому ясно, насколько важно корректно сформулировать представление о стерезисе, раз применение этого понятия к конкретной истории дает возможность в буквальном смысле идти по следам неосуществленных вариантов истории, понимать то, что произошло в действительности, более объемно, учитывая несбывшиеся и отвергнутые реальным развитием варианты. Альтернативная история, история «если бы», чрезвычайно соблазнительна, но является уделом фантастов. С помощью морфологической теории альтернативная история может стать предметом научного изучения.

Стерезис – не просто отсутствие чего-либо; это важная морфологическая черта явления, лишенного обычного для сходных явлений компонента. Ведь не представляет ничего интересного факт отсутствия баллистических ракет у аборигенов каменного века. А вот отсутствие рыцарства в странах Восточной Европы является важным фактором их развития – как факт отсутствия ног у змей является важной морфологической чертой этих рептилий по сравнению с ящерицами, которые устроены очень сходно, но ноги у них обычно присутствуют. Лишенность страны рыцарской культуры определяет стиль управления, особенности морального кодекса, многие важные черты культурной жизни, и даже накладывает определенные ограничения на способы хозяйствования: в странах без рыцарства купцы действуют иначе и промышленность работает иначе, чем в странах рыцарской культуры.

Стерезис бывает естественный и искусственный. Примером естественного стерезиса является отсутствие мифологии и героического эпоса у китайцев и арабов, отсутствие пейзажей в живописи и литературе Средних веков. В самом деле, даже на этой весьма ранней стадии развития Китая не находится следов развитой мифологии, нет и культа героев. Можно найти постепенно отмирающие следы древней народной религии, системы суеверий, распространенных среди социальных низов, но ничего похожего на величественные религиозные и мифологические системы Индии или Средиземноморья, и даже на религии народов Африки и Азии, мы в Китае не найдем. Это удивительное обстоятельство: не так уж много

цивилизаций проживают свой век без религиозной системы; пожалуй, некоторой аналогией Китаю может послужить только арабская культура, где до создания мусульманства мифология не регистрируется.

Выдвигаются два объяснения этого загадочного отсутствия: либо китайская цивилизация настолько стара, что пережила свои мифы, забыла их в многотысячелетней истории, либо национальный характер китайцев иной, чем у «мифических» народов, к которым относятся, скажем, все индоевропейцы (эпос был широко распространен у индоевропейцев – от Махабхараты до Эдды). Поскольку археологические находки свидетельствуют об относительной молодости китайского очага цивилизации (сейчас принимается, что из пяти самостоятельно возникших древних центров цивилизации китайский – чуть не самый молодой), более вероятным представляется последнее объяснение. Рационализированный ритуал никогда не вытеснял из сознания китайцев мифологию, он всегда был в центре духовного мира китайцев и является «заменой» мифологии только в сравнительном аспекте: то место в духовном мире других народов, где располагается мифология и религия, у китайцев занимают культ предков и ритуал, в первую очередь – ритуал. Фантастика мифов о богах и героев не сочетается с рациональным практицизмом китайского характера. Можно предполагать, что формирование индоевропейских народов происходило именно в ту эпоху развития наций, когда возникали эпические сказания. Можно предполагать и иные объяснения – важно то, что эпоса как морфологического элемента культуры мы у определенных народов не находим.

Искусственный стерезис может быть результатом сознательного воздействия, но может быть и совершенно случайным. То есть стерезис входит в культурную форму, даже если появился случайно. Ю.М. Лотман приводит примеры стихов Пушкина, появившихся из типографских опечаток (поэт не стал править эти опечатки, утверждая их в составе произведения). Статуя Венеры Милосской является безрукой, что представляет собой значимый культурный феномен, хотя руки она утеряла в результате случайного с точки зрения эстетики события. Стерезис может играть самую разную роль, даже эмфатическую: отсутствующее явление подчеркивается в своей значимости. Такой пример приводит Д.С. Лихачев: в огромной картотеке Б.Л. Модзалевского, где зарегистрированы все, даже самые мелкие и незначительные писатели, нет карточки на Пушкина; это высшая оценка его творчества.

Явление стерезиса весьма широко распространено, но привлекает пока мало внимания. Вся область морфологических явлений, описывающих проявление стерезиса, можно назвать отрицательной морфологией. Это достаточно условное название, поскольку в самостоятельную ветвь морфологической науки стерезис не может быть выделен, так как он является необходимым компонентом анализа формы. Однако в силу малой изученности именно этой стороны ей в операциональных целях можно присвоить отдельное название. Более общим названием для части, которая отсутствует в данной форме, но без описания которой описание формы не может считаться полным, является название «мерой нулевой модальности».

Устанавливая взаимоотношения целостностей, мы создаем таксономию, а устанавливая взаимоотношения частей – мерономию, как об этом говорилось в гл. I. Изложением результата таксономии является перечень языков мира (а также система языков) или список видов животных (или иерархическая система таксонов). Результатом мерономии является описание строения этих животных с указанием соответствия частей одних животных – другим. Отдельным и достаточно сложным вопросом является вопрос о том, что мы считаем целостностью, а что – частью ее. Этот вопрос обычно считается самоочевидным, но на самом деле целое, то, что мы считаем целым, устанавливается в процессе исследования в зависимости от постановки задачи. Ведь целым мы называем то, что внутри себя связано сильнее, чем снаружи, отчего мы и можем нечто выделить из окружающего мира как целост-

ный феномен. Но то, на какие именно связи мы будем обращать внимание, определяется исследователем и связано с его познавательным интересом. Поэтому можно сказать, что система выделяется исследователем; то, что является в мире объектом, целостностью, является таковым потому, что мы принимаем именно это за целое в своих познавательных интересах. Как только определено целое, потенциально заданы его части. Поэтому при заданном целом удастся достигнуть инвариантного понимания различных способов расчленения целостности. Тем самым мерономическая процедура не является объективной, не является она и целиком субъективной (произвольной): она интерсубъективна. Таксономическая процедура может рассматриваться как объективная, поскольку здесь мы соподчиняем объекты классам, не задаваясь содержательными вопросами о целостности самих объектов.

Итак, изучая объекты, мы сравниваем их и располагаем в ряды, объекты в которых сходны по каким-то частям, полагаемым нами значимыми. В каком же месте образуется понятие стерезиса? Эти объекты устроены сходным образом, они различаются только отдельными достаточно второстепенными частями. Рассматривая эти объекты, эти формы, мы можем выделить общую совокупность частей, ту содержательную часть, которая объединяет все эти объекты, из-за чего мы и признаем их сходными. Можно выразить это следующим образом: при изучении сравнительного аспекта явлений, мы выделяем (неважно, насколько осознанно) некоторые типы, некоторый нормальный состав явлений, и некоторые отклонения, когда явления, в основном похожие на большинство других, лишены определенных свойственных им черт. Тем самым, если мы хотим описать конкретную форму, мы делаем это указанием на тип, к которому она относится, на нормальный состав ее частей, и указанием на ее отличие от других сходных форм. Часто возникает ситуация, когда это отличие формулируется отрицательным образом, когда части, по которой мы производим сравнение, у объекта нет. Например, мы можем классифицировать бабочек по рисунку на их крыльях и топологии жилок на них, но вот нам встречается бабочка, у которой нет крыльев. Заметим, что это не просто отсутствие, а лишенность: мы знаем, что у большинства бабочек крылья есть, что это нормальная часть строения бабочки. Мы ведь не обращаем особенного внимания на факт отсутствия крыльев у дождевых червей, а вот бескрылая бабочка характерна именно этой своей бескрылостью. Отсюда и возникает понятие стрезиса, лишенности чего-либо должного. Это указание на лишенность достигается указанием на форму более высокого иерархического уровня – тип рода. Именно потому, что конкретные формы оказываются вариантами более общей формы, отсутствие у конкретной формы какого-либо свойства, присущего общей форме, можно назвать стерезисом (лишенностью).

Так, в языках, имеющих артикль, можно ввести понятие нулевого артикля – когда отсутствие артикля перед существительным (и определенным, и неопределенным) обозначает неприменимость характеристик и того, и другого артикля в данной ситуации. Это является не отсутствием указания на качество, а конкретным указанием на наличие любого качества определенной модальности, кроме двух его состояний (определенного и неопределенного – во французском языке *un* и *le*). Точно так же систему глагола в семитских языках можно описать вполне последовательно через представление о стерезисе. Дело в том, что времена в семитских языках лишь весьма отдаленно соответствуют привычной для романогерманских языков схеме. Ситуация оказывается скорее такой, что спряжение семитского глагола показывает, какому времени наиболее не соответствует действие, описываемое данным глаголом, какое значение из всего спектра временных форм заведомо должно быть отвергнуто.

Со стерезисом приходится сталкиваться и при описании исторических событий. Например, вторжение Лжедмитрия I с польскими войсками в Россию происходило очень странным образом. Поляков была горстка, в собственно военном аспекте они не могли противостоять огромному государству Годунова. В военном смысле это была типичная аван-

тюра. Однако Лжедмитрий победил, и уже современники событий писали, что он победил не благодаря своей силе, а благодаря политической слабости режима Годунова («Яко комар льва порази...»). Годунов не был «богоданным монархом», существовала сильная оппозиция его правлению. В то время душевная жизнь людей была такова, что требовала законного монарха старой, традиционной династии. Это было время, когда люди еще были душевно связаны с правящей семьей; подобное явление было значительно сильнее в прошлом, ко времени Грозного это душевное явление уже редуцировалось, а в современную эпоху оно исчезло, и потому теперь мысли о восстановлении Романовых являются атавизмом. Но в XVI веке это чувство в народной душе было еще живо, поэтому в идеологическом плане режим Годунова представлял собой «дырку» в системе. Победа Лжедмитрия произошла слабостью его противников; именно так ведет себя «дырка» в сложной системе: она «засасывает» структуры, пытается восполнить недостающее, забирая что подвернется со стороны. Выбора по этому направлению система лишена: если бы она могла выбирать, это бы и означало, что она структурирована в данном аспекте и «дырки» нет. Неструктурированная же в данном аспекте система «глотает что попадется». Одна «дырка», разумеется, существовать не может, существует система, поддерживающая свою структуру и тем самым стабилизирующая также и «дырку». Тем самым победа Лжедмитрия над государством Годунова была явленным в истории следствием стерезиса.

Если взглянуть в начавшиеся при Лжедмитрии I преобразования, они изумляют сходством с первыми шагами петровских реформ (потешные полки нового образца, самостоятельное поведения бойкого монарха, неприязнь к традиционному укладу и проч.). Можно сказать, что Петр был гомологом Лжедмитрия, пришедшим через век, но уже изнутри России. Сходство усугубляется до символа тем обстоятельством, что Лжедмитрий старательно копировал Дмитрия, был подготовлен играть его роль, вжил в нее до самоотожествления. Сам же Дмитрий, как известно, страдал эпилепсией – как и Петр. В определенном смысле Петр был новым явлением Дмитрия, но более подготовленным. «Дырка» была заштопана; преобразования, необходимые стране, производил именно законный монарх традиционной династии. Не раз отмечалось, что успех петровских реформ был обеспечен в основном именно его легитимностью как монарха.

Сходный пример действия стерезиса, а не фигуры, проявился в Великой русской революции. Культурный и идеологический вакуум возник в России к 1917 году. Именно этот вакуум засосал в себя большевистскую идеологию – не потому, что она отличалась какими-то особенно положительными чертами, а потому, что она была, а пустоту надо было заполнить. Несмотря на ряд мощных причин, детерминировавших развитие России в сторону революции, даже в начале XX века, даже в 1917 году не было неизбежным то, что реально произошло. В России в канун революции не было именно «классов», заинтересованных в падении существующего режима. Все социальные слои были недовольны существующим положением дел, но все они были настолько зависимы от режима, что не желали «всерьез» его разрушения. Дворянство ждало помощи от сильной монархии в постигших его бедах, крестьянство ожидало от «батюшки-царя» земли, буржуазия, завязанная на государственные монополии, проникала в правящие сферы, но не мыслила себе жизни без них. Идеологический вакуум, отсутствие идей о том, как разрешить тяжелейшее положение, в котором оказалась Россия, привел к революции и тирании, а вовсе не «объективное» положение дел. Сейчас, в конце тысячелетия, мы снова имеем культурный вакуум, который должен быть заполнен. И какую идеологию на этот раз затащит разверзшаяся дыра в культуре? Именно на этом примере мы видим стабилизацию «дырки» системой. «Дырка» есть ничто и как такое не существует, однако устройство данной системы может поддерживать «дырку» и придавать ей черты структурности, какого-то поведения. В 1917 году в результате идеологического вакуума, «дырки» в духовной сфере государства произошло изменение системы; через

73 года это изменение было отвергнуто – и система в значительной мере вернулась к предыдущему состоянию с той же по характеру своему «дыркой».

Мировоззрение общества может быть самым разным – от коммунизма и фашизма до американской мечты. Осмысленное представление об окружающем мире требуется сейчас с особой силой. Дать такое представление может только культурная жизнь. От мировоззрения «вниз» идут обычаи и нормы поведения людей, особенности межличностных контактов. Космос общественной жизни заполняется эманациями общественного мировоззрения, творимого культурой. Связность идеологической системы давно осознана, и потому ведутся так называемые «информационные войны». Результаты их оказываются отнюдь не только информационными.

Этот раздел мы начали с примера стерезиса рыцарства в России. Рыцарство является одним из важных органов западноевропейской цивилизации, прежде всего ее культурной жизни; чрезвычайно важным оказывается для истории страны отсутствие или наличие в ней рыцарства. Исчезновение рыцарства маркирует собой значительный рубеж в истории. Как известно, рыцарство исчезло в XV, XVI вв., с наступлением Нового времени. Обычно утверждают, что порох и пушки уничтожили рыцарство: начиная примерно с 1450 г. применение осадной артиллерии сделало оборону замков бессмысленной, а рыцарь без замка как лапоть без ноги, – не жилец.

Однако можно вспомнить развитие сходного явления, – японских самураев. Самураи с их особой культурой не исчезли с началом века пороха; напротив, очень многое характерное для самурайской культуры развилось только в следующие века; несмотря на господство огнестрельного оружия, этот общественный слой не исчез, развивался, и до сих пор в значительной степени именно под влиянием культуры самураев Япония развивается именно таким путем, который мы наблюдаем. Дух самураев не умер в Японии. Значит, и падение рыцарства мы не имеем права объяснять только материальными условиями, только развитием огнестрельного оружия и появлением иных типов войск. Можно заметить, что с морфологической точки зрения нас может не интересовать причина исчезновения рыцарства. Важным является сам факт наличия или отсутствия этого феномена в устройстве того или иного общественного целого. Благодаря таким фактам стерезиса мы можем с большими основаниями утвердить сходство одних явлений и убедиться в различии других. После этого у нас появляется возможность глубже понять устройство интересующего нас явления; мы поймем не просто причину того или иного события (причина – вещь недорогого стоящая, причин всегда можно найти много), а увидим движение событий, динамическую закономерность возникновения именно таких явлений, именно определенным образом воплощающих

Волны вестернизации

Прежде чем завершить рассмотрение данного раздела, посвященного широко распространяющимся волнам заимствований некоторых явлений в жизни общества, надо обратиться к еще одной особенной группе заимствований.

Вестернизация есть процесс уподобления различных обществ западному типу общества. В морфологическом понимании истории этот процесс выглядит как рост числа явлений, сходных с западными, т. е. рост числа аналогий и гомологий. Вестернизация может быть поверхностной, с сохранением традиционного ядра культуры и общественного устройства (такова вестернизация Японии и Китая), а может быть глубокой, связанной с существенным уподоблением обществу западного типа (такой была вестернизация Германии). Важно заметить, что почти во всех случаях вестернизации она является (по крайней мере на первых этапах) более или менее поверхностной, что связано с самыми общими закономерностями развития сложных систем, в том числе и таких, как общества. В любом процессе заимст

ния и уподобления система сохраняет преемственность, а значит, большое количество существенных сходств с предыдущим состоянием. Если же преемственность не сохраняется, следует говорить о гибели прежней системы, гибели общества данного типа, и о появлении на его месте нового общества. Таков пример глубокой вестернизации североамериканских индейцев.

Теория вестернизации (модернизации) была разработана в связи с развитием Японии в XIX–XX вв. Однако в дальнейшем выяснилось, что заимствование западного образа жизни и приспособление к западным технологиям имеют значительно более широкое распространение. Япония дает очень чистый и красивый пример успешной вестернизации, но были и другие примеры – вестернизации когда-то подверглась Франция (в очень слабой, по сравнению с Японией, степени), затем Германия – также весьма неотчетливо, и, наконец, Россия. Ситуация «восточная страна перед волной вестернизации» повторялась много раз. Можно найти великолепные примеры изоляции, которые демонстрируют замечательно глубокие и неожиданные сходства. Так, Византия XI, XII вв. замкнулась перед «Западом», как и Япония XVI–XVIII вв. В Византии «изоляционизм» выражен несколько слабее, поскольку сам Запад был еще не вполне вестернизован, да и традиционные (а также географические) связи с «Западом» у Византии были не в пример сильнее, чем у Японии.

Пожалуй, первой (в Новое время) страной незападного типа, столкнувшейся с проблемой вестернизации, была именно Россия. Вестернизация не ограничивается поверхностным заимствованием техники, она включает широкий спектр реакций реагирующей системы на сильное внешнее воздействие. Специфика процесса вестернизации определяется в первую очередь не характером западного влияния, а особенностями страны или региона, претерпевающего данное воздействие. Результат вестернизации в большей степени связан с предшествующими стадиями развития вестернизуемой страны, чем с предметной областью заимствований. Короче, вестернизация представляет собой сильное стрессовое воздействие на историю и культуру страны, но если ситуация не заканчивается гибелью вестернизуемой культуры, то всегда можно утверждать, что вестернизованная страна сильнее связана преемственными связями со своим до-вестернизационным прошлым, чем с теми регионами, откуда она получила заряд западной культуры. Поэтому число вариантов вестернизации определяется типами вестернизуемых культур в гораздо большей степени, чем случайными удачами и неудачами на пути самой вестернизации. Фактор преемственности в любой истории развития более значим, чем факт изменения, в частности – модернизации.

Петр был, может быть, первым вестернизатором Нового времени; вестернизация Германии происходила относительно легко, и впервые Запад столкнулся с достаточно отличающейся от него по типу культуры страной именно в России. Петр первым заложил основы самого типа строительства европейской цивилизации в неевропейской стране, и потом этот тип неизменно повторялся – вплоть до чудаковатых и ненужных заимствований внешних черт культуры, взятой за образец, – было такое и в Турции, и в Японии, и в Китае. Величайшей победой Петра было то, что он провел этот процесс до конца – не превратил Россию во вторую Германию, это невозможно, но сделал Россию настоящей европейской страной, не поверхностно европеизированной, а европейской. Как кажется, больше ни одному правителю и ни одной стране такое не удалось. И все же отставание России имела место, и европеизация России, проведенная Петром и его наследниками, почти не коснулась того крайне важного аспекта, по которому наблюдалось основное отставание.

Отставания в этом аспекте, пожалуй, и невозможно было избежать. Я имею в виду отставание в развитии индивидуализации человека, что проявляется в меньшей правовой культуре, отклонениях в области экономической жизни, иначе, чем у западного человека, устроенном чувстве свободы и ином понимании смысла собственной личности. Здесь, опять

же, важно не выставить знак – отставание это или благое сохранение древних порядков, – а выявить факт.

Выше уже отмечалось, что явления культуры по самому своему существу имеют локальный характер. То изменение культуры (и не только культуры), которое характеризует Новое время, имеет своим центром Западную Европу и постепенно затухает к Востоку. Россия по своему месту в этом градиенте не могла стать «такой же» правильной и правовой, как Англия или Германия. Отставание в области душевнодуховной, в области внутренней культуры, совместились с чрезвычайно быстрым развитием России в политической и, частично, экономической сфере.

Общая схема вестернизации, как она выглядит на примере Японии или Китая, такова: (1) политика изоляции от вестернизирующего влияния чужой культуры; (2) попытка заимствовать вооружения, не изменяя основной тип культуры; (3) поражение в военном конфликте; (4) реформы в политике и экономике по западному образцу, достаточно поверхностные по своему характеру; (5) милитаризация политики и экономики, образование тоталитарного государства с националистическими лозунгами; (6) медленное преобразование к менее тоталитарному режиму. Путь России имеет общие черты с таким процессом вестернизации, но именно начальный период вестернизации России, связанный с реформами Петра, выглядит совсем иначе, чем сходные примеры на Востоке. Напротив, та ситуация, которая сложилась в России конца 90-х годов XX века, несколько напоминает указанную схему (результат очередной волны вестернизации в России), а самое начало русской вестернизации было иным. Первые три этапа вестернизации пройдены мгновенно, в течение первых лет царствования Петра (а в Китае этап (2) длился более 30 лет, в период царствования императрицы Цыси из маньчжурской династии). Собственно петровские реформы начались сразу с (4) пункта. При этом решение оказалось успешным: Россия вошла в число ведущих держав мира, не потерпев при этом, в отличие от Китая и Японии, серьезных поражений в войнах.

Россия – первый успешный пример крупной вестернизации в истории. Другое дело, что история на этом не закончилась и победитель в одной из схваток не может почитать на лаврах: встретились другие задачи, связанные, в частности, с новыми волнами вестернизации, и при их решении Россия потерпела сокрушительное поражение – хотя и не разгром. Успешность первой вестернизации была внешней, внешнеполитической: Россия стала мировой державой, важнейшим фактором мировой политики и т. д. Это состояние, в сущности, не утеряно и в дальнейшем, однако на первое место по значимости вышли не внешние, «парадные», а внутренние задачи жизни страны. Одной из таких проблем стала судьба «интеллигенции», «уникального» русского социального слоя, кардинально отличающегося от «белых воротничков», «интеллектуалов» Запада. Уникальность русской интеллигенции в том, что она первой появилась на свет из гомологичного ряда социальных групп (как указал Г. Померанц). Интеллигенция – это вненародный, не связанный с традиционной культурой слой, возникающий в стране в результате вестернизации. Русская интеллигенция долгое время была уникальным явлением, не сознавая этого, а когда начались разговоры о ее уникальности, уже народились китайская, малайская, филиппинская, индонезийская и прочие виды интеллигенции. При этом граница раздела интеллигенции и народа тем резче, чем дальше страна от Запада, чем сильнее те преобразования, которые ей предстоят в процессе перекраски под западный образ жизни. Так что российской интеллигенции пришлось труднее прочих – она была первой, и легче других – она минимально отстояла от запада и разрыв с народом был не столь велик, как в случаях еще более восточных интеллигенций.

Вестернизация идет волнами, по мере развития западного общества все новые волны вестернизации проходят по ткани мировой истории. В целом последующие волны вестернизации углубляют этот процесс, общества становятся все более сходными, но это вовсе не общий закон, и процессы этого рода не аддитивны – иногда встречаются весьма слож-

ные взаимодействия результатов различных этапов вестернизации. Примером такой сложной многоэтапной вестернизации является история России.

Ядро западных стран, которое служит образцом при вестернизации, постепенно расширяется. Когда-то единственной (в Новое время) «западной» страной была Англия, вскоре к ней присоединилась Франция, затем Германия и многие другие страны Европы. В дальнейшем уже вся западная Европа целиком выступала в качестве образца при вестернизации, и переход со «сценария» на «сценарий» (уподобления той или иной европейской стране) проходил сравнительно легко: так, Япония сначала подражала Голландии, затем – Франции, потом – Англии, упорно – Германии, и наконец – после поражения в войне – надолго и все-речь начала подражать Соединенным Штатам. После стран Центральной и отчасти Южной Европы к «Западу» присоединились Россия и США, хотя и совсем по разному. США образовались при переносе общества западного типа на место погибших местных обществ, т. е. посредством завоевания, а Россия дала первый пример успешной вестернизации крупного общества, устроенного изначально не по типу западноевропейских обществ.

Процесс вестернизации оказывает обратное влияние и на западные общества. Эти обратные влияния также весьма многосторонни. Можно долго перечислять отдельные культурные влияния Востока на западную культуру в процессе вестернизации (йога, дзен-буддизм, восточное искусство); можно обратиться к более масштабным феноменам размывания западной культуры под влиянием расширения «Запада». Это, например, массовая эмиграция на Запад из стран Востока, создание на Западе анклавов чужеродного населения – и встающие в этой связи проблемы образования. Многие страны Запада (Швейцария, Швеция и некоторые другие) тратят немалую долю бюджета на «вестернизацию» осевших в этих странах наемных рабочих и служащих – турок, сербов, выходцев из мусульманских стран Африки. Иногда в этой связи у западных культурологов возникают даже пессимистические прогнозы о том, что Запад задохнется, что западная культура погибнет, чрезмерно «разбавленная» иммигрантами.

Вестернизация является весьма сложным процессом. С одной стороны, вестернизирующие влияние в подвергающихся им регионах вызывают противодействие, определенную реакцию, которая стремится избавиться от результатов вестернизации. При этом обычно эти реакции против вестернизации и являются основными действующими стимулами вестернизации, то есть зачастую почти весь процесс вестернизации страны исчерпывается реакцией на вестернизацию. Пытаясь противодействовать влиянию Запада, местные культурные слои как раз и вносят вестернизирующее влияние в местную культуру. С другой стороны, каждая вестернизация сопровождается ориентализацией Запада, обратным влиянием культуры Востока на Запад. Действие всегда равно противодействию, однако это не значит, что развитие стоит на месте. Когда мы идем, сила реакции опоры на наши ноги равна той силе, с которой мы попираем землю, и без этой силы реакции опоры мы не могли бы ходить. Точно так же можно видеть, что сильнейшее влияние Востока, являющееся противодействием вестернизации, делает процесс исторического развития значительно сложнее, чем простая логическая схема, но не препятствует самому факту развития. Запад с XVIII, XIX вв. затоплен китайскими, тибетскими, японскими влияниями, западная культура сейчас в значительной степени погребена под напластованиями восточных слоев. Это далеко не безобидный и не безболезненный для западной культуры процесс, тем не менее, не делает Запад Востоком.

Такие вчленения восточных по происхождению явлений в западную культуру (или иные сферы общественной жизни) относятся к особому классу морфологических явлений, которые мы находим в истории, – это **химеры**. Химерой можно назвать любое целостное образование, в котором смешиваются черты различных типов организации. Вестернизация во множестве порождает химерные исторические тела. Так, современная западная система образования является химерой, поскольку в типично западную схему образования прочно

входит восточная по своему происхождению система экзаменов. Непоследовательные и отрывочные вставки западных элементов в восточную культуру, во множестве встречаемые в вестернизуемых странах, также являются химерами. Правда, надо осознавать, что о химерах имеет смысл говорить только в случае достаточно целостных образований. Когда зоологи с помощью определенных методов смешивают клетки двух видов животных и в результате получают одно животное, один организм, который несет характерные черты обоих видов, когда у этого организма одни участки тела устроены образом, характерным для одного вида, а другие – характерным для другого, такое животное вполне имеет смысл называть химерой. А вот кучу мусора называть химерой бессмысленно. Поэтому говорить о химерах в истории стоит только тогда, когда мы имеем дело с достаточно целостными историческими телами, с целостными культурными образованиями или правовыми механизмами. При этом следует иметь в виду, что уровень целостности исторических тел ниже, чем у живых организмов. Исторические образования с гораздо большей легкостью включают в себя чужеродные элементы, чем живые организмы, поэтому практически в любом обширном культурном явлении можно найти следы давних заимствований из иной культуры, так что «охота за химерами» – дешевое развлечение. Указание на химерную природу исторического явления имеет смысл только в том случае, если это явление обладает высокой целостностью, а чужеродное заимствование, которое и служит основанием для характеристики этого явления как «химеры», произошло сравнительно недавно и еще не стало органической частью явления.

Рассматривая таким образом процессы вестернизации, мы встречаемся с чрезвычайно сложными рядами явлений, множественными системами заимствований и последующих влияний этих укоренившихся заимствований, с действиями и противодействиями, причем действия и противодействия могут иметь место в совсем разных сферах общественного организма. Например, совершенно очевидным является факт, что Запад влияет на страны Востока преимущественно в сфере экономики, а ответное влияние Востока происходит преимущественно в сфере культуры. Запад завоевывает Восток экономически и влияет на восточную культуру из тех ее сфер, которые соприкасаются или зависят от экономического устройства общества; Восток же, напротив, активно проникает в западную культурную жизнь и влияет на те учреждения западного общества, которые в большей степени связаны с культурой. Вся эта сложная картина процессов и образует явление вестернизации, так что сравнение вестернизаций в разных странах и в разные времена – очень нетривиальная задача. Почти единственное, что можно сказать обо всех вестернизациях, что в определенном смысле они распространяются из какого-то центра к периферии, из определенного культурного региона на окружающие области.

То, что для явлений вестернизации характерна, в определенном смысле, **центральная симметрия**, то, что есть некий центр, культурный образец, по мере отдаления от которого заимствования становятся все более частичными, происходят все медленнее, – эта черта вестернизации самым существенным образом отделяет ее от простых заимствований в технической и хозяйственной сфере жизни. Как и эти отдельные заимствования, вестернизация распространяется в виде волны – потому что вестернизация есть некоторая совокупность заимствований. Но в силу своего структурного характера вестернизация ведет себя иначе, чем всеприменимые и универсальные заимствования отдельных черт хозяйственной жизни или сферы управления. При вестернизации заимствуется огромный комплекс явлений, связанный не только с хозяйственной и частично с правовой, а со всеми сторонами жизни общества. Именно вовлечение в вестернизацию культурной компоненты, по основам своим локально распространяемой, и делает явление вестернизации в целом явлением с центральной симметрией, быстро затухающей волной преобразований общественной жизни.

Вестернизацию можно рассматривать как частный случай более общей категории явлений – как крупный массив заимствований в различных сферах общественной жизни. Правда,

существенным для вестернизации является то обстоятельство, что это не отдельные заимствования, даже многочисленные, а целая система, имеющая глубокие внутренние взаимосвязи. Вестернизация, как уже говорилось, может кардинально изменить общество, которое включилось в этот процесс.

Вестернизация как таковая есть вовлечение обществ в орбиту западной цивилизации, и применяется этот термин к явлениям, относящимся к последним векам второго тысячелетия после Р.Х. Существует и другой термин – **модернизация**, вовлечение обществ традиционного уклада в «современный» тип хозяйствования и управления. Более общий по названию, этот термин применяется как синоним вестернизации, поскольку в сегодняшнем мире «современное» общество – это общество западного типа.

Значит, и «вестернизация», и «модернизация» могут наблюдаться с того момента, как возник Запад. Чтобы избежать дублирования терминов, можно закрепить за словом «модернизация» несколько иной смысл – в любом историческом срезе модернизацией мы будем называть процесс широкого уподобления обществ предыдущего, традиционного уклада модернованным обществам нового типа, распространяющегося в данную историческую эпоху. Тогда вестернизация будет частным случаем модернизации, наиболее хорошо изученным и лучше всего нам известным. Вестернизация как частный случай модернизации при внимательном рассмотрении оказывается процессом распространения области Новой истории на все новые регионы. Общества, не вовлеченные в этот процесс вестернизации или вовлеченные в слабой степени, не относятся к Новой истории. У нас на глазах происходит пространственное расширение исторической эпохи.

Однако в прежние исторические эпохи шли и другие процессы модернизации. В силу меньшей связности человечества в те эпохи эти процессы были не столь отчетливы, как современная нам вестернизация, но все же и их следы можно разыскать. Так, древнее историко-философское противопоставление Ирана и Турана отражает одну из очень древних волн модернизации – «иранизацию», переход от кочевого образа жизни к оседлому. Широко обсуждаемое явление «городской революции» также относится к одному из периодов древней модернизации. Подобным образом распространялись египетская, древнеперсидская, древняя индийская исторические эпохи. Все исторические периоды возникают локально, в некотором центре, а затем волны исходящего из них влияния (модернизации) распространяются на соседние регионы, вовлекая и их в новую эпоху. Поэтому общим термином для таких процессов можно считать «модернизацию», которая в наше время проявляется как «вестернизация».

Можно считать, что вестернизация впервые появилась в Новое время, когда Запад стал очень сильно отличаться от окружающих его обществ. Однако есть серьезные основания считать, что основные черты Запада возникли гораздо раньше, что начало Запада связано с классической Грецией. Действительно, то, что мы называем теперь «западным обществом», развилось из зачатков, впервые проявившихся в Древней Элладе. Именно с появлением греческой цивилизации можно начать говорить о появлении Запада, а значит – о вестернизации. В таком случае первую из вестернизаций следует называть **эллинизацией**; только более древние процессы этого класса относятся к другим типам модернизации. Сама же вестернизация может быть подразделена на два этапа – эллинизацию и собственно вестернизацию Нового времени.

Походы Александра Македонского и возникшая в результате культура эллинизма расширили область действия греко-латинской эпохи. Модернизация совсем не обязательно означает прямое завоевание других стран или утрату ими своих особенностей. Скорее происходит усвоение стиля новой эпохи; эллинистическая Индия или Персия, Египет и проч. не стали двойниками Македонии или даже Рима. Однако по мере того, как стилистические напластования в данной модернизируемой культуре становятся все мощнее, общество

в целом начинает вести себя в соответствии с типом, из которого взяты стилистически заимствованные черты. Эллинизированный Египет не пережил Рима. Продолжением первой волны вестернизации послужила латинизация – пришедшее на смену греческому влиянию влияние римской культуры. Затем в Средние века происходило своеобразное накопление сил, и начиная с Нового времени на мир обрушились новые волны вестернизации, значительно более мощные, чем прежде.

На то, что все эти знаменитые культурные эпохи – эллинизация, латинизация, распространяющееся влияние европейцев (начиная с XVI в.) на весь мир, что нашло отражение в колонизации – являются вариантами одного явления (вестернизации), указывает общая структура происходящего. Согласно описанию, данному Померанцем (1990) для вестернизации XX века, в результате вестернизирующей волны образуется слой «интеллигенции» – верхов общества и наиболее образованных групп, сильнее затронутых западным влиянием, и «народ». Это уже не прежний народ, выделяемый по признаку этничности. Это народ, противопоставленный интеллигенции; народ традиционный, составляющий большинство, «необразованный» (не приобщенный к западной культуре). Если мы взглянем на эллинизацию, происходившую в последние века перед началом Новой эры, то увидим, что в результате эллинизации возникала следующая картина. Верхушка местного азиатского общества, вовлеченная в административный аппарат империи наследников Александра Македонского, а также греческие поселенцы, проживающие преимущественно в городах, составляли эллинизированный слой. Они назывались «эллинами», независимо от происхождения. Еще в предшествующую эпоху классической Греции греком в греческой культуре считался не только этнический грек, но любой человек, получивший греческое воспитание (другое дело, что таких людей было относительно немного). В новых условиях распространения эллинистической культуры на огромные пространства Африки и Азии эллином стал называться любой человек, в той или иной степени подвергшийся эллинистическому влиянию. Остальное население (преимущественно сельское) придерживалось традиционного уклада и было значительно слабее охвачено эллинизацией. Эти сельские неэллинизированные области назывались «хора». То есть в результате эллинизации в неевропейских обществах возникли новые слои – «эллины» местного происхождения и хора, остальной народ. Последовавшее затем римское влияние еще усугубило ситуацию, «ромеями» называли римских подданных и подвергшихся латинизации людей независимо от их этнического происхождения.

Что же явилось результатом эллинистического влияния на Востоке? Взглянув на печальную судьбу современной вестернизации, которая не способна окончательно «переварить» традиционные общества Азии, Африки и Южной Америки, можно усомниться в том, что вестернизации могут иметь успех. Подвергшиеся эллинизации области Азии и Африки остались неевропейскими, что очевидно теперь, через две тысячи лет. Персия и Египет не вошли в состав европейских стран, хотя подвергаются вестернизации уже тысячелетия. Можно ли полагать, что вестернизации не имеет крупных исторических последствий, и ее эффект сводится только к появлению национальной вестернизированной интеллигенции, которую «народ» (хора) ненавидит и спорадически режет? Или мы все же сможем отыскать крупные исторические следствия вестернизации?

Результаты вестернизации, тем более с включением в этот процесс предшествующих волн (эллинизации, латинизации) – слишком объемная тема, чтобы развешивать ее здесь. Результатом первой вестернизации – эллинизации – явилась, в частности, и ориентализация Римской империи, широчайшее проникновение восточной культуры и восточных культов далеко на Запад. Тем самым рассмотрение даже первой, еще довольно слабой вестернизации должно захватывать не только мир Востока, но и всю ойкумену Запада. Однако можно затронуть один очень интересный аспект этого процесса, связанный именно с эффектом вестернизации.

Достаточно очевидно, что большинство людей ждет от истории прогнозов, которых та отчаянно не дает. Но при этом прогнозы возможны не только относительно будущего, но и относительно прошлого, и по этому поводу родился даже самостоятельный термин – **альтернативная история**. Эта пока еще вполне ненаучная область знания, существующая скорее в фантастической литературе, нежели в исторических трудах, призвана рассказать, что было бы, если бы... Представляется, что осмысление результатов первой вестернизации (эллинизации) приводит именно в область альтернативной истории.

С одной стороны, результат вестернизации ничтожен. Через две с лишним тысячи лет даже ближайшие к Европе средиземноморские страны не могут быть причислены к «Западу». После надежд, вызванных успехами мощнейшей волны вестернизации XIX в., XX век продемонстрировал (Иран), что в основе своей эти общества относятся скорее к традиционному Востоку, чем к Западу. Что можно заметить с другой стороны? Области, о которых идет речь, т. е. те регионы, которые подверглись когда-то эллинистическому влиянию и затем все вновь и вновь вестернизовывались, сейчас являются регионом распространения мощнейшего конкурента христианства среди мировых религий – ислама. Именно ислам является сейчас силой, цементирующей традиционные общества (хору) в их противостоянии «тлетворному влиянию Запада».

А как бы выглядела данная ситуация, если бы вестернизации не было? Если бы Запад был изолирован в Европе, а эллинизма и последующих вестернизирующих волн не последовало бы? При некотором углублении можно заметить, что ислам является очень вестернизированной религией; при всем его антиевропеизме ислам – во многом западная религия. Он выглядит Востоком в своем противостоянии Западу, но при сравнении с действительно восточными религиозными системами в нем очевидно сильнейшее влияние вестернизирующих импульсов. Ислам с этой точки зрения выглядит как определенная ступень; душевная жизнь людей, уже не относящихся к собственно Востоку, но еще в недостаточной степени вестернизованных, протекает таким образом, что для них наиболее близким оказывается мусульманство.

Если бы вестернизации не было, если бы эллинизм был действительно бесплоден – или если бы вообще не было ни восточного похода Александра, ни последующей эллинизации Востока, – не было бы и ислама. В том регионе, где сейчас владычествует ислам, была бы распространена иная религия. Точно так же, как сейчас области, захваченные исламом, охватывают Европу гигантским полукольцом, Европу охватывало бы иное религиозное течение. При анализе потенциалов различных религий можно видеть, что это была бы религия бон, распространенная сейчас в некоторых районах Тибета.

Согласно определению современных исследователей, *bon-ra* – глагол, означающий чтение наизусть (молитв, гимнов), *бонец* – тот, кто читает (молитвы) наизусть (Кузнецов, 1998). «Тибетская вера – это вера учителя Шенраба. Взывая к богам, совершать кровавые жертвы» ((*Choskyi-grags-pas brtsams-ra...*, p. 565, цит. по Кузнецову, 1998, с. 190). «Бон – это бог, рожденный из центра свастики, бон – это жрец, рожденный из центра свастики». Бонская свастика – *юндрун* – представляет собой крест с изогнутыми концами; этот символ имеет отношение к солнцу. Бонская религия, хотя сейчас она распространена очень локально, на деле обладает очень высокими прозелитическими потенциями. В бонскую веру может войти любой человек и любой бог (бон политеистичен), а также «любой дух, бес, демон может войти в нее на общих основаниях, и нет, таким образом, ни обиженных, ни отверженных» (Кузнецов, с. 191). Единственное условие – признание бона главной религией, подчинение ему. С точки зрения бона, все религии представляют собой одно и то же, только в разных видах. В далекие времена около последних веков перед Новой эрой бон вел себя достаточно активно, влияние бона все ширилось. Сейчас, глядя на сегодняшний бон, в

это трудно поверить, но прозелитические потенции бона никак не меньше, чем у сегодняшнего ислама – а, возможно, и больше.

Родиной бона можно считать Иран и Согдиану, ту же Переднюю и Центральную Азию, где так уверенно закрепился впоследствии ислам. Истоки бона установить затруднительно, тибетские источники пока плохо изучены, однако в V–VI вв. до Р.Х. бон входил в число группы близких религий Передней Азии. Подобно тому, как иудаизм, христианство и ислам являются в определенном отношении близкими религиями, так бон близок к религии магов, хотя и значительно отличается от нее по множеству важнейших черт. На восток бон отбросило сначала развитие зороастризма (Херцфельд (Herzfeld, 1938) высказал мнение, что Ксеркс («Антидэвовская надпись») боролся с восстанием магов – этот сюжет имеет параллель в истории бона), затем – эллинизация Востока, совершившаяся благодаря деянию Александра. Но потенциал распространения бона был еще велик, поскольку существовали обширные области, ожидающие новой религии. Этой религией стал ислам. Непосредственно с боном ислам почти не взаимодействовал и не боролся, но вытеснил его из истории, заняв ту нишу, куда мог внедриться бон.

Если бы не вестернизирующее влияние эллинизма, в этом регионе, – сначала в Передней и Центральной Азии, а затем и шире, значительно шире, – развернулся бы бон, захватил бы примерно те же области, что ныне ислам, и в соответствии с характерами придерживающихся его народов был бы достаточно агрессивен – так сказать, добавочно агрессивен. Европа была бы окружена боном, и есть основания полагать, что тогда судьба европейской цивилизации в Средние века и позднее была бы значительно более суровой, нежели в условиях противостояния исламу. Чтобы понять это, надо смотреть не на современный бон – локально распространенный и очень мирный, окрашенный в колер близкого к нему регионально буддизма, а представить себе тот же бон в мусульманской окраске, охвативший те же народы, что ислам сегодня. Магический элемент в боне значительно сильнее, чем в исламе, и то, что могло бы развиться из бона, будь он мировой религией, было бы значительно более мощным, чем порождения суфийской мудрости. При этом бон по своей сути совсем не вестернизированная религия, и сопротивление импульсам, исходящим из Европы, было бы со стороны бона гораздо более сильным, чем современный исламский фундаментализм. Многие идеи, сейчас ассоциируемые преимущественно с индийскими религиями, на деле имеют иной источник. Например, есть серьезные основания полагать, что идея бесконечно повторяющегося времени, «колеса времени», есть идея исходно родственная источникам религии бон, в несколько измененной форме заимствованная затем, в частности, буддизмом махаяны.

Нынешнее «миролюбие» бона есть лишь временное состояние. В период противостояния буддизма и бона в Тибете сторонники бона, случалось, вырезали тысячи буддистов, сжигая храмы и все буддийские книги. Сами по себе такие действия не являются чем-то исключительным и, например, в истории христианства таких историй множество. Надо только заметить, что по своему типу бон – не религия «буддийского» круга, у нее совсем иной характер, хотя современный бон при поверхностном рассмотрении почти неотличим от буддизма. Бон мимикрирует под буддизм примерно с XI в. – тогда были временно отменены кровавые жертвоприношения. Бонды создали тексты, подобные буддийским сутрам, по примеру буддистов сочинили трактаты о «метафизике». Исследователь бона отмечает, что в этих текстах «чувствуется очень часто непонимание тех проблем, которые в свое время выдвигались буддистами» (Кузнецов, 1998, с. 324). Мимикрия эта поверхностна – в северных районах Тибета сохраняется традиционный бон с его ритуалами, кровавыми жертвами и проч. С «живым боном» встречался Ю.Н. Рерих, который описал его следующим образом: «Существуют два течения религии бон: первое отличается поклонением силам природы и сопровождается ритуалами шаманизма, некромантией и иногда жертвоприношениями (ныне вместо людей в жертву приносят овец, коз, а также изображения святых); второе представляет собой рефор-

мированный бон, или бон, приспособившийся к буддизму» (Рерих, 1982, с. 218). Если буддизм понимает добро как недеяние и неучастие, то представление о добре в боне вполне «персидское» – добро подразумевает борьбу за правду и справедливость, и методы этой борьбы могут быть любыми. Вопрос о пригодности способа, которым достигается добро, в боне не стоит; все, что служит для победы добра – благо, и точка.

Конечно, опираться на рассуждения «альтернативной истории» трудно; можно полагать, что если бы не было Александра и последующего эллинизма, влияние бона не было бы подорвано и соперником христианства был бы не монотеистический ислам, а политеистический бон. Можно нечто прогнозировать о судьбе христианской Европы в таком окружении, однако все это является не более чем цепью более или менее правдоподобных положений. Эти предположения достаточно легко подвергнуть сомнению в той области, которая говорит о далеких судьбах той, альтернативной Европы и альтернативного человечества, но есть у всего этого рассуждения и довольно позитивный аспект. Именно явление ислама, являющего собой «непонятный», «боковой» и «придаточный» отрезок всемирной истории для всех, кто видит в христианстве последнюю и самую прогрессивную стадию религиозной жизни, – именно это явление ислама в таком рассмотрении обретает свой смысл и указывает на плодотворность вестернизации. Вестернизация не является столь легким процессом, как об этом мечталось в XIX и начале XX века; даже за тысячи лет вестернизирующего влияния традиционный Восток не становится Западом, однако и неизменным он не остается.

* * *

Итак, распространение на новые регионы событий первой группы, которые являются в основном заимствованиями, выглядит как волна, расходящаяся от центра (обычно это страны Западной Европы). Скорость распространения волны большая, причем с течением времени скорость прохождения волны возрастает, в пределе ситуация стремится к одновременному возникновению серии гомологичных событий в разных регионах. По содержанию к этой группе относятся научные открытия большой практической важности, новые технологии производства и военного дела, культурные технологии. То есть в первую группу объединяются события с сильным экономическим (реже – государственно-правовым) воздействием, это очень полезные и практически выгодные открытия и технологии. Именно поэтому основной путь распространения этих событий – заимствования. Внедряются они быстро как в силу их чрезвычайной полезности и даже необходимости, так и по причине относительной простоты. Большинство из них имеет ярко выраженный экономический эффект. Так что несмотря на то, что эти события можно характеризовать как открытия сферы культуры, специфика их поведения и распространения объясняется тем, что они влияют на экономическую и государственную жизнь. По смыслу это события, относящиеся к экономической и государственной сферам общественного целого.

Сложные системы заимствований, относящиеся не только к упомянутым выше сферам общественной жизни, но включающие в себя многочисленные явления культуры, ведут себя иначе – их распространение принципиально локально и встречается с сильным сопротивлением. Такие «волны событий», одним из видов которых является вестернизация, идут чрезвычайно медленно, в отличие от громадной скорости распространения элементарных заимствований. Такие локальные явления, видимо, следует относить к совсем иному классу событий, нежели простые, элементарные заимствования, и с другими проявлениями этого класса событий мы встретимся в следующих главах, там, где нам придется рассматривать исторические события, обладающие локальным эффектом.

Глава IV

Феодализм и образование национальных государств

Три сферы в феодализме. – Развитие феодализма: фуга и вариации. – Особенности европейского феодализма. – Происхождение рыцарства. – Романо-германский синтез. – Сравнение европейского рыцарства с восточным собратом. – Германский народный характер и феодализм. – Народные характеры и их характеристика. – Особенности европейского развития в иных областях культуры. – Схоластика и развитие «духа протестантизма». – Изменение понятия национальности. Образование национальных государств. – Контроль насилия. – Слияние в XII в. государственности и народности. – Разложение национальности на компоненты. – Волна становления национальных государств. – Схема огосударствления. – Кольцо времени.

Если заимствования и моды обладают описанными выше чертами, быстро распространяются и сменяются все новыми волнами заимствований, то другая группа фактов ведет себя совсем иначе. Это ряд событий, связанных с в первую очередь с типом государственного устройства, с самыми основами устройства общества. Эти события развиваются по определенной схеме, связывающей их в последовательный ряд. Длительность этапов этой схемы в разных регионах различна, последовательность же их достаточно постоянна. Эти явления гораздо сложнее по своему устройству, чем явления первой группы. Чтобы познакомиться с ними, обратимся к хорошо изученным страницам истории Европы.

Различные типы устройства общества очень давно привлекли внимание историков, и о них существует огромная литература. Одно из самых крупных явлений в этой области – феодализм. Кратко говоря, прежние поколения историков рассматривали феодализм в основном как чисто-европейское явление. Затем успехи современной медиевистики привели к тому, что феодальные общества стали находить во всех регионах мира. Сейчас наиболее популярной является точка зрения, что феодализм – самый устойчивый тип общества, легко возникающий в разных регионах с самыми разными культурами. Феодализм существовал с древнейших времен – еще до новой эры в чжоуском Китае мы встречаем типичные феодальные порядки, то же наблюдается в Хэйанский период истории Японии (XI–XII вв.). Общества Индии, Африки, Америки можно рассматривать как различные подтипы и вариации феодального устройства. Поскольку феодализм оказался столь изменчивым явлением, возникла и такая точка зрения, что термин «феодализм» ничего не значит, он слишком расплывчат. Постараемся же очертить это явление, учитывая его вариации. Нашей целью будет рассмотрение феодализма в разных регионах, сравнение разных феодализмов и выделение типов феодальных культур.

Три сферы в феодализме

Феодализм, как любое общественное целое, включает три аспекта – экономический, государственно-правовой и культурный. В экономическом аспекте феодализм предстает как «религия земли», доход приносит сама земля, а труд является второстепенным (недефицитным) моментом, чему соответствует *натуральное хозяйство*. Это время господства экономики, основанной на собственности на землю. Очень ярко это проявилось именно в фео-

дальном периоде Европы, когда развитая денежная и рыночная экономика Римской империи деградировала к бартеру, сопровождающему самодостаточное местное хозяйство.

В государственно-правовом аспекте феодализм в своих характерных чертах определяется как *частное право*, судебная власть принадлежит владельцу земли, частному лицу, право принципиально локально и действует в пределах власти лица. Стабильные феодальные общества до некоторой степени маскируют эту основу власти, но при сравнении централизованной политической власти Римской империи или империи Цинь с последующим дезинтегрированным состоянием эта черта выступает со всей определенностью.

В культурном аспекте феодализм определяется как *иерархия вассалитета*, отсюда развивается местничество, семейная и личная честь. Именно вассально-ленная система, иерархия вассалитета породила такие общественно-значимые понятия, как честь, дружба и верность в их специфически-рыцарском понимании. Эти «феодальные» качества оказывают сильнейшее воздействие на дальнейшее развитие общества.

Специфические черты феодализма, проявляющиеся в трех сферах общества, имеют различную значимость. Существует мнение (по преимуществу марксистское, но имеющее и более широкое хождение), что причиной развития феодализма послужило натуральное хозяйство. Однако феодализм как тип общества не жестко связан с определенным устройством экономической сферы. Действительно, наиболее соответствующей феодализму является экономика натурального хозяйства. Но под влиянием разных факторов феодализм может сочетаться и с иными типами экономики. Так, Россия XV–XVI в. (а в значительной степени и в XVII) в хозяйственном отношении почти целиком относится к натуральному хозяйству, но в государственно-правовой сфере это время распада феодализма и развития (а также расцвета) национальной монархии. То государственное устройство, которое сохранялось в германских государствах чуть не до второй половины XIX в., не назовешь иначе, чем феодальным, в то время как хозяйство Центральной Европы, конечно, уже не было натуральным, напротив, оно значительно обгоняло Россию, которая, в свою очередь, давно обогнала Германию по степени развития государственного устройства. Взаимодействие сфер общественной жизни является довольно свободным, и комплементарные части в разных странах иногда значительно разнесены во времени. Рассматривая разные варианты феодализма, скорее можно сказать не то, что он обязательно связан с натуральным хозяйством, а что при феодализме обычно не бывают сильно развитыми денежные системы экономики. Экономика, опирающаяся на собственность на землю, не слишком хорошо сочетается с развитым монетаризмом.

Три сферы феодализма изменялись с разными темпами. Экономика земельная сменилась в Европе на денежную экономику приблизительно в XVI в. Характерной чертой денежной (монетарной) экономики является принципиально иной тип рациональности, действующий в этой экономике. Собственно, деньги являются символом этого типа рациональности, и из сущности денег вытекают все характерные черты такой экономики. Но и в самой организации производства можно видеть этот отпечаток: в экономику проникает новая рациональность, которая иначе организует производство и сам труд, так что экономическая жизнь подчиняется теперь таким параметрам, как *эффективность и прибыльность*. Эти новые (по отношению к Средневековью) параметры сродни деньгам: их характеризует высокая интеллектуальность (или интеллектуалоемкость), это продукты высочайшего интеллекта. Они не являются результатом работы индивидуального человеческого разума: чрезвычайно наивной и распадающейся при любом реальном контакте с современной экономикой является точка зрения, что «умный» предприниматель может «рационально» добиться успеха. Точно так же крах всех экономических теорий показывает, что сплетение труда, кредита, капитала и производства в современной экономике оказывается столь сложным, что рациональные методы анализа приводят к чрезвычайно однобоким теориям, не описывающим явления

экономики в его целостности и не позволяющим практически учитывать реальные закономерности процессов. Эта экономика именно и прежде всего находится вне человеческого разума, хотя и является интеллектуальной, рациональной. Понятия эффективности и прибыльности (рентабельности) являются не естественными, выводимыми только из развития экономической жизни понятиями; это интеллектуальные конструкты, внедренные в экономику извне и преобразовавшие ее таким образом, чтобы она соответствовала их функционированию. В этом смысле экономика Нового времени не является преемственной к экономике Средневековья.

Это не единственный пример, такой слом преемственности на границе Нового времени претерпели многие области. Например, математика Нового времени абсолютно не родственна математике, которая жила еще до XIV, XV века (анализм алгебры сменил телесно-геометрически представляемые числа). То есть период Нового времени характеризовался не только видоизменением различных сфер, но и кардинальным изменением определенных областей экономики, культуры, права, когда чрезвычайно быстро исчезали целые органы общественной жизни, а на их месте возникали образования совсем иной природы. Помимо того, что экономика феодализма характеризуется слабым развитием денежных отношений, можно также отметить, что если определять феодализм по отношениям собственности, это система условной (а не частной) собственности, собственность здесь соединена с политической властью.

Если определять феодализм по государственно-правовым критериям, то на первый план выступает *правовой иммунитет* и связанная с ним система личных сеньориально-вассальных связей. Собственно, иммунитет и является официальным отражением наличия лично-зависимых людей. Феодализм в таком понимании ограничен временем политической раздробленности. Периоды политической централизации удобнее называть не феодальными (никаких явлений, сходных с феодами, в эти периоды истории не наблюдается), а автократиями разных форм – от примитивных королевств, вожеств германского типа, иногда достигающих некоторой целостности и определенной степени централизации, до ранних империй – китайских, римской, мусульманских и т. д.

Правовой иммунитет проявлялся в том, что, получая во владение от сюзерена землю, вассал получал вместе с ней правовой иммунитет, на его земле действовала его воля, его законы. Собственность на землю подразумевала, что сборщики налогов, судьи и иные представители власти сюзерена не могут входить на земли вассала и исполнять там свои обязанности. Взаимодействие права сюзерена и права вассала возможно не напрямую, а только с разрешения вассала: он может выдать преступника властям сюзерена (а может и не выдать), но прямая поимка и суд на его земле невозможны. Ранг вассала определяется рангом присвоенного ему судебного права. Существовал суд низший, средний и высший. Владелец прав низшего суда мог ловить преступника, среднего – пытаться, высшего – также и казнить. Поэтому виселица на въезде во владения вассала указывала на обладание им правами высшего суда. Право принципиально было *частным*, зависело от лица, и *локальным* — зависело от земли.

Переплетение экономической и правовой сферы при феодализме приводило к тому, что понятие собственности в нашем современном смысле слова отсутствовало. Земля принадлежала всем членам лестницы вассалитета, – одна земля принадлежала многим людям, от крестьянина до короля. Каждый имел право собственности на своем уровне, и уровень этот определялся властью, а не собственностью: король спорил за клочок земли с другим королем, а крестьянин – с другим крестьянином. Эта ситуация и называется условной собственностью. Термин не очень удачный, поскольку это была основная форма собственности при феодализме, и люди именно такую собственность самым безусловным образом считали своей. Они не видели никакого противоречия в том, что одна и та же вещь принадлежала

множеству людей. Современное понятие частной собственности развилось много позже, примерно начиная с Нового времени. Первые ростки такого чувства собственности, частной собственности, появились еще в греческом мире, и затем они вновь стали возникать через полторы тысячи лет, причем развивались очень быстро, прошли все стадии, когда-то пройденные в греческом обществе и пошли гораздо дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.